

#11 (51), 2019 część 6

Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe
(Warszawa, Polska)

Czasopismo jest zarejestrowane i publikowane w Polsce. W czasopiśmie publikowane są artykuły ze wszystkich dziedzin naukowych. Czasopismo publikowane jest w języku polskim, angielskim, niemieckim i rosyjskim.

Artykuły przyjmowane są do dnia 30 każdego miesiąca.

Częstotliwość: 12 wydań rocznie.

Format - A4, kolorowy druk

Wszystkie artykuły są recenzowane

Każdy autor otrzymuje jeden bezpłatny egzemplarz czasopisma.

Bezpłatny dostęp do wersji elektronicznej czasopisma.

Zespół redakcyjny

Redaktor naczelny - Adam Barczuk

Mikołaj Wiśniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Paweł Lewandowski

Rada naukowa

Adam Nowicki (Uniwersytet Warszawski)

Michał Adamczyk (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jabłoński (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Piotr Michalak (Uniwersytet Warszawski)

Jerzy Czarnecki (Uniwersytet Jagielloński)

Kolub Frennen (University of Tübingen)

Bartosz Wysocki (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (Uniwersytet Warszawski)

#11 (51), 2019 part 6

East European Scientific Journal
(Warsaw, Poland)

The journal is registered and published in Poland.
The journal is registered and published in Poland.
Articles in all spheres of sciences are published in the journal. Journal is published in English, German, Polish and Russian.

Articles are accepted till the 30th day of each month.

Periodicity: 12 issues per year.

Format - A4, color printing

All articles are reviewed

Each author receives one free printed copy of the journal

Free access to the electronic version of journal

Editorial

Editor in chief - Adam Barczuk

Mikołaj Wiśniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Paweł Lewandowski

The scientific council

Adam Nowicki (Uniwersytet Warszawski)

Michał Adamczyk (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jabłoński (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Piotr Michalak (Uniwersytet Warszawski)

Jerzy Czarnecki (Uniwersytet Jagielloński)

Kolub Frennen (University of Tübingen)

Bartosz Wysocki (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (Uniwersytet Warszawski)

Dawid Kowalik (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)
Peter Clarkwood(University College London)
Igor Dziedzic (Polska Akademia Nauk)
Alexander Klimek (Polska Akademia Nauk)
Alexander Rogowski (Uniwersytet Jagielloński)
Kehan Schreiner(Hebrew University)
Bartosz Mazurkiewicz (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)
Anthony Maverick(Bar-Ilan University)
Mikołaj Żukowski (Uniwersytet Warszawski)
Mateusz Marszałek (Uniwersytet Jagielloński)
Szymon Matysiak (Polska Akademia Nauk)
Michał Niewiadomski (Instytut Stosunków Międzynarodowych)
Redaktor naczelny - Adam Barczuk

1000 kopii.

Wydrukowano w «Aleje Jerozolimskie 85/21, 02-001 Warszawa, Polska»

Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe

Aleje Jerozolimskie 85/21, 02-001
Warszawa, Polska

E-mail: info@eesa-journal.com ,
http://eesa-journal.com/

Dawid Kowalik (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)
Peter Clarkwood(University College London)
Igor Dziedzic (Polska Akademia Nauk)
Alexander Klimek (Polska Akademia Nauk)
Alexander Rogowski (Uniwersytet Jagielloński)
Kehan Schreiner(Hebrew University)
Bartosz Mazurkiewicz (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)
Anthony Maverick(Bar-Ilan University)
Mikołaj Żukowski (Uniwersytet Warszawski)
Mateusz Marszałek (Uniwersytet Jagielloński)
Szymon Matysiak (Polska Akademia Nauk)
Michał Niewiadomski (Instytut Stosunków Międzynarodowych)
Editor in chief - Adam Barczuk

1000 copies.

Printed in the "Jerozolimskie 85/21, 02-001 Warsaw, Poland»

East European Scientific Journal

Jerozolimskie 85/21, 02-001 Warsaw,
Poland

E-mail: info@eesa-journal.com ,
http://eesa-journal.com/

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Bayramov M.C.	
ON THE STUDY OF MANZIKERT BATTLE IN TURKISH HISTORIOGRAPHY	4
Гордиенко А.В.	
РАСПУТИН И АРХЕОЛОГИЯ.....	7
Янишевский Б.Е.	
МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОДХОДА К НАПИСАНИЮ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЫ БОЛЬШОГО ГОРОДА.....	16
Яхутль Ю. А.	
ЮЖНО-РОССИЙСКАЯ СТАНИЦА В УСЛОВИЯХ ПОВСЕДНЕВНОСТИ НЭПа	20

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Grynkо Т., Ustymenko S.	
PROFESSIONAL DEVELOPMENT OF MEDICAL PERSONNEL AS A FACTOR FOR INCREASING THE ECONOMIC SECURITY OF MEDICAL SERVICE ENTERPRISES.....	24
Шелудько Е. І., Завгородня М. Ю.	
ОСОБЛИВОСТІ ОРГАНІЗАЦІЇ НЕФОРМАЛЬНОЇ ОСВІТИ ПІД ВПЛИВОМ ВИКЛІКІВ СУЧASNOSTI	27
Золотарева Ю. В., Золотарева У. И.	
О РАЗВИТИИ ТУРИСТСКОЙ ОТРАСЛИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА ОСНОВЕ УСПЕШНОГО ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА	32
Калиакпарова Г.Ш., Гриднева Е.Е.	
РАЗВИТИЕ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОММЕРЧЕСКИХ БАНКОВ	38
Лір В. Е.	
КІБЕРБЕЗПЕКА ЯК ВИКЛІК ЦИФРОВІЗАЦІЇ ЕНЕРГЕТИКИ.....	42
Назаркевич О. Б.	
ФАКТОРИ ВПЛИву ТА ПЕРСПЕКТИВИ РОЗВИТКУ МАЛОГО ПІДПРИЄМНИЦТВА В УКРАЇНІ	47
Шапоренко Е. А.	
ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ РАСХОДАМИ БЮДЖЕТА.....	52

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Gusevskaya N.Yu.	
THE NEW TECHNOLOGY REVOLUTION AND GREAT POWER COMPETITION	59
Soliyeva N.a E.	
THE CONCEPT OF "IDEOSPHERE" AND ITS EVOLUTION OF THE STUDIES	60
Chuyan S.	
CONCEPTS "SUBJECTIVITY"AND "IDENTITY" IN THE DUBLINERS BY J.JOYCE	62

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Bayramov M.C.

Lankaran State University

ON THE STUDY OF MANZIKERT BATTLE IN TURKISH HISTORIOGRAPHY

М.Дж. Байрамов

ОБ ИЗУЧЕНИИ ВОЙНЫ МАНЦИКЕРТА В ТУРЕЦКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Summary. The article investigates the history the battle of Manzikert in Turkish historiography, which plays a key role in the transformation of Anatolia into Turkish lands. Historical works on these or other problems of the battle of Manzikert of the Turkish historians - Ali Sevim, Suleyman Tuluju, Faruk Sumer, Mustafa Alijan and others have been reviewed in terms of historiography in the article.

Резюме. В статье исследуется история войны Манзикерта в турецкой историографии, которая играет ключевую роль в превращении Анатолии в турецкие земли. Исторические труды по тем или иным проблемам битвы при Манзикерте турецких историков - Али Севима, Сулеймана Тулуджу, Фарука Сумера, Мустафы Алиджана и других были рассмотрены с точки зрения историографии в статье.

Keywords: Battle of Manzikert, Seljuk State, Historiography, Anatolia, Alp Arslan

Ключевые слова: Манзикертская битва, сельджукское государство, историография, Анатolia, Алп Арслан

One of the most important events in the history of the Turkish and Islamic world is the battle of Manzikert.

With the victory in the battle of Manzikert, the gates of Anatolia were opened to the Turks. The positions of the Byzantine and the Armenian-Georgian feudal lords were shaken. Anatolia has always turned into Turkish land.

On the other hand, the victory of the Alp Arslan protected the Islamic religion from Christian aggression. Thus, the Byzantine Emperor Romanes Diogenes intention was not only to prevent the Turks from invading Anatolia but to invade Islamic countries.

According to the written sources, the Abbasian caliph al-Qaim biamrillah prepared a prayer text by the son of Muslaya Abu Said and ordered reading it in the minbars of all Islamic countries in order to the Seljuks win the battle.

Khalifa was very pleased with the Seljuks victory in the battle. Sending a letter to Sultan Alp Arslan on the occasion of this victory over the Christian world called him the "Great Sultan", "the ruler of the Arab and the Ajam", "the Legend of the world rulers", "the savior of Muslims", "the crown of religion", "the sultan of Islamic countries" (1, p.71).

This event, which has causing a major change in the political history of the world, has always been in the spotlight of historians.

In medieval Arabic sources, the battle of Manzikert was widely covered. Especially the works of the authors of medieval Arabic history, Ibn al-Jawzi, Al-Bundari, Sibt Ibn al-Jawzi, Ibn al-Adil, Ibn al-Davadari and others contain extensive information about the battle of Manzikert. However, medieval Byzantine and Greek sources have almost no information on this.

in Western European historiography works in this theme has been written in the eighteenth century, and

in Russian and Byzantine historiography from the beginning of the XIX century.

Researchs in this subject in the Turkish historiography began after the 1920. For the first time Fuad Koprulu has given information about the battle of Manzikert in his work entitled "The History of Turkey" in the year 1923.

But this theme for the first time in turkish history worked by Ferudun Dirimtekin and he wrote a separate book called "Manzikert square Battle" in 1943.

In 1956, Professor Ibrahim Kafesoglu also wrote a book entitled Manzikert square battle. His work repeats the work of Ferudun Dirimtekin (2, s. 41-42).

One of the works on this subject in Turkish historiography in the same name written by Prof. Ali Sevim in 1971. The work was written on the occasion of the 900 th anniversary of the Battle of Manzikert (1, p.6).

Although a small work, the author reviewed almost all of the historical sources about the battle of Manzikert, which is a turning point in the transformation of Anatolia into Turkish lands, which played an important role in Turkish history.

In the first chapter the author gives information about the wars of the Seljuk princes Ibrahim Yinal and Kutlamsh for the conquest of Anatolia after the creation of the Saljuk state, about Togrul bey seizing a number of territories in Anatolia, twice besieging Manzikert, but failed to capture, the ascension of the sultan Alp Arslan to the Seldjuks throne and about his Anatolian visit.

The second chapter of the book is devoted to the Alp-Arslan visit to Syria and to the Anatolia and the battle of Manzikert. The author, commented the battle of Manzikert, describes the historical results of the war, the reasons of the defeat of the Greeks in the war, and regarded Manzikert as a triumph of the entire Turkish and Islamic world, not just the Seldjuk Turks.

One of the most valuable works in the history of Turkey dedicated to the battle of Manzikert written by Professor Mustafa Alician named "The first Day of Judgment: Manzikert 1071"

The work is based on a thorough investigation of both local and foreign sources. After having reviewed thoroughly works mainly in Arabic, Persian, Armenian, Syrian sources and Byzantine chronicles about medieval Turkish-Islamic states the author has written this book. The work consists of 15 main sections (4.)

Several articles have been also devoted to this theme in Turkish historiography. One of them is "Battle Manzikert in Islamic Resources" written by Prof. Faruk Schumer with Ali Sevim. Informations given in the works of medieval Arabic and Persian authors - Ibn al-Kalanisi, Ibn al-Ezrak, Ibn al-Jawzi, Al-Bundari, Sibt Ibn al-Jawzi, Ibn al-Adil, Ibn al-Davadari, Fazlullah Rashidaddin, Kerimuddin Mahmud about the battle of Manzikert are being investigated in this article.

The authors who analyze Ibn al-Kalanisi's work "Zeyle Tarihe Damashk" say that there is very little information about the battle of Manzikert war here, and this information is not very important.

Thus Ibn al-Kalanisi shows the number of the army of the Emperor Diogenes and Seljuks in an incredible number that has never been found in any historian's work so far and wrote: "Alp Arslan, who met the Byzantine ruler, attacked and defeated him. It is said that in the Byzantine army were about 600 thousand men, consisting of Roman and other peoples. Islamic army also as it mentioned, was of about 400 thousand men, consisting of Turks and other nations (3, p.24).

In general, both medieval sources and contemporary historians do not have accurate information about the army of Emperor Diogenes and the Alp Arslan. However, according to most sources, the Byzantine army was about 200,000, while the Seljuk army is about 50,000.

The author also notes that much of the information provided by Ibn al-Ezrak is written on the basis of myths, and notes that these are not so important: Ibn al-Ezrak does not know which month the war has taken place and the emperor was taken prisoner. Besides it is taught that after this Battle Ahlat and also Manzikert has gone out from the hand of Mervanogullari.

Informations given in the works of Arabic authors - Sit Ibn Jawzi, Ibn al-Asir, al-Bundari, Ibn al-Jawzi about the battle Manzikert are being highly appreciated in the article.

One of these articles was written by Turkish historian Ibrahim Kafesoglu and published in 1971 in the Journal of Turkish History Institute titled "Turkish conquest philosophy and the battle of Manzikert."

The author here reviews Western and Byzantine sources and tried to clarify the true philosophical essence of the battle of Manzikert.

Thus, in the works of Byzantine and Western European historians, it was stated that the war of Manzikert occurred as a result of accident, and that Anatolia was not of great importance to the Turks. The Byzantine historian Anna Comnena, in her work named Alexiad, had written to her grandfather Emperor

Alexios I Komnenos, also suggested that Anatolia was not of any importance to the Turks (5, p.2).

The author rightly notes that Western European historians share this view and gives examples in their works.

Later he trying to explain the true philosophical meaning of the of the battle of Manzikert and notes that the Manzikert battle did not occur by accident. This was the basis of the Seljuk Turks foreign policy. Thus, the rulers of Seljuk wanted to be rulers of the West and the East. An example of this is the recognition of the Seljuk rulers Togrul bey and Malik Shah as rulers of the East and West by the Abbasid caliphs of Egypt.

Based on the fact that Sultan Sanchar wrote in his well-known letter to the caliph in 1133 that he has risen to the kingdom of the world due to the grace of the Great God, and he again cites a number of other arguments to suggest that the Manzikert war did not occur by chance, it was included in the turkish general conquest plan (5, p.14).

In the end, the author rightly concludes that the battle of Manzikert, which based on the Turkish conquest philosophy, which made possible Anatolia to be conquered, was one of the gold rings of the victory chain created the world power.

One of the article in this theme written by Suleyman Tuluju devoted to the Turkis beys who participated and whose participation is supposed in the battle Manzikert

In the article the author explores medieval written sources, as well as the works of modern Turkish historians - Khalil Yinanch, Altai Koymen, Osman Turan, Ibrahim Kafesoglu, Faruk Shumer and Ali Sevim, and gave information about the life and work of Turkish Beys before, during and after the war, who participated and whose participation is supposed in the battle Manzikert.

The first section of the article is entitled "According to Old Historians The Turkish beys who participated in the battle of Manzikert". In this section, the author examines Medieval Byzantine, Arab and Persian sources, and writes that Danishmand, Artuk, Saltuk, Mengujik, Cavalı, Chavuldur, Taranges, Sandak, Afshin, Aytegin, Savtegin Gevherayin participated in the battle of Manzikert.

The second section is entitled "According to modern historians the Turkish beys who participated and whom participation being supposed in the battle of Manzikert". In this section mainly works written in Turkish historiography related to the battle of Manzikert have been investigated and the names of the following turks beys, which are not mentioned in medieval sources are also mentioned: "Yakuti, Porsuk, Mansur, Bozan, Tutak, Tutuklu, Bekcioglu, Ahmedşah, Atsiz, Uvakoglu Arslantaş, Dilmajoglu Mehmed, Aksungur, Duduoglu, Birikoglu (6, p.293-296)..

The author summarizes the histories of orthodox and modern historians about the Turkish bey, who participated and participation is being supposed in the battle Manzikert, and group them as follows.

1.Turks beys who definitely participated in the battle: Gevherayin, Aytegin, Savtegin, Amir Sunduk,

Bekcioglu Afshin, Demlecoglu Mohammed , Aslan-Tash, Duduoglu, Artuk

2.The Turkish beys whom participation is being assumed: Danishmand Kazi, Mengüçik Kazi, Amir Saltuk, Amir chavli, Amir chavuldur, Amir Kapar

3.Whose participation in the battle were suspicious: Ahmedshah, Altuntak, Amir Porsuk, Ak-sungur, Yakuti, Bozan, Amir Atsiz, Suleymanshah, Mansur

The next article in this theme written by Dr. Sulayman Tuluju named "Amir Sunduk, one of the Turkish beys participated in the battle Manzikert". In the article, the author talks about Sunduk bey, a prominent Saldjuk.

Here the author wrote about how the Sunduk bey invade territories of Anatolia after the establishment of saldjuk state with the outstanding Saldjuk Amir-Bekcioğlu Afşin, Ahmed Shah, Damlecoglu Muhammed and so on, his coming to Syria and robbed a number territories under the rule of the sons of Mirdas and his return again to Anatolia in the year 1070.

Written that Sunduk bey was the leader of the fighters of Arslan Shah which was moving forward to Ahlat before the Manzikert battle, the author informs Sunduk beys attack to the Byzantine troops and defeat them, seized as military loot the "Great Golden Cross" which was Byzantine victory symbol and sent it to Alp Arslan (7, p.271-274).

One of the articles dedicated to the Battle of Manzikert in Turkish historiography written by dr. Abdulkadir Yuvali titled "Malazgirt Square Battle and investigations about it in local historiography and in the world".

In the article investigated works written by both local and foreign historians about the Manzikert battle.

Within some advantage the article has some disadvantages.

The advantages of the article are:

1. For the first time in Turkish historiography, attempts have been made to study the history of the Manzikert battle from the point of view historiography.

2. Not only Turkish but also the foreign historians works investigated in the article.

These are the drawbacks of the article.

1. Even if the author mention the names of medieval Arabic historians - Ibn al-Kalanisi, Ibn al-Jawzi, Al-Bundari, Ibn Davadari, Sibt ibn al-Jawzi, Ibn al-Erzak, and others and says that they give a lot of

information about the battle of Manzikert but did not mention the names of their works and did not give any information about them.

2. If the author gave the name of the works written in this subject in modern Turkish histography by Ferudun Dirimtekin, Ibrahim Kafesoglu, Halil Yinanc and so, on he but did not gave an analysis of those works.

One of the articles on this subject in Turkish historiography is an article written by historian Mazlum Şahin Demir named "Turks in the changing Anatolia in the 11 century: The battle of Manzikert (26 August 1071)". In the article given information about The Seljuk's access to the history scene and first activities, Seljuk State during the reign of Sultan Alp Arslan, the Seljuk patronage to religion Islam, The political situation of the Empire before the battle of Manzikert, Byzantine empire during the reign Emperor Romanes Diogenes, the battle of Manzikert and its consequences.

Thus, in Turkish historiography there have written numerous works since the early twentieth century covered the first decades of the 21st century relating to the battle of Manzikert, which has played a very important role in the history of Islam and the Turkish world.

Used literature:

1. A. Sevim. Manzikert square battle. Ankara, 1971
2. Yuvali A. "Manzikert square battle and investigations about it in local and in the world historiography". Journal of Institute of Social Science of Erciyes University, Kayseri, 1994
3. Sumer F, Sevim A. Battle of Manzikert in Islamic Resources. Issue House of Turkish History Institute, Ankara, 1971
4. Alijan M. "The First Day of Clothes: Manzikert 1071" Istanbul, 2013
5. Kafesoglu İ. Turkish conquest philosophy and the battle of Manzikert. Faculty of Literature, Institute of History of Istanbul University, Istanbul, 1971
6. Tuluju S. "The Turkish beys participated in the battle Manzikert and case translators". Ataturk University Faculty of Theology, Erzurum, 1986
7. Tuluju S. "Amir Sunduk, one of the Turkish beys participated in the battle Manzikert" Turkish Studies Institute of Ataturk University, Erzurum, 1999

РАСПУТИН И АРХЕОЛОГИЯ

Gordienko A.V.

Ph. D., associate Professor, Tyumen

RASPUTIN AND ARCHAEOLOGY

Аннотация. Цель статьи – показать результаты полевых археологических работ в окрестностях села Покровское, где были обнаружены памятники археологии, названные в честь известного ее жителя – «распутинскими». При этом применялся метод визуального осмотра территории. Результат – обнаружение руинированных останков человеческой деятельности. Это городище «Распутинское I», по обнаруженной керамике в культурно-хронологическом плане оно относится к саргатской культуре, V в. до н.э. - V в н.э., которая относится к кругу скифо-сибирских культур. С юга к нему примыкает поселение «Распутинское II», которое по обнаруженной керамике относится к X-XIII вв., юдинской культуре. В 200 м от них находится поселение «Распутинское III», не датированное. В 1 км от них находится курганный могильник «Распутинский IV», в одной из насыпей найдена неорнаментированная керамика, не позволяющая его датировать. Он обнаружен автором в 2009 г. и назван курганный могильник «Самсиныл I», переименован для идентификации (по словам местных жителей, нет озера Самсиныл) и т.к. он относится к комплексу вышеуказанных памятников археологии.

Annotation. The purpose of the article is to show the results of field archaeological work in the vicinity of the village of Pokrovskoye, where archaeological monuments were found, named in honor of its famous resident – "Rasputin". Thus the method of visual inspection of the territory was applied. The result is the discovery of the ruined remains of human activity. This settlement is "Rasputin I", according to the discovered ceramics in cultural and chronological terms it belongs to the sargat culture, V century BC - V in ad, which belongs to the circle of Scythian-Siberian cultures. From the South it is adjoined by the settlement "Rasputin II", which according to the discovered ceramics belongs to the X-XIII centuries, the Yudin culture. 200 m away is the settlement "Rasputin III", undated. In 1 km from them there is a barrow burial ground "Rasputinsky IV", in one of embankments the unornamented ceramics which is not allowing to date it is found. It was discovered by the author in 2009 and named the burial mound "Samsinyl I", renamed for idetifikatsii (according to local residents, there is no lake Samsinyl) and because it belongs to the complex of the above archaeological monuments.

Ключевые слова: археология, городище «Распутинское I», поселение «Распутинское II», «Распутинское III», курганный могильник «Распутинский IV», Г.Е. Распутин.

Key words: archeology, settlement "Rasputin I", settlement "Rasputin II", "Rasputin III", burial mound "Rasputin IV", G. E. Rasputin.

Григорий Распутин – дискуссионная фигура в отечественной истории, связанная с последним российским императором – Николаем II. Отношение к нему от крайне негативного до крайне позитивного. Место расположения деревни Покровская является особенным в физико-географическом отношении. Свидетельством этого является расположение отмечаемых памятников археологии в месте слияния р. Туры и р. Тобол, в таких местах фиксируются «кусты» или скопления мест обитания человека. В Тюменском районе Тюменской области они известны в месте впадения р. Айгинской в р. Туру (памятники археологии в районе дер. Щербак), р. Пышмы в р. Туру (памятники археологии в районе дер. Созоново и

дер. Криводаново), р. Ахманской в р. Туру (памятники археологии в районе дер. Салаирка) [1].

В результате полевых археологических исследований в окрестностях дер. Покровская обнаружены памятники археологии, названные в честь известного ее жителя «Распутинскими» – городище, курганный могильник, 2 поселения. Предлагаем установить на них «Информационные щиты» для «распознавания». По вопросу организации качественной экскурсии по распутинским памятникам археологии обращайтесь к Оксане Котельниковой (https://vk.com/tvoi_gid_oksana), которая принимала непосредственное участие в их открытии. Проехать к этим памятникам археологии можно на легковом автомобиле (рис. 1).

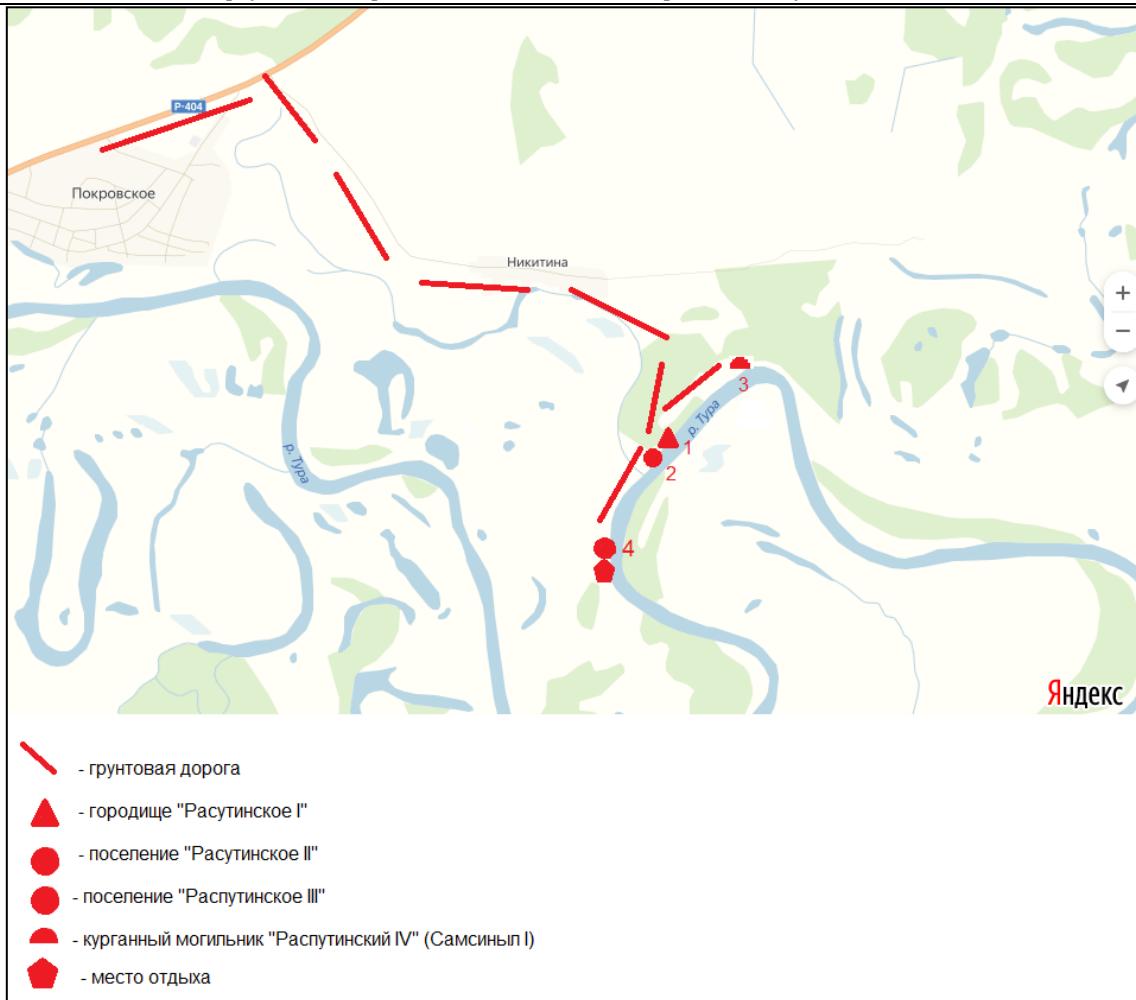

Рис. 1. Схема проезда к «распутинским» памятникам.

Памятники археологии, связанные с дер. Покровская, находится в 4 км к ЮВ от неё, на берегу р. Туры. Здесь расположена её древняя (коренная) терраса, которая находится у места впадения р. Туры в р. Тобол. Это первое благоприятное условие для возникновения памятников археологии. Второе и третье условия – высокое сухое (незатапливаемое) место, рядом с источником воды. Здесь расположены:

Городище «Распутинское I» (рис. 1-5, рис. 6-1). Находится на коренном берегу р. Туры, высотой 4-5 м, в 4 км к СЗ дер. Покровская, в 5 км к ЮЗ от ФАД «Тюмень-Тобольск», в 4 км к ЮЗ р. Тура впадает в р. Тобол, вдоль З части, вдоль берега, проходит грунтовая дорога, проехав по которой ещё 200 м расположено место отдыха с крытой беседкой и столом в ней, рядом мангал, качель из полубревна и деревянный туалет и поселение «Распутинское III». На памятнике растут

сосны, берёзы, кустарник, их подстилает лесная растительность – хвоя, шишки и пр.

Городище размерами 50x80 м, полукруглой формы, вытянуто вдоль берега по линии В-З. Окружено рвом глубиной 0,5 м, шириной 1-2 м, валом высотой 3 м, шириной 5 м. Внутри, на жилищной площадке, беспорядочно расположены 7 овальных и округлых западин, размерами от 5x3 до 9 м, глубиной до 0,1-0,3 м. В западной части прослежен древний вход и 3 западины селища (возникают вследствие увеличения жителей внутри городища и/или могли иметь иное функциональное назначение). Городище имеет многочисленные разрушения (траншеи и ямы) современного происхождения, пока не грабительские. Грунтовая дорога в З части памятника разрушила ров и вал, и проходит по жилищной площадке, постоянно ее разрушая. Характеристика западин приводится в Таблице 1.

Характеристика западин городища «Распутинское I»

№ п/п	Форма	Размеры, диаметр, м	Глубина	Примечания
1	круглая	9	0,3	-
2	круглая	8	0,1	-
3	овальная	7	0,3	-
4	овальная	7x6	0,3	-
5	круглая	6	0,2	Заросла кустарником
6	круглая	7	0,3	-
7	овальная	5x3	0,2	-
Селище				
8	круглая	5,5	0,2	-
9	круглая	7	0,2	-
10	круглая	4,5	0,2	-

Сохранность памятника неудовлетворительная. На городище, в разрушении, обнаружены три фрагмента верхней части керамического сосуда, скленные. Венчик серо-желтого цвета, толщиной 5 мм, в тесте примесь песка. Это горшковидный сосуд, орнамент резной, в виде горизонтальных ёлочек, нанесенных гладкой палочкой, под каждой три ямочных

каплевидных вдавления. По верхнему срезу венчика насечки, нанесенные той же палочкой. Такие сосуды характерны для саргатской археологической культуры, датирующейся VIII-VII в. до н.э. – IV-V в. н.э. [2, с. 477-478, табл. 127], которая относится к кругу скифо-сибирских культур.

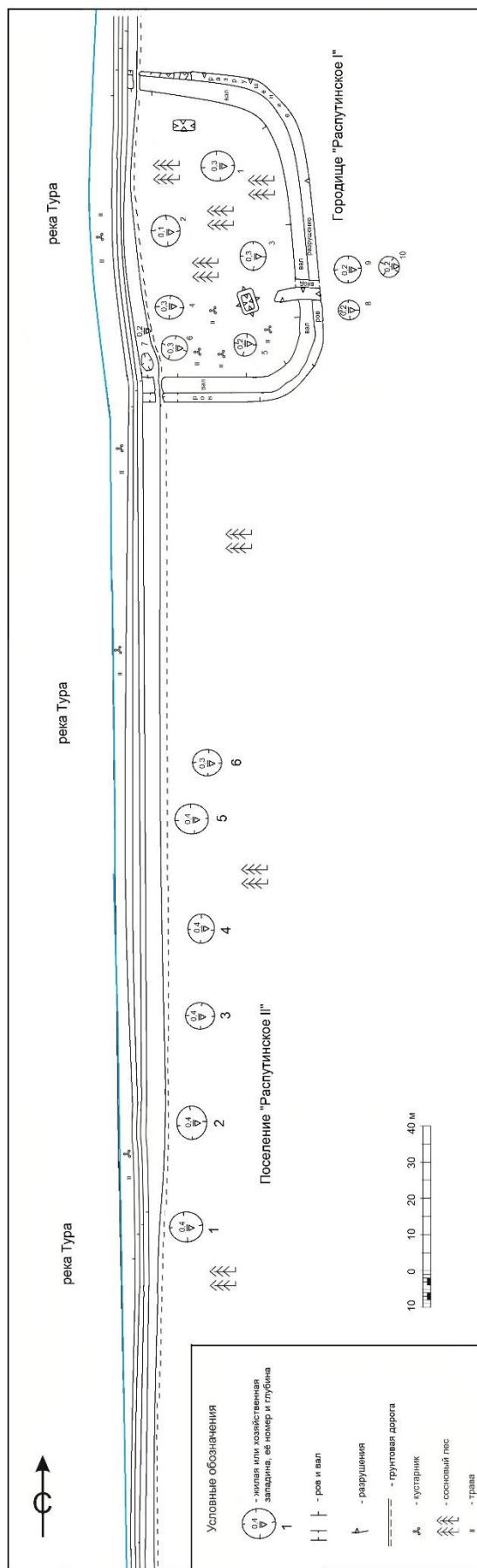

Рис. 2. План городища «Распутинское I» и поселения «Распутинское II».

Рис. 3. Вид с севера на вал и ров городища «Распутинское I».

Рис. 4. Жилищная западина №1 городища «Распутинское I», вид с С.

Рис. 5. Разрушения рва городища «Распутинское I», вид с 3.

Рис. 6. Керамика из городища «Распутинское I» (1) и поселения «Распутинское II» (2).

С юга к городищу примыкает поселение «Распутинское II» (рис. 1, рис. 2, рис. 6 – 2, рис. 7). Имеет аналогичные городищу административно-территориальные координаты. Состоит из 6 округлых и овальных западин, в

среднем диаметром до 8 м, глубиной до 0,4 м. На памятнике растут сосны и берёзы, их подстилает лесная растительность – хвоя, шишки и пр. Характеристика западин приводится в Таблице 2.

Таблица 2.

Характеристика западин городища «Распутинское II»

№ п/п	Форма	Размеры	Глубина
1	овальная	8x7	0,4
2	круглая	8	0,4
3	овальная	7x6	0,4
4	круглая	7	0,4
5	овальная	8x7	0,4
6	овальная	7x6	0,3

Сохранность памятника удовлетворительная. На грунтовой лесной дороге в З части поселения обнаружен венчик керамического сосуда. Он серо-желтого цвета, толщиной 4 мм, в тесте примесь песка и слюды. Срез венчика скошен внутрь, по нему нанесены оттиски гребёнки, с рядом округлых ямок снаружи, изнутри образующие выпуклость.

Изнутри нагар. Это фрагмент горшковидного сосуда, орнамент в виде 8 горизонтальных полос из оттисков гребёнки, под которыми ямочные вдавления. Такие сосуды характерны для юдинской археологической культуры, датирующейся X–XIII в. [3, с. 318, табл. LXX].

Рис. 7. Жилищная западина №1 поселения «Распутинское II», вид с Ю.

С юга за поселением и городищем находится поселение «Распутинское III» (рис. 1, рис. 8–10).

Находится на коренном берегу р. Туры, весной вода, осенью – пойма, высотой 4–5 м, в 4,2 км к СЗ дер. Покровская, в 5,2 км к ЮЗ от ФАД «Тюмень–Тобольск», в 3,8 км к ЮЗ р. Тура впадает в р. Тобол.

На памятнике растут сосны, их подстилает лесная растительность – хвоя, шишки и пр.

Состоит из 10 округлых и овальных западин, в среднем диаметром до 10 м, глубиной до 0,3 м. Характеристика западин приводится в Таблице 3.

Таблица 3.

Характеристика западин поселения «Распутинское III»

№ п/п	Форма	Размеры	Глубина
1	круглая	5	0,3
2	овальная	5x4	0,2
3	овальная	6x5	0,3
4	круглая	7	0,3
5	овальная	10x9	0,3
6	овальная	10x5	0,3
7	круглая	7	0,3
8	круглая	6	0,3
9	овальная	10x5	0,3
10	круглая	7	0,3

Сохранность памятника удовлетворительная. На его территории многочисленный разрушения – ямы по выборке песка, которые, возможно, разрушили некоторые объекты памятника.

Подъёмный материал не обнаружен, поэтому культурно-хронологическая принадлежность не определена.

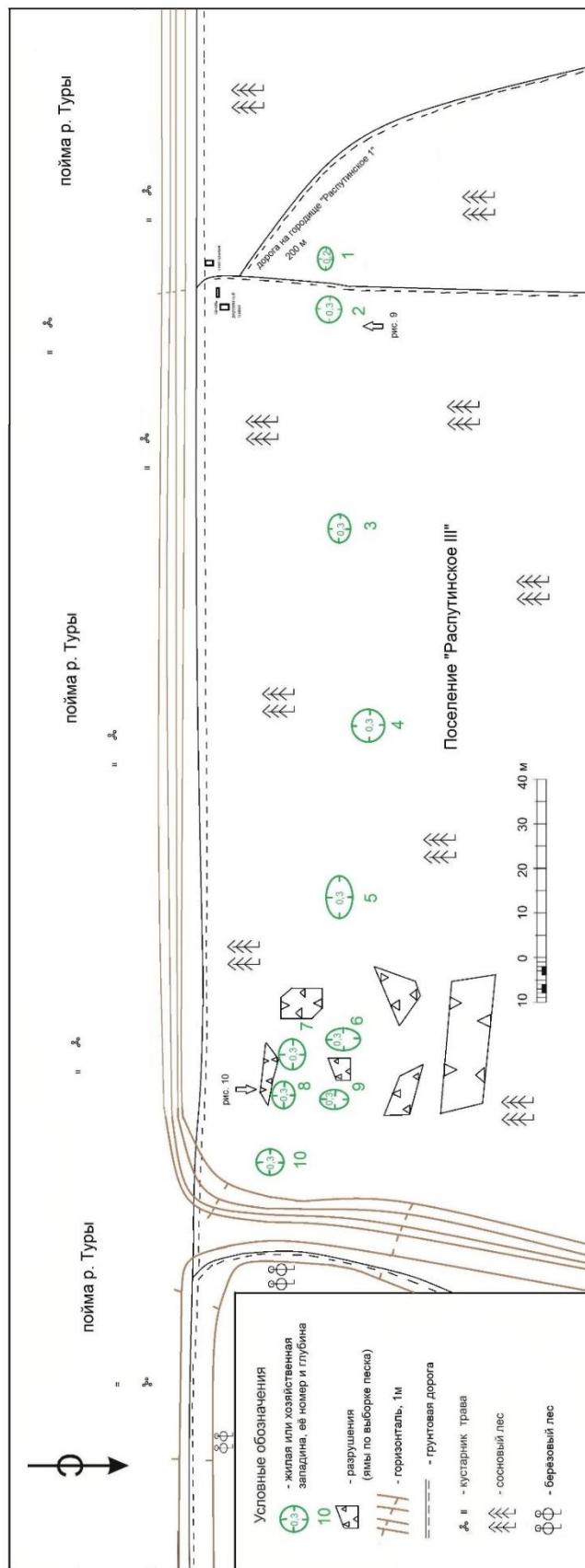

Рис. 8. План поселения «Распутинское III».

Рис. 8. Жилищная западина №2 поселения «Распутинское III», вид с С.

Рис. 9. Жилищные западины №7 и №8 поселения «Распутинское III» и разрушение, вид с Ю.

В 1 км к СЗ от городища «Распутинское I» зафиксирован **курганный могильник «Распутинский IV» (рис. 11-12)**, обнаруженный автором в 2009 г. и названный курганный могильник «Самсиныл 1». Переименован, чтобы легче было его идентифицировать и так как он входит в перечисленный комплекс памятников археологии. По словам местных жителей, нет такого озера – Самсиныл. Деревня Никитина сначала называлась Никитино, а местными жителями именуется Бараново, по причине «ума» его населения.

Находится на коренном берегу р. Туры, высотой 4 м, в 4,3 км к СЗ дер. Покровская, в 5,5 км к С ФАД «Тюмень-Тобольск», вдоль З части проходит грунтовая дорога, за ней поле.

Состоит из 4 насыпей, округлой формы, вытянуто вдоль берега. В среднем диаметр до 8, все имеют «грабительские ямки» (след ограбления «бугровщиками» XVIII в., при Петре I). На памятнике растут берёзы, их подстилает трава. Характеристика насыпей приводится в Таблице 4.

Характеристика насыпей курганного могильника «Распутинский IV».

№	Размеры / диаметр, м	Высота, м	Форма	Примечания
1	8x7,8	0,35-0,55	неправильно округлая	В центре расположена грабительская яма, овальной формы, размерами 3x2 м, глубиной 0,1-0,15 м. По ЮВ краю насыпи проходит пешеходная тропа.
2	6x5,7	0,2-0,25	округлая	В центре расположена грабительская яма, овальной формы, размерами 2x2,4 м, глубиной 0,05-0,1 м. По ЮВ краю насыпи проходит пешеходная тропа.
3	6x5,4	0,2-0,3	округлая	В центре расположена грабительская яма, овальной формы, размерами 2x1,8 м, глубиной 0,05-0,1 м. Также в ЮЗ части насыпи имеются яма (от выборки грунта?), подквадратной формы, размерами 2,8x2,2 м, глубиной 0,3-0,4 м. По ЮВ краю насыпи проходит пешеходная тропа.
4	7x6,5	0,3-0,4	округлая	В центре расположена грабительская яма, овальной формы, размерами 3x2 м, глубиной 0,1-0,15 м. По СЗ и ЮВ краям насыпи проходят пешеходные тропы.

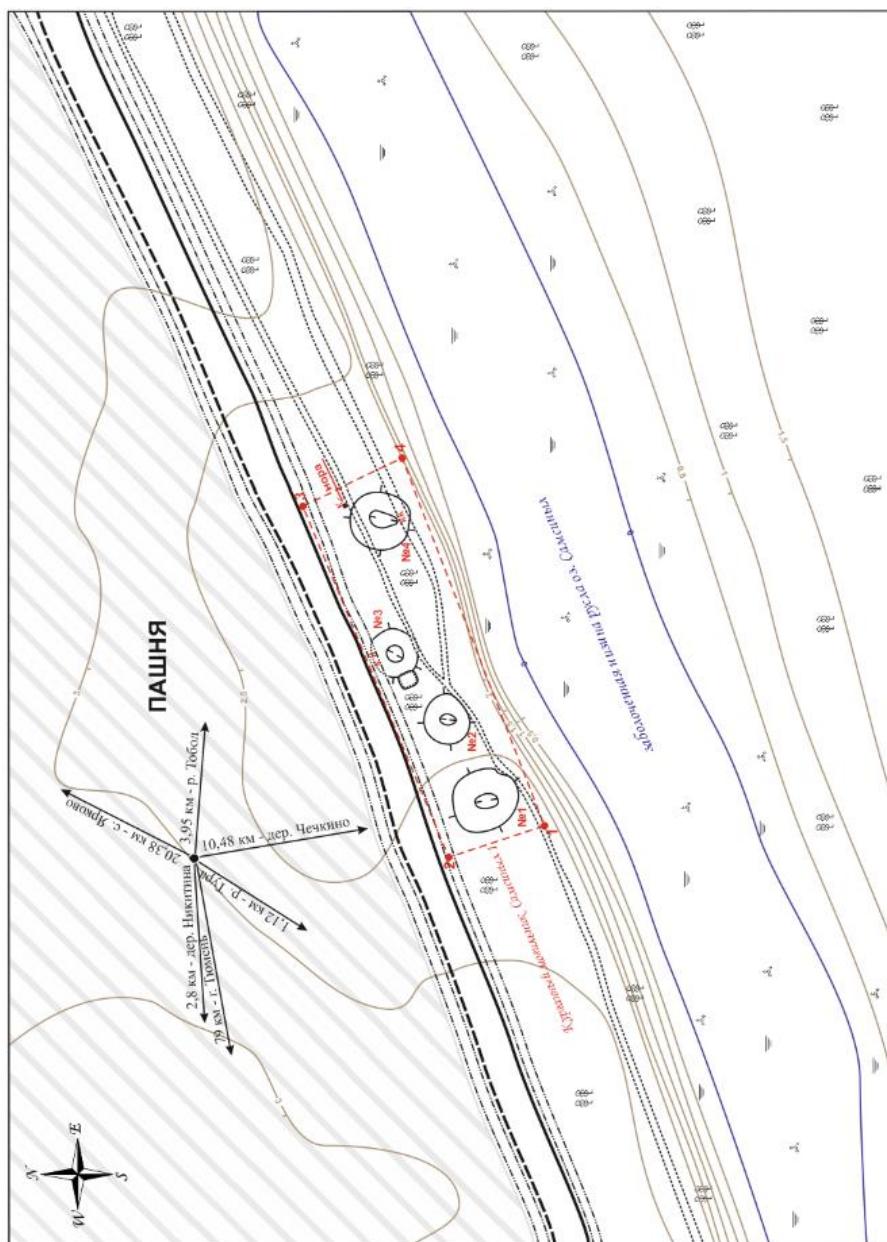

Рис. 11. План курганного могильника «Распутинский IV (Самсиныл I)».

Рис. 12. Курган №2 могильника «Распутинский IV (Самсины I)».

Сохранность памятника неудовлетворительная. В насыпи №3 обнаружены фрагменты неорнаментированной керамики, не позволяющие установить культурно-хронологическую принадлежность памятника.

На основании зафиксированных памятников археологии, можно утверждать, что заселение территорий у дер. Покровская происходило в три этапа – в эпоху раннего железного века, в эпоху средневековья, и Нового времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Гордиенко А.В., Корниец В.В. Археологические памятники р. Туры и г. Тюмени. Москва: РУСАЙНС, 2019. 230 с.
2. Могильников В.А. Саргатская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Археология СССР в 20-ти т. М.: Наука, 1992. С. 292-313.
3. Могильников В.А. Юдинская культура // Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Археология СССР в 20-ти т. М.: Наука, 1987. С. 168-176.

Янишевский Б.Е.
ИА РАН

МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОДХОДА К НАПИСАНИЮ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЫ БОЛЬШОГО ГОРОДА

«Археологическая карта России»¹ представляет собой серийное научно-справочное издание энциклопедического характера, в котором в краткой форме представлены основные сведения о памятниках археологии. Создание «Археологической карты России» является основной частью работы по инвентаризации культурного наследия народов нашей страны. Издание публикуется Институтом археологии РАН отдельными выпусками с 1994 г. Каждый выпуск посвящается археологическим памятникам (объектам культурного наследия), располагающимся на территории отдельных административно-территориальных или национально-государственных образований (АКР. Тверская область. Ч. 1. 2003. С. 3).

Под археологическими памятниками понимаются недвижимые объекты археологического наследия, ограниченные территории, связанные с теми или иными формами жизнедеятельности людей древности и средневековья и имеющие следы такой

жизнедеятельности в виде культурного слоя, остатков жилых, хозяйственных, производственных, оборонительных, культовых и иных сооружений, погребений, вещей и т.п. К числу археологических памятников (по типу) относятся: исторический культурный слой ныне существующих городов и других населенных пунктов, остатки древних и средневековых укрепленных и неукрепленных поселений, различных сооружений, дорог, места совершения религиозных обрядов, наскальные и пещерные изображения, архитектурно-археологические объекты, могильники, древние гидroteхнические сооружения (плотины прудов и сами пруды), производственные сооружения (места производств) и т.п., располагающиеся ныне, как на поверхности земли и в земле, так и на дне естественных и искусственных водоемов. Археологические памятники являются неотъемлемой составной частью культурного наследия народов России и мирового культурного наследия. В соответствии с действующим

¹ далее – АКР.

законодательством и международно-правовыми нормами они находятся под защитой и охраной государства (Закон об охране объектов культурного наследия (ФЗ-73).

Обычно в выпусках Археологической карты России речь идет об отдельных (хотя и, зачастую, довольно больших по размеру) археологических памятниках. Эти памятники привязываются к ближайшим населенным пунктам по расстоянию и направлению, гидросети, ландшафтным особенностям и особенностям рельефа. В современную эпоху также важно определение или указание собственника земли, хотя это не всегда возможно. Далее даются размеры памятника, толщина культурного слоя (для поселений), история исследований (если есть) и находки при этих исследованиях. Памятники помещаются на карту-схему района в виде специального значка, соответствующего типу памятника. Таким образом, описание памятника получает свою привязку к карте. Таких выпусков АКР издано уже более 30 по многим областям Центральной России. Приведем пример описания памятника из традиционного выпуска АКР (АКР. Калужская обл. 2006. С. 93.

Боровский район (номера в скобках соответствуют номерам на карте-схеме района):

173 (48). КРИВСКОЕ. СЕЛИЩЕ 3, 1-ая пол. 1-го тыс. н.э., 9-10, 11-13, 14-17 вв. 4,5 км к Ю от д., левый берег р. Протва, урочище Лужки. Обследовано И.К. Фроловым в 1983 г., А.С. Фроловым в 1985 г., исследовано Г.А. Массалитиной в 1993-1995 гг. Площадь 27600 кв. м, высота над рекой 3-6 м. Сев. часть памятника залесена и занята постройками. Вскрыто 124 кв. м. Культурный слой мощностью до 0,8 м. Найдены фрагменты груболепной и лощеной посуды позднего этапа дьяковской культуры, грузики дьякова типа, костяная проколка, фрагменты лепных сосудов роменского типа и обломки круговой древнерусской и позднесредневековой посуды, а также бронзовая фибула, фрагменты стеклянных браслетов и др. Большой интерес представляет постройка позднего этапа дьяковской культуры в виде квадратного в плане сооружения размерами 4,0 х 4,5 м, углубленного в материк на 0,5 м с двумя очажными ямами. Коллекции в ОГМ.

Литература: Прошкин. 1990. С. 26; Массалитина. 1995. С. 120; 1997. С. 86-90; АРХ. ИА: № 10761. Л. 6, 7; № 18447. Л. 1-5; № 18988. Л. 1-5; № 19684. Л. 21-25

В 2019 г. должен выйти очередной том АКР, посвященный памятникам археологии на территории города Москвы. Однако этот том будет посвящен объектам археологического наследия только за пределами Камер-Коллежского вала, практически являющегося границей центра Москвы, по крайней мере, в области охраны

культурного наследия. Центр Москвы пока останется без археологического описания.

За пределами Камер-Коллежского вала описания объектов археологического наследия очень похожи на традиционные для АКР описания памятников, как, например, в Калужской области. Разве что привязка дается к конкретному адресу: дом, улица, направление. И в 2019 г. в АКР вошли памятники, имеющие датировку XVIII – XIX вв., в соответствии с ФЗ-73. В связи с этим, в новом выпуске АКР появились и памятники, ранее не присутствовавшие на страницах АКР: остатки производственных сооружений, гидroteхнические сооружения (пруды и плотины). С нач. XVIII в. в Москве и Подмосковье распространилась пришедшая из Франции мода на создание усадеб – особый вид загородных комплексов, включавших жилые и хозяйственные постройки, церкви, пейзажный парк, где располагались увеселительные и др. постройки. Эта мода превратила в загородные увеселительные комплексы многие старые села (Покровское-Стрешнево, Медведково, Останкино, Кусково, Кузьминки и др.). С сер. 18 в. этой моде стали следовать и представители среднепоместного дворянства. В 18 в. на территории современной Москвы появляются и новые императорские усадьбы: Лефортово, Царицыно. Описание больших объектов (напр., усадеб Царицыно и Кузьминки) потребовало нового подхода: здесь, наряду с традиционными памятниками археологии (напр., курганами и селищами) имеются и участки культурного слоя или остатки построек XVIII – XIX вв. Описание последних даны в статье, посвященной самой усадьбе, но под отдельными номерами, со своим списком литературы.

Центр же города Москвы (в пределах Камер-Коллежского вала) представляет собой один объект культурного наследия – Исторический культурный слой центра г. Москвы². Это не памятник, в понимании ФЗ-73, а «Достопримечательное место», правовое регулирование которого единственно позволяет развиваться современному городу, поскольку на территории памятников всякая строительная и другая землеройная деятельность запрещена. Ранее единого объекта культурного наследия в центре Москвы не было, а была серия памятников – слобод, монастырей и даже селищ и городищ. Эти объекты продолжают числиться в реестре, наряду с остатками валов и стен – Китай-города, Белого города и Земляного города.

Гигантская территория (около 100 кв. км), заключенная внутри камер-Коллежского вала, являвшегося границей города в XVIII в., в АКР должна быть разделена на отдельные части для удобства исследователей и чиновников. Автором эта территория была описана в границах

² Приказ Департамента культурного наследия города Москвы № 885 от 17.11.2017 г. «О включении выявленного объекта археологического наследия «Культурный слой в границах города

Москвы XVIII в. (Камер-Коллежского вала)» в перечень выявленных объектов культурного наследия.

муниципальных районов и отдельно – территория Кремля. Это позволило описать достаточно кратко особенности территории и исторического заселения каждого района. Поскольку территория муниципальных районов развивалась и заселялась вместе с ростом города, то культурный слой нарastaл неравномерно – от центра к периферии города. Таким образом, на территории каждого муниципального района, представляющего, по сути, сектор круга, имеется культурный слой всех эпох развития города – от XII до XXI в. Но места исследований на его территории определялись не ростом города, и даже не древностью участка, а разного рода обстоятельствами, отнюдь не научного характера, прежде всего, потребностями строителей или реконструкцией города.

В томе АКР, посвященном центру Москвы название статьи содержит не топоним (село, деревня, город) и даже не историческое название места, как в томе, посвященном окраинам Москвы. Статья в этом томе содержит в начале адрес, включающий улицу и ближайший к месту исследований дом. Именно к адресу (то есть дому, имеющему конкретный адрес) производится привязка места исследования. Потому что данный том АКР содержит, в основном, не памятники, **а места исследований**. Хотя ограниченное количество традиционных памятников археологии в томе есть, но они тоже привязаны к адресам. Именно в этом состоит необычность методических подходов к написанию тестов АКР.

Приведем несколько примеров описания места исследования:

Таганский район (номера в скобках соответствуют номерам значков на схеме района):

(9) Воронцово Поле (Обуха) ул. 16. При исследованиях Золотова Ю.М. в 1956 г. фундамента ц. ц. Ильи Пророка найдена закладная плита Гагарных Ивана и Матвея Петровича, датированная 1702 г. При исследованиях Юшко А.А. 1978 г. в 27 м от здания выявлен культурный слой толщиной до 2,4 м, в котором исследована часть постройки с развалом печи и подпол-погреб глубиной до 1,5 м. Подпол был перекрыт настилом из досок. На уровне настила найдена серебряная булавка длиной 2,7 см с напаянной головкой, чуть выше настила – медные монеты 1734 и 1760 гг., костяная шахматная фигурка (пешка), железный нож, три стеклянных флакончика. В этом слое найдены фрагменты мореных и чернолощеных сосудов, а такие единичные обломки красной московской керамики более раннего времени. В подполе найдены фрагменты мореной, белоглинской, чернолощеной керамики, а также обломки чернолощеных водолеев. На дне погреба найдено большое количество фрагментов стеклянных штрафов и бутылей, в том числе с иностранными клеймами, датированных 2-й пол. 17–18 вв.

Первая ц. на этом месте построена по распоряжению Василия III в 1514 г. Алевизом Фрязиным в с. Воронцове, первоначально освящена

во имя Благовещения., Ильи-пророку был посвящен придел, известный с 1589 г. Другой придел – Параскевы Пятницы - известен с 1629 г. Построена вновь в 1653 г. В 1702 г. братьями Иваном и Матвеем Гагарными построен рядом (с юга) новый храм, обновленный в 1745 г. В том же году построена и колокольня (разобрана в 1935 г.). Новая трапезная построена в 1840 г.

Литература: Юшко А.А 1987. СС. 53-54; Сорок Сороков. Т.2. 1994. С. 388-390; Арх. ИА: № 7993. ЛЛ.2 – 6

Тверской район:

Дмитровка Б. (Пушкинская) ул. д. 5/6. При наблюдениях коллектива археологов под рук. Арциховского А.В. при строительстве 2-й очереди Московского метрополитена в 1935 г., Гиршберга В.Б. в 1949 г. за рытьем котлована на месте ц. св. Георгия Георгиевского м-ря и исследованиях Векслера А.Г. в 1990 г. на площади 440 кв. м выявлен культурный слой толщиной не более 1,5 м, исследован монастырский некрополь. При исследованиях остатков храма св. Георгия размерами 6х6,2 м из фундаментов и с близлежащего кладбища собрана коллекция из 30 надгробий: два - сер. 16 в., остальные 17 в., самые поздние – 1690 и 1708 гг. На участке к северу от Георгиевской ц. исследованы остатки третьей церкви, Захария и Елизаветы 18 ст. с погребениями в подклете князей Шаховских в белокаменных резных саркофагах 1750-х гг.

На некрополе исследованы 164 погребения в деревянных гробах в грунтовых подпрямоугольных ямах, накрытые надгробными белокаменными плитами (погребения членов известнейший Российских родов 16-18 вв., в том числе: Мезецковых, Мещерских, Милюковых, Огаревых, Плещеевых, Ромодановских, Траханиотовых, Вельяминовых, Гагарных, Клешниных, Булгаковых, Кутузовых и др., а также погребения в саркофагах, которые находились в кирпичных склепах. Также в склепах находились и деревянные гробы, в частности при наблюдениях 1935 г. найден гроб, обшитый зеленым бархатом. В погребениях находились шитые золотом парадные мундиры и затканное серебром женское платье. Найдены часть небольшого сосуда, покрытого бледнозеленой поливой, медные нательные кресты, а также золотой нательный крест, инкрустированный цветной эмалью, датированный 18 в., две подпрямоугольные серебряные пряжки с инкрустацией, керамика и стеклянные сосуды «слезницы», фрагменты белокаменных надгробий 17 в. с резным треугольчатым и жгутовым орнаментом (34 целых надгробия и фрагменты), керамика белоглинская, чернолощеная, красноглинская, краснолощеная, изразцы рельефные красные неполивные, поливные муравленые, полихромные 16 – 17 вв., геральдические полихромные 1-й четв. 18 в.

Георгиевский девичий м-рь – один из древнейших монастырей московского посада, возможно, ктиторский келиотский монастырь рода

Голтяевых, в 15 – сер. 16 в. находившийся в сфере интересов потомков Федора Андреевича Кошки, не исключено основание его в Занеглимены в середине 15 или даже конце 14 в. Каменный храм св. Георгия впервые упомянут в 1461 или 1462-м гг. в духовной грамоте вел. кн. Василия II Темного. Храм св. Георгия отождествляют с описанным в пожар 28 июля 1493 г. («...в неделю в 7 час дни загореся церковь на Песку Никола, и в том часе въста боура велиа зело и киноу огнь на дроугую сторону Москвы-реки къ Всемъ Святым а оттоле за Неглимоу к каменои церькви къ Егорию святому...») и с упомянутым в «котводной грамоте» 1504 г. вел. кн. Ивана III кн. Юрию Ивановичу на Сущевское и посадские дворы: «...до тое улицы, что идет от города мимо Юрьи с(в)ятыи каменую ц(е)рковь к Сущову на Дмитровскую дорогу, да чере ту Юрьевскую улицу...»).

Монастырем храм впервые назван в одном из упоминаний духовной рузского кн. Ивана Борисовича (другие Георгиевские монастыри в Москве неизвестны). «Егорий каменный» стоит среди большой группы монастырей, которым князь оставил по 10 руб. на поминание, а кроме того, назван его большой долг – «егорьевское серебро» (122 руб.). Духовная грамота волоцкого кн. Федора Борисовича (1506 г.) также упомянула и о дворах на посаде «Юрия Святого», которые оставлялись жене, и о необходимости возврата долга Юрьевскому мон. «Дат(и) ми на Москве Юрьевског(о) манастиря сто рублей и полосманацати рубли...»; «...да и дворы мои на Москве на посаде оу (Ю)рья св(я)т(а)го...». В 17 в. известия о монастыре, стоявшим третьим по рангу среди аристократических девичьих обителей (после Вознесенского и Новодевичьего) связаны с крестинами и погребениями знати, выходами патриархов и т.п. В писцовой книге 1681 г. описан «Монастырь девичь Великомученика Георгия каменой, вдоль от Большии Дмитревскии улицы по переулку к Тверской большой улице...». В конце 17 – нач. 18 в. собор монастыря полностью разобрали, построив новый. Около середины 17 в. к югу от собора возвели второй храм Образа Казанской Богородицы (закончен в 1674 – 1690 гг.). В середине 18 в. появилась третья каменная церковь – Захария и Елизаветы – к северу от собора. Все три отдельно стоявших храма имели единую, северо-восточную, ориентировку апсид, не соотносимую ни с «красными линиями» улиц, ни с осяями построенных в 18–19 вв. келий и хозяйственных зданий обители. Возможно, она восходит к средневековой планировке данного участка посада. В 1815 г. монастырь упразднили, а храмы обратили в приходские. В 1930-х – 40-х гг. храмы снесли; сейчас на месте собора – школа, на месте Казанской церкви – спортплощадка.

Литература: Выголов В.П. 1988. С.31-38; Назаров В.Д. 1993; Горюнова Е.И. 1947. С. 51; Гиршберг В.Б. 1954. С. 95–130; Рабинович М.Г. 1953. С. 62; Арх. ИА: № 797; 15120

АКР центра Москвы – это постоянная развивающаяся система, поскольку исследования на данной территории продолжаются. Казалось бы, проще сделать электронную систему или электронную карту. И это делается, например, 444 объекта исследований на территории внутри Камер-Коллежского вала уже нанесены на электронную карту (Янишевский Б.Е., Янишевский О.Б. 2019). Но и бумажный вариант необходим, причем периодически обновляющийся, поскольку электронный вариант требует знания специальных программ, а также и обладание ими и не всем доступен.

ЛИТЕРАТУРА:

Археологическая карта России. Калужская обл. 2006. М.

Археологическая карта России. Тверская обл. Ч. 1. 2003. М.

Археологическая карта России. г. Москва. Ч. 2 (в пределах МКАД). М. В печати

Выголов В.П. 1988. Архитектура Московской Руси середины XV века. М.

Гиршберг В.Б. 1954. Надписи из Георгиевского монастыря (по материалам наблюдений Музея истории и реконструкции г. Москвы 1949 г. // Труды МИРМ. Вып. 5: археологические памятники Москвы и Подмосковья. М.

Горюнова Е.И. 1947. Итоги работ археологического надзора на строительстве II очереди Московского метрополитена им. Л.М. Кагановича. МИА. Вып. 7. М-Л.

Массалитина Г.А. 1995. Раскопки селища Кривское 3 в Боровском районе Калужской области // АО 1994. М.

Назаров В.Д. 1993. Генеалогия Кошкиных-Захарьиных-Романовых и предание об основании Георгиевского монастыря // Историческая генеалогия. Вып. 1. Екатеринбург,

Прошкин О.Л. 1990. Археологическая карта Боровского района Калужской области. Калуга

Рабинович М.Г. 1953. Основные итоги археологического изучения Москвы // КСИИМК. Вып. 41. М.

Сорок Сороков. Т.2. 1994. М.

Юшко А.А 1987. Новые археологические памятники на территории Москвы (по материалам разведок 1977-1978 гг.) // КСИА 190. М.

Янишевский Б.Е., Янишевский О.Б. (ИА РАН, Москва) Археологическая карта центра г. Москвы: интерактивная карта археологических исследований // Археология и геоинформатика. IV Международная конференция. Москва, 21-23 мая 2019 г. Тезисы.

Архивные источники:

Архив ИА РАН:

№ 797. Рабинович М.Г. Отчет об археологических исследованиях дома № 4 по Георгиевскому переулку в 1952 г.

№ 7993. Юшко А.А. Отчет об обследовании археологических памятников по течению р. Яузы в 1978 г.

№ 10761. Фролов А.С. Отчет об археологических разведках в Калужской области в 1985 г.

№ 15120. Векслер А.Г. Отчет об археологических работах в Москве в 1990 г. Т. 2

№ 18447. Массалитина Г.А. Отчет об археологических раскопках селища Кривское 3 в Боровском районе Калужской области в 1993 г.

№ 18988. Массалитина Г.А. Раскопки селища Кривское 3 Боровского района Калужской области в 1994 г.

№ 19684. Массалитина Г.А. Раскопки и разведки в Калужской области в 1995 г.

Сокращения:

АКР – Археологическая карта России

АО – Археологические открытия

Арх. – архив

ИА РАН – Институт археологии РАН

КСИА – Краткие сообщения института археологии РАН (ранее - КСИИМК)

КСИИМК – Краткие сообщения института истории материальной культуры

МИРМ – Музей истории и реконструкции Москвы

ОГМ – Обнинский городской музей

РАН – Российская Академия наук

иллюстрация (подпись) – Пример археологической карты муниципального района (Таганский)

Яхутль Юрий Асланбиеевич

Кандидат исторических наук,

доцент кафедры истории России,

Кубанский государственный университет

ЮЖНО-РОССИЙСКАЯ СТАНИЦА В УСЛОВИЯХ ПОВСЕДНЕВНОСТИ НЭПа

Yakhutl Yuri Aslanbievich

Candidate of Historical Sciences,

Associate Professor,

Department of Russian History,

Kuban State University

SOUTH RUSSIAN VILLAGE IN THE EVERYDAY LIFE OF NEP

Annotation. The article is devoted to the history of everyday life of the South Russian village, transformation of social relations in the Cossack community during the new economic policy (1921–1929 гг.). In a transitional economy, the problems of everyday life were actively influenced by the reforms. The aggressive intervention of the state in the daily activities of the Cossacks was aimed at the organization of control over the Cossacks, who were considered an active political opponent of the Soviet government. New phenomena in the southern Russian villages of the 1920s, associated with the implementation of the NEP, had a significant impact on the resolution of the land issue, the collection of food tax, the formation of the Communist system of ideological influence, reforms in the field of education, polit educational activities aimed at explaining the internal policy of the Bolsheviks.

Аннотация. Статья посвящена истории повседневности южно-российской станицы, трансформации социальных отношений в казачьем сообществе в период новой экономической политики (1921–1929 гг.). В условиях переходной экономики проблемы повседневной жизни оказывались под активным влиянием проводимых реформ. Агрессивное вмешательство государства в повседневную деятельность казачества преследовало цель организацию контроля за казачеством, считавшегося активным политическим оппонентом советской власти. Новые явления в южно-российских станицах 1920-х гг., связанные с реализацией НЭПа, оказали существенное влияние на разрешении земельного вопроса, сбор продовольственного налога, формирование коммунистической системы идеологического воздействия, реформы в сфере образования, полит просветительскую деятельность, направленную на разъяснение внутренней политики большевиков.

Ключевые слова: новая экономическая политика (нэп), повседневность, южно-российская станица, советская власть, Кубань, Дон.

Keywords: new economic policy (NEP), everyday life, South Russian village, Soviet power, Kuban, Don.

Актуальность темы. В период новой экономической политики происходит качественная переоценка базовых основ социальной и экономической политики большевиков. НЭП (1921–1929 гг.) для России стала переломным этапом в системе социально-экономических преобразований, начатых большевиками еще в

годы политики «военного коммунизма». В недрах политики «военного коммунизма» зарождались противоречия, которые инициировали правящую партию к пониманию необходимости налаживания диалога с большей частью населения страны, а именно крестьянством, составлявшем 80% от общего числа населения Советской России.

Переход к НЭПу в жестком противостоянии с казачеством Юга России оказал существенного влияния на формирование нэповской повседневности станиц Дона и Кубани, в котором прослеживалось скрытое, но ожесточенное противостояние вековых традиций казачества с новым советским образом жизни.

Анализ реакции населения на проводимые реформы и изменения их быта становится предметом исследования, рассматривая повседневность как комплекс взаимозависимых факторов, а именно: сельскохозяйственная деятельность, бытовые условия, организация досуга, семейные отношения, старые и новые традиции, влияние новой сельской бюрократии в лице партийных ячеек и советских работников, политпросветительская деятельность, ликвидация безграмотности, новые советские праздники.

Повседневность южно-российского хлебороба включает сферу крестьянской обыденности, находящаяся под влиянием приводимых реформ, в динамике модернизационных преобразований 1920-х гг.

Актуальность статьи определяется возросшим интересом к истории повседневности 1920-х гг., влиянием экономических реформ на традиционные казачьи устои и желанием дать объективную оценку последствиям социальных трансформаций на Юге России. Мы учитываем и тот интерес к НЭПу, который был связан с началом либеральных реформ в 1990-х гг. В последние годы, к сожалению, заметно снижение интереса к данной теме, но столетие НЭПа (2021 г.) должно вызвать интерес исследователей, которые могут дать ответы на те многочисленные вопросы, которые остаются дискуссионными.

Степень изученности проблемы.

Современные исследователи предлагают научному сообществу большой выбор различных теоретико-методологических подходов в изучении исторического прошлого, и история повседневности в этом отношении отличается методологическим плюрализмом.

Исследовательский интерес представляет состояние хозяйства казака единоличника, занятого повседневным тяжелым сельскохозяйственным трудом, в рамках проводимых экономических реформ, станичного общества и появления как положительных, так и отрицательных тенденций в повседневности казачьего быта, общественно-политической жизни и хозяйственной деятельности городского населения. Именно в повседневной жизни различных социальных слоев и групп преломлялась многоукладная нэпмановская экономика, порождавшая противоречия и кризисы в рамках проводимых реформ. В современной исторической науке России история повседневности связана с распространением социальной истории в 1990-е гг.

В постсоветскую эпоху появилось достаточное количество исследований, посвященных анализу повседневной жизни крестьян и казаков в период

НЭПа. Это связано с изменением приоритетов в научно-исследовательской деятельности. Основное внимание стали уделять социальным явлениям в хозяйственной и общественной жизни сельского населения [1]. Взаимоотношение большевиков и крестьянства рассматривалось и через призму социальной психологии селян. В этом плане особый интерес вызывает сборник «Менталитет и аграрное развитие России» [2]. История повседневности казачества юга России нашла свое отражение в работах Багдасарян С.Д.[3], где повседневность определяется как особый культурно-исторический ландшафт с помощью которого познается крестьянская среда.

Новая экономическая политика как вынужденная мера для восстановления экономики, разрешения политического кризиса, снижения социальных противоречий и протестного движения стало набором средств и методов за период с 1921 г. по 1929 г., обеспечившая политическую стабильность и начало социалистических преобразований. Введение НЭПа не означало быстрого и кардинального изменения в жизни населения страны. Восстановительный процесс индивидуального крестьянско-казачьего хозяйства продолжался до 1925 г. и был сопряжен с военно-политическим противостоянием с советской властью, кризисами НЭПа, что оказывало существенное влияние на повседневную деятельность хлебороба.

Источниковая база исследования. Исследование опирается на обширную и разнообразную документальную основу извлеченные из региональных и федеральных архивов.

Цель статьи. Целью статьи является определение групповых и индивидуальных реакций людей на проводимые реформы как отражение повседневности провинциального сельского труженика. Социально-политические преобразования периода НЭПа в 1920-х гг. во многом связаны с проблемами повседневности и противостояния старых, традиционных устоев казачества Юга России и новых явлений, связанных с политико-просветительской деятельностью большевиков.

Изложение основного материала. К 1925-1926 гг. экономика страны достигла практически довоенных показателей. За первые пять лет НЭПа индекс промышленного производства увеличился в три раза, прирост промышленного производства в разные годы составлял от 13% до 18%, среднегодовой прирост национального дохода достигал 18%, сельскохозяйственное производство выросло в 2 раза, а валовый сбор зерновых превысил на 11% показатели 1913 г. [4, л. 134]. Восстановительный процесс в сельском хозяйстве Юга России шел в двух направлениях, во-первых, решения проблем землеустройства, то есть обустройство местного и пришлого населения (иностранцев, бывших красноармейцев) и колонизация свободных земельных площадей и, во-

вторых, восстановление средств земледельческого производства, семенного фонда, создание прокатных пунктов сельскохозяйственных орудий [5, л. 1-1об.].

В региональных газетах Юга России в тематических разделах описывалась повседневная жизнь станиц. В достаточно открытой и доступной форме излагалась информация о последствиях проводимой экономической политики, тяжелых условиях хозяйственной деятельности, административного давления советских и партийных структур, роста имущественного неравенства и их влияние на повседневную жизнь селян [6, л. 234.].

НЭП на начальном этапе не внес коренных изменений в производственной и бытовой деятельности казаков (крестьян), при том что сельское население СССР в 1926 г. количественно доминировало, составляя 82% (население страны 147 млн чел., сельского населения 121 млн чел.). В этот период на территории Кубанского округа проживало 1.300 тыс. чел. Преобладающая часть населения 85% от общего количества занималось сельским хозяйством [7]. В период активной фазы реформ на Дону иногороднее население расширило свои земельные владения за счет казачьих, что привело к сокращению их владений до 37% от общего количества сельскохозяйственных площадей округа. На этой основе в южно-российской станице обострялись сословные противоречия [8]. Переселенческая политика большевиков провоцировала не только рост сословного противостояния, но имущественное противостояние, которое становилось опасным в борьбе между большевиками и зажиточной частью станицы за влияние над казачеством [9, с. 157]. Именно земельный вопрос в повседневной жизни казачьих сообществ Юга России оставался приоритетным вместе с выполнением условий продовольственного налога.

Противоречия между «новыми» и «старыми» ценностями в конечном итоге не привели к гармоничному их синтезу, а наоборот, усиливали противостояние, так как старые тенденции в аграрном секторе экономики преобладали и доминировали, как последствия исторически сложившихся условий развития южно-российской станицы.

В южно-российских казачьих регионах создавались всевозможные общественные организации и возникали движения по внедрению новых достижений в области аграрной науки. Новый советский праздник (сохранился до наших дней) «День урожая» в городах Донской области преследовал цель популяризации знаний по развитию индивидуального казачьего хозяйства для широких городских масс. Однако их результат не оказывал качественного влияние на культурно-хозяйственную самодеятельность казачества. Традиционные формы казачьего землепользования оставались главным объектом ежедневного

противостояния казачества и иногородних, которые поддерживались большевиками.

Выборы в местные Советы, особенно в период реализации политики «Лицом к деревне» в повседневной жизни проявлялось с одной стороны в желании демонстрировать неизменность курса, выливавшегося во взаимные угрозы, а с другой, совершением преступлений против советских и партийных работников, призывами переходу к репрессиям. Террор по отношению к советским и партийным работникам стал фактором острого противостояния в повседневной жизни южно-российских хлеборобов в 1920-х гг. [10].

Идеология преобразований столкнулась с повседневным консерватизмом российского общества. В южно-российской станице это противостояние было более острым и явным, в котором проявлялись устоявшиеся патриархальные формы в сочетании с особыми формами землепользования и местного самоуправления. [11, л. 52]. Реформы землепользования оказывали существенное влияние на повседневную хозяйственную деятельность индивидуального казачьем хозяйстве, в том числе привели к формированию новых типов поселений поселков [12, л. 61].

Особое внимание уделялось молодежи и женщинам, которые вовлекались в орбиту активной общественно-политической деятельности, рекомендовались на руководящие должности в сельских Советах. Большевики искали в этой среде опору для реализации аграрной политики и возможности укрепления политического влияния в южно-российской станице.

Жизнь в южно-российских станицах проходила в причудливом сочетании нового и старого, которая характеризовалась низким уровнем культуры и формированием советско-партийной бюрократии с потерей традиционной казачьей самобытности. Экономические и политические преобразования приводили к деформации базисных основ казачьего хозяйства и советизации общественной жизни. Вместе с тем, реформы способствовали появлению новых факторов в повседневной экономической деятельности казачьих хозяйств, таких как культурные хозяйства (например, в Кубанском округе наибольшее распространение культурные хозяйства получили в Краснодарском, Лабинском, Майкопском отделах), сельскохозяйственные выставки, пропаганда достижений в сельском хозяйстве Юга России [13].

Изменение повседневной жизни, влияние новых идеологических установок неоднозначно воспринималось казачеством Юга России. Традиционные устои казачества во многом противоречили проводимым социальным реформам. Одной из проблем повседневного противостояния казачества и советской власти было нарастающее влияние и рост советской партийно-бюрократической системы. Нарождающаяся бюрократия воспринималась как

специфическое явление, связанное с советизацией общественно-политической жизни казачьих регионов Юга России. Особую негативную реакцию населения вызывали факты взяточничества в хозяйственной и советской системе [14, л. 7].

Сохранившаяся практика общественных отношений (сельская община, сельские сходы), натуральная организация ведения крестьянского (казачьего) хозяйства во многом играли значительную роль в повседневной жизни селян. [15, л. 1 об]. В небольших станицах и хуторах она сводилась к исполнению своих налоговых обязательств и решению бытовых проблем.

Повседневность в период нэпа формировалась под влиянием динамично меняющегося пространственного окружения: появляются новые школы, избы-читальни, сельские клубы. Формирование новой социальной среды, которое могло демонстрировать преимущество нового перед старым становится главной задачей большевиков, но этим процессам активное сопротивление оказывали зажиточные слои казачества [16, л. 48 об].

Заключение. Историческая наука на современном этапе проявляет растущий интерес к объективному исследованию социальных проблем периода новой экономической политики. Переход к НЭПу в 1921 г. означал признание необходимости сохранения индивидуального крестьянско-казачьего хозяйства и определенных социальных отношений, которые в последующем стали основой будущих кризисов, порожденных противостоянием устоявшихся традиционных форм с новыми советскими укладами.

Возможности исследования экономической повседневности 1920-х гг. позволяет раскрыть сложный путь экономических преобразований в аграрном секторе экономики Юга России, меняющиеся взгляды людей на традиционные устои повседневной жизни. Складывавшийся стереотип индивидуального предпринимательства в деревне во многом был предопределен рамками политического и экономического плюрализма периода НЭПа. Разрушение старого не означало формирование новых структур и нового информационно-культурного и бытового пространства. Эти противоречия ярко проявились в казачьих регионах, демонстрировавшие упорный социально-культурный консерватизм и политическое отторжение коммунистической идеологии.

Нэпа не стал «золотым веком» российского крестьянства и неконтролируемое социальное расслоение деревни, последующий рост имущественного неравенства, падение производительности труда, низкий уровень технической оснащенности в определенной степени способствовали началу сплошной коллективизации. В период политики «лицом к деревне» 1924-1926 гг. отмечается активизация хозяйственной деятельности казаков и крестьян,

отличавшиеся ростом само потребления и снижением интереса к проводимым мероприятиям советской власти. При этом мы должны признать, что политическая активность возросла и из «класса молчаливого» он крестьянин превратился в «требовательного».

Литература и источники

1. Рогалина Н. Л. Новая экономическая политика и крестьянство// НЭП: приобретения и потери. Сб. статей. М.: Наука, 1994. С. 139-149;
- Климин И.И. Российское крестьянство в годы новой экономической политики (1921-1927) Санкт-Петербург: Изд-во Политехнического ун-та, 2007 427 с.
2. Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XX вв.): Материалы междунар. конф., Москва, 14-15 июня 1994 г. / [Редкол.: В. П. Данилов, Л. В. Милов (отв. редакторы) и др.]. - М.: Россспэн, 1996. 439 с.
3. Багдасарян С.Д., Скорик А.П. Крестьянская повседневность эпохи нэпа: досуг и праздник в южно-российской деревне в 1920-е годы: монография / Юж.-Рос. гос. техн. ун-т (НПИ). – Новочеркасск: Лик, 2012 – 239 с.; Она же. Быт, труд и семья крестьян эпохи нэпа: историческая повседневность южно-российской деревни в 1920-е годы / Отв. ред. А.П. Скорик; Юж.-Рос. гос. политехи, ун-т (НПИ) им. М.И. Платова. Новочеркасск: Лик, 2015. 312 с.
4. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф-890. Оп. 1 Д. 6 Л. 134.
5. ГА КК. Ф. р-60. Оп. 1. Д. 1998. Л. 1-об.
6. ГАКК. Р-187. Оп. 1. Д.8. Л. 234.
7. Деревенские очерки // Советский Юг. 1924. №109 (1107). 15 мая.
8. За обновление земли // Советский Юг. 1924. 230 (1220) 8 октября.
9. Панкова-Козочкина Т. В. Казаки и крестьяне юга России в 1920-х годах: социально-политическая жизнь и хозяйственно-экономическая деятельность. Специальность 07.00.02 – Отечественная история // Диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук Новочеркасск. – 2016. 617 с.
10. По станицам и хуторам // Красное Знамя. 1924. № 222 (1320) 1 октября.
11. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 7. Оп. 84. Л. 52.
12. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИ КК). Ф.1. Д. 286. Оп. 1. Л. 61.
13. Сельскохозяйственная хроника // Красное Знамя. 1924. 257 (1355). 13 ноября.
14. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИ КК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 214. Л. 7.
15. ЦДНИ КК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 114. Л. 1 об.
16. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИ РО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 52. Л. 48 об.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Gryntko Tetiana

Doctor of Economics, professor,
Oles Honchar Dnipro National University

Ustymenko Svitlana

Oles Honchar Dnipro National University

PROFESSIONAL DEVELOPMENT OF MEDICAL PERSONNEL AS A FACTOR FOR INCREASING THE ECONOMIC SECURITY OF MEDICAL SERVICE ENTERPRISES

Abstract. The article deals with the basic approaches to the interpretation of such definitions as "security" and "economic security". The main approaches to define the nature of risk as an economic category are considered, the features of occupational risk in medical activity are investigated. It is substantiated that improving the level of medical personnel professional development is a basic condition for ensuring the economic security of medical services enterprises. We determined the expediency of private medical institutions involvement in the implementation of the system of doctors' continuous professional development as providers of effective training programmes for medical professionals.

Keywords: security, economic security of the enterprise, risk, medical personnel, continuous professional development.

Problem statement. Nowadays, one of the main tools for ensuring the effective activity of business entities is staff, which has an impact on all aspects of the organization life and is an integral part of its economic security. The advanced concepts of personnel management consider staff as the highest value, directing management to develop the employees' professional and personal abilities, with the aim of their most effective use in business activities. In modern conditions the personnel is characterized by high dynamism of development, which is manifested in the accelerated updating of professional knowledge, skills, abilities, formation of business qualities of employees. The level of professional development, education and qualification today are the most important qualitative characteristics of the staff.

Personnel is viewed as a system-forming element of organizations' economic security in the context of the growing role of the human factor in economic systems. The importance of this factor in ensuring the economic security of our country is caused by the following circumstances: intellectual security (reducing the efficiency of the system of reproduction of highly qualified personnel, "outflow of minds" abroad), security of labor resources (poor assessment and working conditions), spiritual and moral potential (change of moral values, the development of survival ideology). Personnel professional development under these conditions becomes one of the effective tools to ensure the organization economic security, including in the field of health care, which makes the scientific research in this field relevant..

Analysis of recent research and publications. Research on the enterprise economic security was conducted by such scientists as O. Malyutin, N. Beloshkurskaya, R. Zachosova, I. Blank, G. Liannoy, Yu. Opanasyuk, G. Smokvin, who focused primarily on defining the term "economic security", the factors that shape it and the methods of its assessment. Problems of personnel security of economic systems are given attention in the works of

the following domestic and foreign authors: O. Arefyeva, O. Hrunina, Z. Zhivko, N. Loginova, M. Petrov, A. Mitrofanov, I. Migus, N. Podluzhna, V. Muntian, V. Ponomaryova, N. Reverchuk, Y. Chaplygina, I. Chumarkina, A. Shavaev, N. Shvets.

The problems of personnel development as a component of the enterprise economic security system are considered in scientific works of foreign and Ukrainian scientists, in particular V. Petty, A. Smith, D. Ricardo, T. Schultz, G. Becker, L. Tourow, M. Blagois, Y. Topilin, F. Volkov, M. Solodov, S. Strumilin, P. Sabluk, O. Grishnevaya, I. Kalenyuk, A. Chukhnao, O. Borodina, N. Golikova, and others.

Previously unresolved parts of a common problem. In spite of the unconditional scientific value of the researches carried out in this field, numerous achievements in the scientific space to research the influence of the medical institutions personnel professional development on ensuring their economic security are fragmentary, which needs further scientific developments on the given problems.

The purpose of the article is to determine the impact of medical personnel professional development on the level of economic security of health care enterprises.

The main material. In the scientific space, the category of "security" is considered by different authors as a priority need of each person, "the state of the object for which he is in a state of security" [1], "the state of the object when it functions in the optimum mode with the highest reliability" [2], "the property of the system to maintain the conditions of interaction with the minimum ability to cause damage to human, natural and material resources" [3], "a state in which there is no danger to someone or something" [4], "the state of the object characterizing its ability to preserve its essence, purpose, and the structure, ability to neutralize internal and external dangers and threats, ability to realize vital interests of the object" [5, c. 23]. Security has an objective aspect, namely the absence of threats, and a subjective aspect, namely, the absence of fear of threats

to the acquired values [6, c. 48]. In our opinion, defining the security of an enterprise as a desirable state, which is characterized by stability of operation, security and ability to realize vital interests, can be considered as the most successful and generalized one. [7, c. 28].

An important place in the enterprise overall security system is occupied by economic security, namely, "a set of measures, the implementation of which allows ensuring the economic stability of the enterprise and its development in the uncertainty of the internal and external environment and the risk of investment activity" [8, c.190].

The enterprise economic security consists of a certain set of elements, which include "information-analytical, legal, financial, technical and technological, as well as personnel security, which are considered one of the main determining factors of the enterprise economic security" [7, c.36].

Economic security as an economic category is inextricably linked to the phenomenon of "risk". The definition of "risk" in the current scientific literature is versatile, which allows distinguishing the following approaches:

1. Risk is defined as the probability of negative consequences - is the most common approach to the interpretation of this economic category.

2. Risk is treated as uncertainty, and actions to overcome this uncertainty are more meaningful in defining a given economic category.

Most authors attribute the risk to negative consequences, such as certain losses, the occurrence of adverse events and phenomena. But risk, as a form of danger, can have both positive (in the form of increasing economic security) and negative effects mentioned above.

Any entrepreneurial activity is accompanied by risk, which is the main attribute of entrepreneurship, so various risks are inherent in all types of economic activity. Therefore, a large number of approaches to classify and identify different types of risks have been developed in the scientific space. However, there are risks that are inherent in most activities, but there are the specific ones to specific areas and industries.

The conducted research has shown that there is no substantial scientific research of the category of "risk" in the sphere of medical services, the essence of the risk of medical services enterprises is reduced to definition of this category according to the current legislation, according to which the risk in the medical activity is considered as the possibility of negative consequences for patient's life and health occurrence. Some scientists also consider that the main risk of medical activity is the risk of harming human life or health [9].

At the same time, there are studies that highlight the following types of health care risks[9]:

- social and legal;
- economic;
- managerial;
- health risks for health care professionals;
- professional risks.

Professional risk is the risk that arises in the

process of working in a particular workplace in a particular profession. Professional risks arise in various areas of business, as mistakes and negligence take place in any area of human activity. However, there are some profitable areas of economic activity that significantly increase the risk of adverse effects. Damage caused during such dangerous activity shall be compensated to the victim, even when the fault of the person causing it is absent. The field of medical services is considered as a special risk area, professional risks causing medical errors caused in most cases by acts or omissions of medical staff provided insufficient training, professional skills and the ability to use the acquired knowledge in practice.

The problem of medical errors is too painful for healthcare professionals, healthcare facilities and patients in Ukraine. Medical activities are considered risky, and it is therefore the responsibility of the medical staff to assess the risks of medical intervention. But despite the specific nature of the risky profession, healthcare workers are deprived of the ability to evade risky actions to save the patient's life and health. [10, c. 142].

Any professional risks, including health care, are closely linked to their negative consequences, such as the possibility of loss, the occurrence of adverse events, and the risk of loss. Besides professional medical staff errors hurt the reputation and image of the medical establishment. The negative effects of professional risks in medicine are mostly noticeable in the private sector, as the need for material compensation for the harm to the patient's life and health, lawsuits, and reputation restoration sometimes become an unbearable burden for private medical institutions. Therefore, finding the ways and tools to minimize professional risks in the health care field is an important task.

There are two groups of professional risks in the field of medical services: «1) the risk of adverse effects on the patient's life or health as a result of health care / service provision; 2) the risk of not getting the desired result from medical intervention (in the absence of harm to life or health)» [11].

In most cases, professional health care risk is a consequence of the human factor. The human factor is a specific resource represented by a personalized workforce in the aggregate of its qualitative characteristics. [12]. The work of medical professionals is considered highly responsible and complex, and this requires high quality professional education, long-term training and continuous professional development.

In today's conditions of reforming the health care system in Ukraine, when the provision of health care services is becoming more important, the attitude of consumers and society to health care workers plays an important role, which requires the creation of an attractive professional image of the latter. The image of the health care professional creates additional opportunities for improving his / her practice, increasing the demand for his / her professional services and, as a result, satisfying the needs of consumers in receiving high quality medical services.

An important component of a health professional's

image is his or her professional level. The worldwide professional development of healthcare professionals is identified as a major factor in ensuring the effectiveness of the country's health care system.Until recently, the system of doctors' training worked in our country, which started in the times of the Soviet Union. Every five years, each doctor was required to undergo advanced training in a government setting, according to a clearly defined list.The organization of training was ineffective, in particular through bureaucracy and outdated programmes, in most cases it was imitation of education by doctors and imitation of teaching by educational institutions. One of the achievements of the health care reform in Ukraine is the improvement of the current system of doctors professional development through the introduction of continuous professional development.The main positive difference between continuous professional development is the freedom of the doctor to choose the methods of training and the format of professional development, in accordance with his own wishes and needs for improvement. Meanwhile, the state has moved away from financing outdated institutions and proceeds to the targeted allocation of funds for the training of each doctor separately.

Activities and types of educational activities that are included in the programme of doctors continuous professional development include:

- scientific and practical conferences, symposia, congresses;
- trainings, seminars, thematic exercises;
- distance courses, online training;
- internships, training in educational establishments, medical institutions, including abroad;
- scientific publications (articles (review) in journals with impact factor.

To ensure the effective implementation of the doctors continuousprofessional development programme, Ukraine needs to integrate as soon as possible into the professional networks of the world health care system, which will help to create the conditions for communication between specialists (doctors, scientists) in the medical field, and exchange of experience between them.

At the present stage, private medical institutions can play a significant role in the implementation of the doctors continuous professional development programme. The specificity of their medical and economic activities is in the necessity to ensure the high quality of medical services, which is impossible without the use of modern advanced methods of diagnosis and treatment, the use of modern methods, technologies and equipment, high professional level of medical staff.This, in turn, requires continuous study of best practices, exchange of knowledge between different medical institutions both domestically and abroad. Today in Ukraine there are examples of successful implementation of doctors training programmes by private institutions.For example, a group of companies "MedExpert" conducts various educational and research activities, including international, in the form of lectures, seminars,

conferences, training simulation, and more.Garvis Contemporary Surgery Clinic has been cooperating with leading clinics in Germany, Austria, France for a long time, whose specialists take part in workshops on exchange of experience, and specialists of Garvis Clinic have the opportunity to internship abroad.Experience shows that, thanks to the gained experience, the introduction of the latest techniques of Garvis Contemporary Surgery Clinic has improved the results of treatment, significantly reduced the time of treatment and patients' rehabilitation.

In the future, with the introduction of a system of doctors continuous professional development, the experience of medical staff training by private medical institutions will be expanded and developed. Undoubtedly, it will lead to increased competition, which should improve the quality of educational content and, as a consequence, the professional level of health professionals, which is a condition to increase the quality of health care services..

At the same time, the organization of activities and programmes for doctors continuous professional development by private medical institutions can be considered as a separate type of business activity, which should not only bring additional income and profits, but also have other positive consequences, in particular:

- the opportunity to carry out advanced training and professional development of their own staff;
- use of the possibility of advanced training as additional intangible incentives for employees;
- the possibility of exchange of best practices in medical practice, including international;
- preservation of own intellectual capital of the medical services enterprise.

In turn, improving the professional level of medical personnel, preserving intellectual capital will help to reduce the level of professional risks, which will help to increase the level of economic security of the healthcare services company.

Conclusions and suggestions.The conducted research has shown that the security of the enterprise is a desirable state, characterized by stability of functioning, security and ability to realize vital interests. An important component of any enterprise's security is economic security, which is intrinsically linked to risks and threats.One of the most difficult and dangerous for healthcare services is professional risk, which is the result of the human factor in most cases. In this regard, it is an urgent task of medical personnel management to improve the professional level of medical professionals.The health care reform introduced in Ukraine requires the use of a system of doctors continuous professional development, which is a more progressive and effective method of professional development of health care workers in comparison with the old one.Private medical institutions should be actively involved in organizing activities under the doctors continuous professional development programme, which will increase the level of educational content in the country as a whole.In addition, private medical institutions should not only

receive additional income and profit from the new type of economic activity, but also be able to ensure a high professional level of their employees, to preserve the intellectual capital of the enterprise, which in turn is a key to improving its economic security. Further scientific researches should be directed to substantiation of the complex mechanism and tools for managing the professional development of medical personnel in order to increase the economic security of the medical services enterprise.

References:

1. Balabanova, L.V., Sardak, O.V. (2006) Upravlinnia personalom [Staff management]. DonDUET. 471 pp.
2. Haievskaya, L.M. (2000) Ekonomika ta orhanizatsia diialnosti firmy [Economics and organization of enterprise activity]. Irpin: Akademija DPS of Ukraine. 164 pp.
3. Zhyvko, Z.B. (2013) Metodolohiia upravlinnia ekonomicchnou bezpekoiu pidprijemstva [Methodology of management of economic security of the enterprise]. Lviv, Liha-Pres. 474 pp.
4. Semtsov, V.M. (2017) Nesposterezhevani ekonomicchni protsesy u sferi zovnishnoi torhivli: instytutsiinyi aspekt [Unsupervised economic processes in foreign trade: an institutional dimension]. Ekonomichnyi prostir. № 117. P. 40–55.
5. Kravchenko, O. Ya., Kravchuk, P. Ya. (2008) Dianostyka ta mekhanizm zabezpechennia korporatyvnoi bezpeky pidprijemstva [Diagnosis and provision mechanism of corporate security]. Lutsk, VORVP «Nadstyria». 286 pp.
6. Wolsfers, A. (1962) Diskort and Collaboration, Essays on International Politics. Baltimore, Johns Hopkins University Press. 150 pp.
7. Voronka, O.Z. (2019) Formuvannia mekhanizmu zabezpechennia kadrovoi bezpeky pidprijemstv vysokotekhnolohichnogo sektoru ekonomiky [Formation of a mechanism for ensuring the personnel security of enterprises of the high-tech sector of the economy]. 21.04.02. Lviv. 265 pp.
8. Bartashevska, Yu.M. (2016) Ekonomichna bezpeka pidprijemstva: faktory vplyvu ta shliakh zabezpechennia [Economic security of the enterprise: factors of influence and ways of providing]. Ekonomika i suspilstvo. №7. P. 189-194.
9. Horachuk, V.V. Upravlinnia ryzykami v zakladakh okhorony zdorovia [Risk management in healthcare settings]. URL: http://www.hcm.in.ua/wp-content/uploads/upravlinnya_rizikami_v_zakladi_ohoroni_zdorovya_gorachuk_v.v.pdf
10. Anomalii v tsyvilnomu pravi Ukrayny [Anomalies in the civil law of Ukraine]. Kyiv, Taras Shevchenko national university of Kyiv. 1007 pp.
11. Zavarza, T. V. (2013) Pravove znachennia ryzyku dlja tsyvilno-pravovoї vidpovidalnosti likarnianykh zakladiv za nenelezhne likuvannia [Legal value of risk for civil liability of hospitals for improper treatment]. Teoriia i praktika pravoznavstva. Issue. 2. URL: http://nbuv.gov.ua/UJRN/tipp_2013_2_23.
12. Grynkо, T.V., Timar, I.V. (2016) Teoretychni pidkhody do formuvannia mekhanizmu upravlinnia imidzhem pidprijemstv sfery posluh [Theoretical approaches to the formation of the mechanism of management of the image of enterprises in the service sector]. Ekonomichnyi visnyk Zaporizkoi derzhavnoi inzhenernoi akademii. Issue. 6 (06). Vol. 1. P. 85-90.
13. Grynkо, T.V. (2018) Problemy formuvannia ta rozvytku trudovoho potentsialu pidprijemstv v Ukrayni [Problems of formation and development of labor potential of enterprises in Ukraine] Visnyk Pryazovskoho derzhavnoho tekhnichnogo universytetu. Seriya: ekonomichni nauky. № 35. P. 281-287.

Sheludko Ella I.

*PhD in economics, Senior Research Officer of Department of Industrial Policy,
Institute for Economics and Forecasting Ukrainian National Academy of Sciences*

Zavgorodnia Mariia Yu.

*PhD in economics, Research Officer of Department of Industrial Policy,
Institute for Economics and Forecasting Ukrainian National Academy of Sciences*

PECULIARITIES OF ORGANIZATION OF NON-FORMAL EDUCATION UNDER THE IMPACT OF CHALLENGES OF MODERNITY

Шелудько Елла Ігорівна,

*ДУ «Інститут економіки та прогнозування НАН України»,
кандидат економічних наук, старший науковий співробітник відділу промислової політики*

Завгородня Марія Юріївна,

*ДУ «Інститут економіки та прогнозування НАН України»,
кандидат економічних наук, науковий співробітник відділу промислової політики*

ОСОБЛИВОСТІ ОРГАНІЗАЦІЇ НЕФОРМАЛЬНОЇ ОСВІТИ ПІД ВПЛИВОМ ВИКЛИКІВ СУЧАСНОСТІ

Summary. Innovative approaches to the organization of new forms of vocational training in industry (for example, light industry) are investigated in relation to the possibility of obtaining the skills required in the labor market, which allow to improve the skills of workers in modern industrial enterprises, as well as to engage in

individual business and strategic planning of their operational activity; possibilities of forming technical and digital information processing skills for expanding production for the domestic market of industrial goods and entering the markets of other countries are investigated. The peculiarities in the organization of educational space for the acquisition of professional work skills are revealed and the necessity to support a motivated education, which can be obtained both beyond basic education as well as a substitute for basic education, which will allow it to realize a stable need for cognition and creativity, to maximize "self-realization" and to discover one's abilities, as well as develop socially, professionally and personally.

Анотація. Досліджено інноваційні підходи до організації нових форм професійного навчання в промисловості (на прикладі легкої промисловості) щодо можливості отримання затребуваних на ринку праці навичок, які дозволяють підвищувати кваліфікацію працівників на сучасних промислових підприємствах, а також займатися індивідуальним бізнесом та стратегічним плануванням своєї підприємницької діяльності; досліджено можливості формування навичок з технічної та цифрової обробки інформації задля розширення виробництва для внутрішнього ринку промислових товарів та виходу на ринки інших країн. Розкрито особливості в організації освітнього простору з набуття професійних робочих навичок та доведено необхідність підтримки мотивованої освіти, яку може отримати особа як понад основної освіти, так і замість неї, що дозволить їй зреалізувати стійку потребу у пізнанні й творчості, максимально «самореалізуватись» та розкрити свої здібності, сформуватися соціально, професіонально, особистісно.

Keywords: non-formal learning, non-formal education, industry, continuity of education.

Ключові слова: неформальне навчання, неформальна освіта, промисловість, неперервність освіти.

Постановка завдання. Конкуренція створює сьогодні унікальні можливості для вибору методів освіти, а завдання повної цифровізації економіки по іншому ставить перед людиною матрицю вибору при вирішенні питання отримання майбутньої професії. На чільне місце виходить питання інвестування в людський потенціал, а ринок праці показує, що не можна продовжувати експлуатувати традиційну модель освітніх ринкових послуг в той час, як сформовані нові виклики щодо навичок та компетенцій. Проблеми підготовки та перепідготовки кадрів промисловості, професійного навчання та перекваліфікації нині є тісно пов'язаними із викликами цифровізації бізнесу та галузей економіки, швидким розвитком технологій штучного інтелекту, розвитком інтеграційних процесів в економіці, що істотно змінює конкурентне середовище на ринку праці. Для сучасного освітнього процесу характерним є поєднання освітніх елементів, наприклад, зі сфери точних наук з елементами мистецтва, дизайну, інформаційних технологій, пов'язаних із розвитком творчих здібностей людини. На цьому етапі набувають переваг незвичні види освіти для підтримки конкурентоспроможності та придатності кадрів до нових обставин.

Аналіз останніх досліджень і публікацій. Аналіз стану і тенденцій розвитку світового досвіду представляє науковий і практичний інтерес при вирішенні проблем, актуальних також і для української освіти в умовах цифрового освіти, трансформації формальної та неформальної освіти. Вагомий внесок в розвиток передбачення ринків праці майбутнього, переосмислення процесу навчання навичкам майбутнього й окреслення механізмів, за допомогою яких вони можуть бути забезпечені для підготовки робочої сили, зробили зарубіжні вчені Дж. Санті та ін[1]. Вони розкривають основні ознаки, якими повинні володіти професіонали в майбутньому: основні цифрові навички та грамотність; навички

навчання; навички, необхідні для екологізації економіки; навички, необхідні для залучення до професій 4.0; навички послуг нового покоління; навички для технологічних виробничих галузей; а також основні м'які навички, що допомагають підвищити ефективність на робочому місці, такі як навички роботи в команді, емоційний інтелект, здатність формувати власну думку для прийняття рішень, креативність та дизайнське мислення. Все це матиме вплив на майбутні напрями технічної та професійної освіти та повинні враховуватись освітнями та підприємцями. Алан Роджерс наголошує на важливості безперервного навчання та необхідності значно розширеної програми неформальної освіти, оскільки цілі сталого розвитку, не можуть бути досягнуті лише формальними програмами навчання [2]. Науковці Дж.Гарріс та К.Віхак відмічають зростаючий попит на визнання неформальної освіти[3]. На їх думку, роль неформальної освіти зростає завдяки доступності та різноманіттю форм: відкритих освітніх ресурсів, масових відкритих онлайн-курсів та ін. В праці С.Літвінової та О. Мельник розглядалися практичні питання підвищення компетентності викладачів під час неформальної освіти завдяки новітнім цифровим технологіям. Вони аналізували як впровадження хмарних сервісів дозволить створити певні умови для навчальної мобільності всіх учасників навчально-методичної діяльності та застосування хмарних технологій для різних видів діяльності [4]. В цьому контексті навчання через діяльність виявляється ефективним способом удосконалення учебового процесу, оскільки підвищує якість освіти, сприяє здобутку та застосуванню важливих компетенцій[5].

Виділення не вирішених раніше частин загальної проблеми. В статті зроблена спроба розкрити новітні підходи щодо організації неформального навчання як форми додаткової освіти для отримання знань та професійних

навичок в легкій промисловості та показано можливість взаємодоповнення цього виду освіти із формальною освітою. Це може бути корисним для використання професіоналами та новачками, креативними спеціалістами та педагогами для підвищення кваліфікації і набуття професійних навичок та для підтримки мотивованої освіти протягом усього життя.

Мета. Дослідити інноваційні підходи до організації нових форм професійного навчання в легкій промисловості щодо можливості отримання затребуваних на ринку праці навичок для підвищення кваліфікації працівників на підприємствах галузі, для розвитку навичок підприємництва, можливості формування навичок з технічної та цифрової обробки інформації та креативності.

Виклад основного матеріалу. Проблема наявності якісного трудового ресурсу, і, насамперед, висококваліфікованого, є надважливою в промисловості, як в цілому, так і для легкої промисловості. Адже наявність висококваліфікованих промислових кадрів є саме тим чинником, від якого переважно залежить ефективність і конкурентоспроможність виробництва. Відсутність кваліфікованих кадрів, викликана їх відтоком за кордон і перекосами в системі освіти сьогодні є головним болем для багатьох роботодавців і керівників виробництва. Дефіцит кадрів та низька мотивація праці стає дедалі відчутнішою перешкодою для подальшого розвитку галузі. Галузь сьогодні функціонує в умовах обмежень кадрового забезпечення, пов'язаних з нестачею працівників, які були б зацікавлені у роботі на підприємствах галузі, та невідповідною професійною підготовкою. Через непривабливі умови праці, непрестижність професій, низьку зарплату в легкій промисловості, працівники прагнуть працювати в інших сферах: невиробничих, фінансових. В цих умовах перед керівниками підприємств стойть завдання по закріпленню наявного персоналу та залученню молоді на підприємства. Задля цього вони повинні проводити заходи з підвищення привабливості роботи на конкретних підприємствах через збільшення оплати праці й продуктивності праці та відкриття можливостей підвищення кваліфікації працівникам та кар'єрного просування. Керівники підприємств мають приділяти увагу інвестиціям в людські ресурси, зосереджуючись на перманентному підвищенні кваліфікації фахівців.

З іншого боку, переважна більшість безробітних сьогодні – це люди з вищою освітою, що мають високу кваліфікацію та розвинені навички. Значна частина випускників як вищів, так і професійно-технічних навчальних закладів змінюють свою професію відразу ж після закінчення навчального закладу. Величезна кількість молодих (і не тільки!) людей змушені заново вирішувати проблему організації своєї професійної кар'єри. З огляду на ці обставини необхідно просувати концепцію освіти протягом

усього життя людини (безперервної освіти, перепідготовки та підвищення кваліфікації кадрів) з усіма її перевагами – гнучкістю, різноманітністю, доступністю в часі і просторі.

Освітній фактор є одним із ключових факторів розвитку людського потенціалу, сьогодні він стає запорукою успіху на ринку праці та шляхом до економічного зростання країни. Формування кадрового потенціалу засобами освіти та професійної підготовки сприяє підвищенню науково-технічного потенціалу країни, зміцненню державницьких зasad, підвищенню економічного і соціального добробуту суспільства. На розвиток освітнього потенціалу сьогодні впливають, зокрема, традиційні національні та культурні особливості країни, ментальність її населення, розуміння молодим поколінням, що освіта є одним із головних способів реалізації своїх здібностей, і тому, насамперед, перевагами користується висока кваліфікація спеціалістів та робочої сили, якість освіти в навчальних закладах, затребуваність на ринку праці.

В даний час ми спостерігаємо як у сфері освітницької діяльності відбувається зміна акцентів. Якщо раніше перед системою освіти стояло завдання забезпечення доступності та обов'язковості загальної, «масової» освіти, то сьогодні на перший план висуваються інші цінності – можливість забезпечити людині умови для самовираження, саморозвитку, самореалізації, постійного професійного і особистісного росту. Саме вирішенню цих питань – створенню умов для професійного зростання та індивідуального розвитку особистості, пошуку і знаходженню людиною самого себе в професії засобами нових форм організації освіти – присвячено дане наукове дослідження.

Безперервність освіти є характерною рисою сучасного інформаційного суспільства. Це поетапний і безстроковий процес, що забезпечує постійне поповнення та розширення знань у людей різного віку і дозволяє вчасно адаптуватися до перетворень в економіці та професійному житті. У процес безперервної освіти залучено безліч структур, як освітніх, державних, так і громадських, професійних, що можуть надавати освітні послуги. Пошук різних форм організації процесу навчання підвищує інтерес до таких форм освіти, як неформальна та інформальна освіта. Особливу увагу звернемо на неформальну освіту як ресурс безперервної освіти та її значення для підготовки кадрів легкої промисловості.

В загалі під неформальною освітою розуміється будь-який вид організованої і систематичної діяльності, яка обов'язково має співпадати з діяльністю навчальних закладів, коледжів, університетів та інших установ, що входять у формальні системи освіти. Це зазвичай проведення різних курсів, тренінгів, які пропонуються на будь-якому етапі освіти або трудової діяльності, та носять цілеспрямований і систематичний характер, але водночас не

супроводжуються видачею офіційного державного документа. Слід зауважити, що неформальне навчання, що відбувається поза освітніми установами, як правило, не веде до офіційної сертифікації, проте цей процес є системним, де чітко визначені цілі, зазначено результат навчання та його тривалість. Найбільш поширені заходи неформального навчання – курси, конференції, круглі столи, майстер-класи, семінари, вебінари, фестивалі, тренінги, короткі програми навчання, навчання в клубах, інтерактивні лекції, дискусії тощо.

За допомогою неформального навчання легше забезпечити безперервність освіти, підвищувати кваліфікацію, розширювати компетенції, вчитися дистанційно. У випадку дистанційної неформальної освіти, її значення також полягає у здатності розвивати і задовольняти освітні потреби більш широкого кола потенційних учнів. Вони швидшими темпами набувають необхідні навички в умовах інформаційного суспільства, коли ринок вимагає нових знань і умінь з різних сфер діяльності та навчання протягом всього життя.

Різні види неформальної освіти допомагають оперативніше реагувати на реальні потреби роботодавців; скорочують час навчання при підвищенні кваліфікації. Для вирішення проблеми дефіциту висококваліфікованих спеціалістів немасових професій, яких на сучасному етапі вітчизняні освітні заклади не готують відповідно до вимог ринку та світового досвіду, була застосована практика навчання на короткочасних курсах на базовому підприємстві окремих представників інших підприємств.

Зокрема, на Чернігівській швейній фабриці «ТК-стиль» спільно з Чернігівським регіональним відділенням ТПП реалізовано нову методику підготовки кадрів на підприємстві. На базі фабрики створено Школу інноваційної майстерності, де прямо на виробництві проходить повноцінне навчання на не досить престижну спеціальність «швачка-оператор» для осіб без спеціальних навичок, з розробленням спеціальних навчальних програм, залученням у свій штат професійних педагогів із ПТНЗ, оснащенням сучасним обладнанням окремого цеху та створенням навчального класу. Навчальний процес триває чотири тижні, а набуті учнями за цей час теоретичні знання і практичні навички дозволяють після закінчення навчання отримати диплом-сертифікат про закінчення курсів від ТПП та приступити до повноцінної роботи на потоці.

Іншим прикладом є проведення навчання зі стратегічного мерчандайзингу та маркетингу на Луцькому підприємстві ПрАТ «Едельвіка», де у 2019 р. було проведено міжнародний навчально-прикладний тренінг «Розуміння процесу мерчандайзингу і ролі мерчандайзера в швейній індустрії», що був організований для експортоорієнтованих швейних та текстильних підприємств. Проведення даного тренінгу стало можливим завдяки налагодженню співпраці та

укладеному Меморандуму про взаєморозуміння між Міжнародним Торговельним Центром (МТЦ) та Асоціацією «Укрлегпром» в рамках проекту «Східне партнерство: Готовність до Торгівлі – Ініціатива EU4Business», що фінансується Європейським Союзом. Навчання відбувалось за насиченою програмою, до процесу було залучено представників 30 галузевих підприємств і навчальних закладів з різних куточків України. Даний навчальний цикл розрахований на спеціалістів-стратегів та має на меті допомогти підприємствам розширити ринки збуту та налагодити загальну координацію управління ланцюгом виробництво-логістика-продажі.

З огляду на те, що однією з основних перешкод для експорту на сьогодні є невідповідність продукції та діяльності компаній нормам та стандартам ЄС та відповідним ринковим вимогам, ключовою формою освіти підприємців є реалізація в Україні спільніх проектів, де завдяки програмам неформального навчання та різним курсам з підприємництва надається можливість сприяння українським компаніям у досягненні такої відповідності шляхом передачі знань та досвіду (за підтримки профільних галузевих асоціацій у ЄС).

Зокрема, Асоціація «Укрлегпром» співпрацює з Проектом «SME export compliance under DCFTA», що реалізується за підтримки Good Governance Fund Уряду Великої Британії та компанії Pricewaterhouse Coopers. Загальна ідея даного Проекту – збільшити можливості для експорту українських підприємств сектору «спецодяг/захисний одяг» до Європейського Союзу із використанням потенціалу зони вільної торгівлі з ЄС. Форми дистанційного навчання, які залучають, наприклад, організатори освітнього проекту EdEra (за підтримки підприємницького фонду Western NIS Enterprise Fund) – запуск першого в Україні навчального онлайн-курсу для експортерів під назвою «Експорт, ринки ЄС та інтернаціоналізація бізнесу», проведення низки семінарів в Україні та інформаційна підтримка підприємництва на різних рівнях – державному, регіональному, на рівні асоціацій. Серед проектів із підтримки бізнесу Представництво ЄС спільно з Мінекономрозвитку здійснило запуск в Україні проекту FORBIZ (2016 р.), спрямованого на підтримку малого та середнього бізнесу та поліпшення бізнес-клімату в країні через організацію навчальних заходів та тренінгів, зокрема, щодо можливостей здійснювати експорт в країні ЄС. У вересні 2019 року відбувся перший практичний семінар Марка Хеллера – директора CTA Economic&Export Analysts LTD на тему відповідності вимогам безпечності експортної продукції МСП у рамках ПВЗВТ (UA 79), де було детально обговорено основоположні принципи інфраструктури якості ЄС, вимоги ЄС до засобів індивідуального захисту та розглянуто методологію складання технічних паспортів для підтвердження відповідності товару. Кожне підприємство-учасник вже отримало можливість самостійного створення технічного файлу

(паспорту) і конкретний план дій для реалізації, а в кінцевому результаті (в разі успішного виконання усіх етапів) – отримає не лише можливість підтвердити безпеку своєї продукції, але й також можливість експортувати на ринки ЄС та глобальні ринки.

Останнім часом до неформальної освіти у легкій промисловості долучились різні сфери креативної індустрії: від дизайнерів та матеріалознавців до інженерів з розробки та маркетингу нової креативної продукції. В цьому керівникам можуть допомагати різні організації, що проводять просвітницьке навчання на всіх ланцюгах створення доданої вартості, від розробки – дизайну – виробництва –розповсюдження – споживання – переробки (рециклінг) – до утилізації. Зокрема, компанія Kaizen Partners проводить заняття з підвищення операційної ефективності на швейних підприємствах, а Internation Apparel Federation започаткували програму підвищення продуктивності для українських виробників одягу. Курси передбачають навчання як специфічним знанням, що застосовується тільки в легкій промисловості, так і загальноекономічним, загальноматеріалознавчим, підприємницьким навичкам.

На вирішення проблем невідповідності компетенцій службовців та підприємців потребам ринку і викликам майбутнього спрямовані зусилля і Асоціації підприємств промислової автоматизації України, яка для цього тісно співпрацює з провідними експертами та інжиніринговими компаніями щодо просвітництва та впровадження світових стандартів управління на виробничих підприємствах технічними функціями та характеристиками продуктів та рішень. Так, в АППАУ створено Робочий комітет «Просвіта та підготовка кадрів», в метою якого є просвіта ринку по найбільш важливим темам розвитку Індустрії 4.0, організовується серії оф-лайн (семінари, лекції) та он-лайн (вебінари) заходів, тренінги по приєднанню до світових конкурсів (як WorldSkills) тощо.

Окремим напрямом розвитку неформальної освіти, який набуває винятково актуального значення виступає розвиток абстрактно-концептуального мислення і оволодіння технічними та цифровими прийомами роботи з інформацією, у першу чергу, в навчальному процесі майбутніх фахівців. Необхідність застосування штучного інтелекту для персоналізації в освітньому процесі передбачає наступне:

- розробка завдань до практичної (лабораторної) і самостійної роботи студентів з урахуванням альтернативності правильних розв'язків і відстежування прогресу успішності кожного виконавця за попередньо розробленими параметрами верифікації;

- використання інтелектуальних помічників для перевірки індивідуальних завдань; заміщення

колективних форм навчання індивідуальними консультаціями в малих групах (до 10 осіб) завдяки взаємодії з ІКТ;

- використання інтелектуальних репетиторських систем для виконання самостійної роботи і поточного відстеження прогресу;

- розробка мультимедійних програм навчання для смарт-пристроїв із веб-аналітикою;

- адаптація існуючих систем оцінювання знань до особливостей особистого прогресу;

- виявлення прогнозованих результатів навчання на основі зібраної фактичної інформації про особистий прогрес;

- кібернетичне моделювання процесів і результатів засвоєння знань і виявлення слабких місць дисципліни або освітньої програми;

- одночасне визначення професійної спрямованості здобувача у рамках освітньої програми за результатами особистого прогресу;

- використання спільної навчальної хмарної платформи для навчальних дискусій.

В рамках співпраці Міністерство освіти та науки України з корпорацією Google організовано навчання на онлайн-курсах з допомогою адаптованих для ВНЗ Google-класів з метою підвищення цифрової грамотності та покращення цифрових навичок викладачів, передбачено сертифікацію співробітників вишив з цифрових компетентностей.

Інноваційні зміни, які відмічаються в останні роки у системі підвищення кваліфікації або перекваліфікації кадрів шляхом отримання неформальної або додаткової освіти, знаходять свій відбиток у формуванні нових форм освітньої організації, які можуть задовольнити потреби людини у самовираженні та саморозвитку, допомогти досягнути певного професійного і особистісного росту, розкрити свої творчі та комерційні здібності для розвитку власного бізнесу [6]. Такі форми надання освітніх послуг можуть надавати суб'єкти, що працюють на стику моди, ремесел, культури та творчих майстерень; мають ліцензію на право оказувати освітні послуги з реалізації освітніх програм за видами освіти, за рівнями освіти, професіями, спеціальностями, напрямами підготовки (для професійної освіти дітей та дорослих); проводять навчання на курсах з виробництва, розвитку ринку та просування продуктів модного туризму. Курси в суміжних сферах діяльності щодо здобуття професійних навичок можуть застосовуватись в креативних сферах, продукуючи нову продукцію/послуги. Це можуть бути такі форми освоєння трудових навичок: безкоштовні майстер-класи з пошиву; з технологій пошиву виробів та корекції лекал; з пошиття за власними викроїками. Вони можуть комбінувати у собі: тривале навчання, онлайн-навчання та використання інтерактивних технологій навчання, експрес-курси, практичні майстер-класи для починуючих і спеціалістів з конструкування та шиття, виїзні лекції, створення

майданчиків відкритої освіти, центрів випереджальної професійної підготовки.

Висновки та пропозиції. Промислова революція зумовлює появу спеціалістів нового типу – з творчим підходом та готовністю до співробітництва з людьми та системами штучного інтелекту. Оскільки життєвий цикл професійних компетенцій скорочується, то актуальним стає формування сукупності навичок, що дозволять швидко перенавчатися.

Незважаючи на те, що кожна з освіт (формальна, інформальна та неформальна) виконує свою функцію, вони мають доповнювати одна одну, маючи спільну мету. Неформальні освітні заклади можуть використовувати науково-дослідницьку, технологічну інфраструктуру навчальних закладів, забезпечувати відкритий доступ до авторських методик навчання викладачам для підвищення кваліфікації. Доцільним є співробітництво педагогів з освітніми, консалтинговими, виробничими та іншими структурами з надання освітніх послуг. Використання різних форм, методів та технологій навчання сприятиме взаємодії у організації процесів підвищення кваліфікації та перекваліфікації кадрів легкої промисловості.

Список літератури

1. Shanti J., Sungsup R., Maclean R. Dominant recent trends impacting on jobs and labor markets - An Overview // International Journal of Training Research. – 2019. – 17:sup.1. – 1-11
2. Rogers A. Second-generation non-formal education and the sustainable development goals: operationalising the SDGs through community learning centres //International Journal of Lifelong Education. – 2019. – Т. 38. – №. 5. – С. 515-526.
3. Harris J., Wihak C. The Recognition of Non-Formal Education in Higher Education: Where Are We Now, and Are We Learning from Experience? // International Journal of E-Learning & Distance Education. – 2018. – Т. 33. – №. 1. – С. n1.
4. Lytvynova S., Melnyk O. Professional Development of Teachers Using Cloud Services During Non-formal Education //arXiv preprint arXiv:1807.05987. – 2018.
5. Джуринский А.Н. Высшее образование в современном мире: тренды и проблемы. М.: Прометей. – 2017. – 186с.
6. Розвиток людського капіталу: на шляху до якісних реформ. 2018. URL: http://razumkov.org.ua/uploads/article/2018_LUD_K_APITAL.pdf

Золотарева Юлия Владимировна

кандидат соцiol. наук, доцент

доцент кафедры менеджмента и предпринимательского права

ФГБОУ ВО Северо-Кавказский институт – филиал

РАНХиГС, г. Пятигорске

Золотарева Ульяна Игоревна

Студентка 2 курса

факультета агропромышленный

ФГБОУ ВО Донской государственный

технический университет, Ростов-на-Дону

О РАЗВИТИИ ТУРИСТСКОЙ ОТРАСЛИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА ОСНОВЕ УСПЕШНОГО ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Zolotareva Yulia Vladimirovna

candidate of sociological sciences,

associate Professor of the Department of management and business law,

North Caucasus Institute-branch of RANEPA, Pyatigorsk

Zolotoreva Uliana Igorevna

2nd year student of the faculty

of the agribusiness department at Don state technical University , Rostov-on-don

ON THE DEVELOPMENT OF THE TOURISM INDUSTRY IN THE RUSSIAN FEDERATION ON THE BASIS OF SUCCESSFUL POSITIONING OF THE TOURIST AND RECREATIONAL POTENTIAL OF THE NORTH CAUCASUS FEDERAL DISTRICT

Аннотация. Туристская активность россиян последние годы остается пониженной. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения, в среднем лишь 45 процентов жителей страны в последние 5 лет отдыхали в регионе, отличном от региона проживания. Это свидетельствует о необходимости дальнейшего повышения доступности туристских продуктов для жителей страны и стимулирования мотивации к совершению путешествий.

Abstract. Tourist activity of Russians in recent years remains reduced. According to the all-Russian center for public opinion research, on average, only 45 % of the country's residents in the last 5 years rested in the region,

different from the region of residence. This indicates the need to further increase the availability of tourist products for residents of the country and stimulate motivation to travel.

Ключевые слова: туризм, мотивация, рекреационный регион, путешествия, курорты, транспортно-логистический комплекс.

Keywords: tourism, motivation, recreational region, travel, resorts, transport and logistics complex.

По данным отчета Всемирного совета по туризму и путешествиям, совокупный вклад туризма в мировой валовой внутренний продукт оценивается на уровне 10,4 процента, или около 8,3 трлн. долларов США (3,2 процента - оценка прямого вклада туризма без учета косвенных и индуцированных эффектов на экономику), при этом 1 из 10 рабочих мест в мире создается в туристском секторе.

Актуальность исследования вопросов развития туризма доказана тем, что туризм остается одной из крупнейших статей международной торговли в несырьевом секторе. По данным Всемирной туристской организации, экспорт туристского сектора занимает 3 место в мировом экспорте после химикатов и топлива, обогнав продукцию автопрома. Для большинства развитых стран туризм - лидирующая статья в экспорте.

По данным Всемирного совета по туризму и путешествиям, наибольшая доля мирового валового внутреннего продукта в части туризма в 2017 году приходится на Азиатско-Тихоокеанский регион (36%), тогда как Европа и Америка занимают второе и третье места соответственно, вместе добавляя 59% к мировому валовому внутреннему продукту туризма.

По данным Всемирной туристской организации, особенностью последних лет стало перераспределение туристов между регионами 7 международного туризма и повышение роли Азиатско-Тихоокеанского региона (рост на 6% в 2017 году по сравнению с 2016 годом), Африки (на 8%) и Америки (на 5 %), при этом все направления получили прирост потока туристов из-за роста авиаперевозок и развития связей между регионами мира. Самый посещаемый регион в мире - Европа - показал рост в 9%, Ближний Восток - 4%. Около 60% всех туристских затрат (1,3 трлн. долларов США) в 2017 году были сконцентрированы в топ-15 странах (в том числе в Соединенных Штатах Америки, Испании, Франции, Таиланде, Великобритании, Италии, Австралии, Германии, Японии, Китае, Индии, Турции, Мексике). Россия заняла 34 место в общих тратах международных туристов на своей территории, которые составили 9 млрд. долларов США (0,7 процента общих трат по миру), при этом стала восьмой страной в рейтинге трат туристов по объему расходов, понесенных за рубежом выезжающими из страны туристами (около 2,5% общих трат международных туристов). Лидерами по объему расходов, понесенных за рубежом выезжающими из страны туристами, являются Китай, Соединенные Штаты Америки и Германия.

По данным Всемирной туристской организации, в 2017 году Россия находилась на 15-

м месте стран - лидеров по количеству прибытий иностранных граждан.

Туристская активность россиян остается пониженной. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения, в среднем лишь 45 процентов жителей страны в последние 5 лет отдыхали в регионе, отличном от региона проживания. Это свидетельствует о необходимости дальнейшего повышения доступности туристских продуктов для жителей страны и стимулирования мотивации к совершению путешествий. Въездной поток туристов в последние годы стабилен (по данным Федеральной службы государственной статистики, в 2018 году приток иностранных туристов вырос на 0,7 процента (после сокращения в 2017 году) по сравнению с 2016 годом).

Если рассматривать въездной поток без учета государств - участников Содружества Независимых 9 Государств и Украины (значительная часть въезжающих из этих стран туристами фактически не является), тенденции более позитивные - в 2018 году туристский поток на 11,2% превысил уровень туристского потока 2017 года и на 10% - уровень 2012 года, в том числе из-за притока участников и гостей чемпионата мира по футболу FIFA 2018 года. По данным Всемирной туристской организации, расходы въездного туриста в России ниже, чем в среднем по миру, и составляют менее 900 долларов США на 1 туриста (во Франции, Австрии, Испании - более 1100 долларов США на 1 туриста). По данным Федеральной службы государственной статистики, около 70% размещений всех въезжающих в Россию туристов приходится всего на две туристские территории - гг. Москву и Санкт-Петербург.

Несмотря на некоторое снижение покупательской способности, россияне по-прежнему ежегодно совершают около 30 - 40 млн. туристских поездок за рубеж (42 млн. поездок в 2018 году, что на 14% меньше по сравнению с 2012 годом), тратя, по оценкам Всемирной туристской организации, в иностранных государствах до 35 - 40 млрд. долларов США в год.

Реализация потенциала роста отрасли во многом будет зависеть от качества инфраструктуры, которая требует постоянного обновления. За период с 2012 по 2017 год эффективность использования туристской инфраструктуры не выросла, а по отдельным показателям - снизилась. По данным Федеральной службы государственной статистики, количество ночевок на 1 место в коллективных средствах размещения снизилось со 129,1 в 2012 году до 117 в 2017 году, коэффициент использования номерного фонда за период 2014 - 2016 годов в среднем составлял только 32 процента. Негативное

влияние на общую эффективность использования инфраструктуры оказывает ярко выраженная сезонность спроса. Для 10 сравнения, по данным Всемирной туристской организации, в 2016 году загрузка одного места в России составляла 35%, в Германии – 44%, в Испании – 60%. Несмотря на большой объем незагруженного номерного фонда, наблюдается дефицит туристской инфраструктуры, отвечающей потребительским ожиданиям туристов, ориентированных на международный уровень сервиса.

Другими сдерживающими спрос факторами являются: низкая узнаваемость российских туристских брендов на зарубежных рынках и внутри России, в том числе наличие нереализованных возможностей по развитию системы продвижения с применением современных информационных, маркетинговых и иных технологий, предубеждения (стереотипов) иностранных граждан о туризме в Российской Федерации – «небезопасность», «языковой барьер», «негативный геополитический образ» и др.; сложная система получения виз Российской Федерации для большинства стран с потенциально высоким потоком въездных туристов, а также недостаточное количество возможных инструментов для обеспечения краткосрочного пребывания въезжающих туристов, в том числе для посетителей крупных спортивных и культурных мероприятий.

Правительство России утвердило стратегию развития туризма в Северо-Кавказском федеральном округе до 2035 года.[1] В данном документе отмечается, что объем туристских услуг в СКФО ежегодно растет, однако экономический вклад отрасли в ВРП является крайне низким. Эту ситуацию и призван изменить документ.[2] На одного жителя Северо-Кавказского федерального округа приходится 528,3 рубля оказанных туристских услуг. При этом по Российской Федерации данный показатель в среднем составляет 985 рублей на человека. Количество коллективных средств размещения в Северо-Кавказском федеральном округе в 2017 году составило 791 единицу (в том числе 167 организаций, оказывающих санаторно-курортные услуги), что является недостаточным для размещения потенциального туристского потока. Число коллективных средств размещения в целом в округе на 1000 жителей составляет 0,081, что более чем в 2 раза ниже среднероссийского показателя.

Общее число мест в коллективных средствах размещения в Северо-Кавказском федеральном округе также является недостаточным (78 тыс. мест), а динамика роста (115,06% с 2013 по 2017 год) не отвечает потенциальному развитию туризма (по Российской Федерации - 156,34%). В результате на 1000 жителей Северо-Кавказского федерального округа приходится только 8 мест в коллективных средствах размещения (по Российской Федерации - 14,7).

Как следствие, сфера туризма в целом не является в настоящее время инвестиционно привлекательной в Северо-Кавказском федеральном округе. Объем инвестиций в основной капитал, направленный на развитие коллективных средств размещения, в 2016 году составил в Северо-Кавказском федеральном округе 978,6 млн. рублей, что является одним из самых низких показателей в Российской Федерации (3,2 процента от общероссийского показателя). Объем инвестиций в основной капитал, направленный на развитие коллективных средств размещения, на 1000 жителей Северо-Кавказского федерального округа составил только 0,1 млн. рублей (по Российской Федерации в среднем - 0,207 млн. рублей).

Остро стоит проблема отсутствия современной технологичной туристской инфраструктуры. Существующая туристская инфраструктура округа обладает высокой степенью износа основных фондов (в 2016 году - 40,5%). Дополнительным ограничивающим фактором является отсутствие коллективных средств размещения большой емкости (более 300 номеров), что объективно сдерживает возможность организации и проведения крупных культурных, деловых и спортивных мероприятий на территории Северо-Кавказского федерального округа, а также препятствует организации чартерных авиарейсов по внутренним туристским направлениям.

На территории Северо-Кавказского федерального округа по состоянию на 1 июня 2018 г. действуют 9 горнолыжных комплексов, 68 подъемников и 108 горнолыжных трасс, общая протяженность которых составляет около 185 километров. В Северо-Кавказском федеральном округе расположены горнолыжные комплексы «Чиндиричро» (Республика Дагестан), «Армхи» (Республика Ингушетия), «Эльбрус» и «Чегет» (Кабардино-Балкарская Республика), «Домбай» и «Архыз» (Карачаево-Черкесская Республика), «Цей» (Республика Северная Осетия - Алания), «Ведучи» (Чеченская Республика) и «Сосновый рай» (Ставропольский край).

В состав туристско-рекреационных особых экономических зон Северо-Кавказского федерального округа входят всесезонные туристско-рекреационные комплексы «Архыз» (на территориях Зеленчукского и Урупского муниципальных районов Карачаево-Черкесской Республики), «Ведучи» (на территории Итум-Калинского муниципального района Чеченской Республики), «Эльбрус» (на территориях Эльбрусского и Зольского муниципальных районов Кабардино-Балкарской Республики), «Армхи» и «Цори» (на территориях Джейрахского и Сунженского муниципальных районов Республики Ингушетия), «Матлас» (на территориях Хунзахского, Карабудахкентского, Каякентского, Дербентского и Магарамкентского муниципальных районов Республики Дагестан). Перспективным также является проект развития

туристско-реакционного комплекса «Мамисон» на территории Республики Северная Осетия - Алания.

На Северном Кавказе реализуется масштабный проект развития горнолыжного кластера. Курорты первой очереди – «Архыз», «Ведучи» и «Эльбрус». Вторая очередь – курорты в Ингушетии и Дагестане.[3]

Создаются курорты с определёнными параметрами, позволяющими им быть самодостаточными, демонстрировать экономическую эффективность, привлекать дополнительные инвестиции, создавать новые рабочие места непосредственно на курорте и в периметре курорта. Совокупность этих параметров формирует облик так называемого эталонного курорта.

Эталонный курорт подразумевает туристический поток около 350 тысяч человек, не менее 30 км горнолыжных трасс, не менее 4 горнолыжных подъёмников, гостиничные объекты на 2–6 тыс. мест. Эти параметры дают курорту необходимое качество, чтобы быть экономически самодостаточным.

К 2025 году показателей эталонного курорта достигнут два крупнейших курорта – «Архыз» и «Эльбрус». Они выйдут на операционную рентабельность и запланированные показатели турпотока.

Планируется, что на «Архызе» частные инвестиции составят 20 млрд. рублей. Будет создано около 2,7 тыс. рабочих мест, а ежегодный турпоток составит более 680 тысяч человек. По «Эльбрусу» частные инвестиции составят 8 млрд. рублей, будет создано 1,2 тыс. рабочих мест, турпоток – более 650 тысяч человек. По «Ведучи» частные инвестиции составят 13 млрд. рублей, рабочих мест – около 700, а ежегодный туристический поток – 90 тысяч человек.

Сегодня из трех курортов первой очереди наиболее близок к эталонному курорту «Архыз». «Архыз» открылся в декабре 2013 года, за 4 года работы принял свыше 700 тысяч туристов. В 2016 году «Архыз» стал победителем в номинации «Лучший молодой горнолыжный курорт России» премии «Лидеры спортивной индустрии». Каждый горнолыжный сезон «Архыз» демонстрирует темпы роста:

- в 2014 году – 103 тысячи посетителей;
- в 2015 году – 139 тысяч посетителей, рост 34%;
- в 2016 году – 202 тысячи посетителей, рост 45%;
- в 2017 году – 243 тысячи посетителей, рост 19%;

- за новогодние праздники 2018 года курорт посетило 29 тысяч человек, что на 7% выше, чем за аналогичный период в 2017 году, а за новогодние праздники встречи 2019 года Карачаево-Черкесская Республика приняла 125 тысяч туристов, включая 60 тыс. отдыхающих принял Домбай и 45 тыс. встретил Архыз

Курорт «Эльбрус» открыт еще в советские времена, но в последние годы ему придан импульс развития. На Эльбрусе построена канатная канатная дорога, которая стала самой высокогорной, не имеющей аналогов в России и Европе. Верхняя станция канатной дороги расположена на высоте 3847 м, нижняя – 3455 м над уровнем моря. Показатели туристического потока курорта «Эльбрус»:

- в 2014 году – 135 тысяч человек;
 - в 2015 году – 212 тысяч человек, рост 57%;
 - в 2016 году – 319 тысяч человек, рост 50%;
 - в 2017 году – 343 тысячи человек, рост 7%;
- за новогодние праздники 2018 года курорт посетило 10 тысяч человек, примерно как и в 2017 году. Кабардино-Балкарская Республика встречая новый год 2019 приняла 63 тысячи туристов, включая 54 тыс. туристов на Приэльбрусье.[4]

В течение 2017-2018 годов активно велись строительно-монтажные работы по объектам инженерной и горнолыжной инфраструктуры ВТРК «Ведучи». Запуск нового курорта торжественно прошёл 26 января 2018 года. За первые три недели курорт посетили более 1 тысячи человек.

На территории Северо-Кавказского федерального округа находятся 15 особо охраняемых природных территорий федерального значения: 6 государственных заповедников, 3 национальных парка, 6 государственных заказников, общая площадь которых составляет 710,22 тыс. гектаров.

В настоящее время для осуществления спортивных походов по территории Северо-Кавказского федерального округа общероссийской общественной организацией «Федерация спортивного туризма России» разработан перечень классифицированных туристских спортивных маршрутов и естественных препятствий, включающий описание 9 пешеходных маршрутов, 89 горных маршрутов, 75 водных маршрутов, 11 велосипедных маршрутов и 8 спелеомаршрутов

Основу санаторно-курортного комплекса Северо-Кавказского федерального округа составляют 168 санаториев общей емкостью 41624 места.

Особо охраняемый эколого-курортный регион Российской Федерации - Кавказские Минеральные Воды - расположен на территории трех субъектов Российской Федерации, входящих в состав Северо-Кавказского федерального округа, и включает в себя территории г. Лермонтова, городов-курортов Ессентуки, Железноводска, Кисловодска, Пятигорска, городских округов Георгиевск и Минеральные Воды, а также Предгорного муниципального района (Ставропольский край), территорию Зольского муниципального района (Кабардино-Балкарская Республика), территории Малокарачаевского и Прикубанского муниципальных районов (Карачаево-Черкесская Республика).

На сравнительно небольшой площади в 2 тыс. кв. километров, главным образом примыкающей к бассейну реки Подкумок, сконцентрировано более 100 источников минеральной воды 18 типов с различным химическим составом, минерализацией и температурой. Такого разнообразия в мире больше нет: в г. Будапеште (Венгрия) находится менее 100 источников, в г. Карловы Вары (Чехия) - более 60, в г. БаденБаден (Германия) - менее 20.

Перспективы развития санаторно-курортного комплекса определяются большими запасами минеральных вод, которые составляют более 24,3 тыс. куб. метров в сутки, в том числе 16,7 тыс. куб. метров в сутки подготовлены для использования. В настоящее время на лечение, питьевые цели и промышленный розлив используется только 2,6 тыс. куб. метров в сутки, резерв воды составляет 14,1 тыс. куб. метров в сутки.

Регион Кавказских Минеральных Вод славится не только минеральными источниками, но и целебной грязью Тамбуканского озера, расположенного в 12 километрах от города-курорта Пятигорска на границе Ставропольского края и Кабардино-Балкарской Республики. Лечебно-оздоровительный туризм в Кабардино-Балкарской Республике представлен курортом федерального значения «Нальчик».

В Карачаево-Черкесской Республике на территории Карачаевского городского округа действует туберкулезный санаторий «Теберда», а территория Малокарачаевского района определена для реализации проекта по созданию инновационного международного медицинского кластера, включающего строительство высокотехнологичного 15 федерального медицинского центра, специализированных клиник, реабилитационных центров и других санаторно-курортных объектов. В Республике Дагестан действуют санатории «Талги», «Каякент», «Радде» и «Гуниб», а также бальнеологический курорт «Ахты». В Республике Северная Осетия - Алания расположен бальнеологический курорт «Тамиск», а на территории г. Владикавказа действуют санатории «Осетия», «Сосновая роща» и «Юность». В Чеченской Республике расположен курорт «Серноводск Кавказский». В Республике Ингушетия действует курорт «Армхи».

Реализацию I этапа в части развития лечебно-оздоровительного туризма в рамках Стратегии предполагается осуществить с учетом элементов детского и медицинского туризма. На сегодняшний день в Российской Федерации существует несколько федеральных детских центров, которые являются базовыми площадками для проведения на морском побережье летней оздоровительной программы для детей и молодежи из регионов Российской Федерации. В связи с тем, что в настоящее время на территории Российской Федерации отсутствует федеральный детский центр в горной местности, предлагается реализовать на территории Северо-Кавказского федерального округа мероприятия по развитию

детского оздоровительного туризма в горной местности. Развитие лечебно-оздоровительного туризма в комплексе с элементами детского и медицинского туризма позволит: создать туристский продукт для всей семьи; предложить комплексное обследование состояния здоровья, специализированное лечение и необходимую реабилитацию; увеличить туристский поток на лечебно-оздоровительные курорты; повысить спрос на детский отдых в горной местности; реализовать проекты по строительству новых объектов лечебнооздоровительного туризма.

Реализация мероприятий I этапа будет осуществлена путем повышения эффективности эксплуатации уже имеющейся в регионе инфраструктуры, модернизации и строительства отдельных недостающих элементов и постепенного увеличения туристского потока на туристских территориях

Планируется в несколько раз увеличить туристический поток. Так, согласно стратегии, уже через пять лет в гостиницах и здравницах регионов Северного Кавказа должны останавливаться около двух миллионов человек в год, а уже к 2030-му - 3,5 миллиона. При этом, так называемых, коллективных средств размещения в округе всего 791, в том числе 167 санаториев. Этого, по мнению специалистов, явно недостаточно для потенциального числа гостей.

Заключение

Сегодня в Северо-Кавказском федеральном округе работает одно из перспективных направлений развития туризма – это 9 горнолыжных комплексов с 68 канатными дорогами и 108 километрами трасс. Есть несколько туристско-рекреационных особых экономических зон, из них активно развиваются «Архыз» в Карачаево-Черкесии, «Эльбрус» в Кабардино-Балкарии, «Ведучи» в Чечне и «Армхи» в Ингушетии. Остальные комплексы пока не могут похвастать популярностью у инвесторов.

Второе направление, которое имеет огромный потенциал и перспективу роста - это лечебно-оздоровительный туризм. На Кавказских минеральных водах сосредоточено более 100 источников минеральной воды 18 типов. Такого разнообразия больше нет нигде в мире. При этом используется в сутки только 2,6 тысячи кубометров воды, резерв составляет 14,1 тысячи кубометров.

Стратегия, разработанная Правительством РФ должна решить несколько задач. Среди них - увеличение инвестиций в отрасль, модернизация туристской инфраструктуры, развитие придорожного сервиса, создание туристских приютов горах и системы информирования о мерах безопасности, появление новых рабочих мест в округе.[5]

Выгодное географическое расположение региона, граничащего с Закавказьем, а через Каспий с Ираном, Туркменистаном, - важный фактор для успешного развития транспортного сообщения с такими странами, как Иран, Индия,

Китай - крупнейшими торговыми партнерами России. А Махачкала, кстати, - единственный порт, который не замерзает. На Северном Кавказе будет создан Каспийский транспортно-логистический комплекс. Он станет альтернативой торговым путям через Суэцкий канал и Черное море, что будет способствовать более успешному сотрудничеству с такими крупными торговыми партнерами России, как Иран, Китай, Индия. Конечная цель масштабного проекта - формирование единого кластера российских портов в Каспийском море. Создание комплекса подразумевает модернизацию порта Махачкалы, строительство транспортно-логистического комплекса в Каспийске.[6]

На Северном Кавказе реализуется масштабный проект по созданию туристического кластера под управлением АО «Курорты Северного Кавказа». Он предусматривает создание в Северо-Кавказском федеральном округе на территориях особых экономических зон шести всесезонных туристско-рекреационных комплексов и одного прибрежного кластера. В настоящее время ведется строительство и эксплуатация курортов первого этапа проекта: «Архыз» (Карачаево-Черкесская Республика), «Эльбрус» (Кабардино-Балкарская Республика) и «Ведучи» (Чеченская Республика). На втором этапе проекта планируется развитие площадок «Армхи» и «Цори» (Республика Ингушетия), «Матлас» и Каспийского прибрежного кластера (Республика Дагестан).

Стратегия 2035 позволит определить основные туристические дестинации (в идеале - по одной - в каждом регионе СКФО, наиболее перспективные для развития. Второе направление - развитие межрегиональных маршрутов. Это уже запущенные «Чайный экспресс», «Шелковый путь», а также маршруты в другие субъекты РФ. Например, круизные маршруты по Каспию, которые соединят не только субъекты от Астрахани до Поволжья, но и могут быть международными. Например, до Баку и даже Тегерана.

На Северном Кавказе сегодня действует 15 программ господдержки для предпринимателей,

готовых вкладывать средства в развитие экономики СКФО. Очень важно, что у инвесторов в нашем регионе есть не только огромный простор для деятельности и радужные перспективы получить приличные дивиденды, но и гарант от имени государства для защиты вложенных ими средств - АО «Корпорация развития Северного Кавказа». В партнерстве с КРСК и АО «Курорты Северного Кавказа» при поддержке Министерства РФ по делам Северного Кавказа Фонд «ПосетиКавказ» реализует проект «Инвестируй в Кавказ», цель которого усилить инвестиционную активность в регионе. Главная их цель - повышение информированности регионального бизнеса о механизмах софинансирования инвестиционных проектов через региональные подпрограммы Госпрограммы РФ «Развитие Северо-Кавказского федерального округа», а также о других мерах господдержки, доступных предпринимателям Северного Кавказа.

Список литературы

Утверждена стратегия развития туризма до 2035 года Распоряжение от 20 сентября 2019 года №2129-р – URL: <http://government.ru/docs/37906/>. – Загл. с экрана. (дата обращения 10. 09. 2019)

Стратегия развития туризма в СКФО. – URL: <http://static.government.ru/media/files/baFg52ofzt88S0GnFEQTWV4fiVjrvoyz.pdf>. - Загл. с экрана (дата обращения: 15.09.2019)

Развитие Северного Кавказа: обзор за 6 лет 11 апреля 2018 (по материалам Минкавказа России. – URL: <http://government.ru/info/32208/>. – Загл. с экрана. (дата обращения: 12. 09. 2019)

Лучшие города и курорты на Новый год. – URL: <http://turstat.com/topnewyeartravelrussia2019> (дата обращения: 15.08.2019)

Утверждена стратегия развития туризма на Северном Кавказе // Российская газета от 15.03.2019 – URL: <https://tg.ru/2019/03/15/reg-skfo/utverzhdena-strategiya-razvitiia-turizma-na-severnom-kavakaze.html>. (дата обращения: 05.09.2019)

Семь причин инвестировать в Северный Кавказ // Комсомольская правда <https://www.kp.ru/best/stavropol/razvitie-turizma-na-severnom-kavkaze/> (дата обращения: 12.09.2019)

Калиакпарова Г.Ш.

PhD, доцент,

Гриднева Е.Е.

к.э.н., профессор

Академия «Кайнар», Алматы, Казахстан

РАЗВИТИЕ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОММЕРЧЕСКИХ БАНКОВ

Kaliakparova G.Sh.

PhD, associative professor

Gridneva Y.E.

c.e.sc., professor

Academy "Kainar", Almaty, Kazakhstan

DEVELOPMENT OF INNOVATIVE TECHNOLOGIES IN THE ACTIVITIES OF COMMERCIAL BANKS

Аннотация. Инновационные технологии все шире внедряются в деятельность коммерческих банков. Привычные методы и технологии уже не интересны потребителям банковских услуг.

Авторами статьи показано влияние инновационных технологий в банковской сфере в развитие общества. На практических примерах приведены процессы внедрения инновационных технологий. Изучены положительные и отрицательные моменты от внедрения инноваций в банковский сектор.

Abstract. Innovative technologies are increasingly being implemented into the activities of commercial banks. The usual methods and technologies are no longer interest the consumers of banking services.

The article's authors show the influence of innovative technologies in the banking sector in the development of the society. Practical examples are given on the processes of implementing of innovative technologies. The positive and negative aspects of the introduction of innovations in the banking sector are studied.

Ключевые слова: *Инновации, инновационные технологии, банки, банковские продукты, конкуренция, классификация инноваций.*

Keywords: *Innovation, innovative technologies, banks, banking products, competition, classification of innovation.*

Постановка проблемы. Развитие банковской сферы на современном этапе складывается таким образом, что с каждым днем увеличивается объем, предоставляемых банковских услуг, появляются новые сегменты рынка обслуживания населения, повышается роль инновационных технологий. Инновационные технологии в банковском секторе включают новые банковские программы, связанные с интернет - технологиями, с новейшими средствами связи, различными компьютерными продуктами, которые помогают обрабатывать информацию, проводить платежи и т.д. Все технологии, которыми мы пользуемся ежедневно, стали неотъемлемой частью, хотя пользуемся мы ими не давно. Взять к примеру, банковские карточки. Тем не менее, использование этих технологий требует создавать конкуренцию между банками, все больше ориентироваться на международный опыт, все больше совершенствовать эффективность оказываемых банковских услуг. Традиционные услуги уже менее пользуются спросом у населения.

Таким образом, вопросы совершенствования инновационных технологий позволяют современным банкам занять лидирующие позиции.

Анализ последних исследований и публикаций. Основам теории исследования инновационных процессов посвящены труды П.Ф.

Друкер, Й. Шумпетер, Г. Мэйсон, Ф. Котлер, К. Скиннер, О.И. Лаврушина и других.

В Казахстане проблемами инновационных технологий занимается большой круг ученых. Авторами Днишевым Ф.М. и Альжановой Ф.Г. выпущены труды, посвященные развитию инноваций и технологий в условиях глобализации. Сейсенбаева Ж.М., Токкулиева Б.Б. изучали вопросы совершенствования банковских услуг в банках Казахстана. Сыздыкова К.Ш. в своих работах показала роль цифровизации в банковском секторе Казахстана. Также вопросам развития инновационных технологий в банковской сфере посвящены труды и других казахстанских ученых: Баймуратова У.Б., Кантарбаевой К., Кубаева К.Е, Мусиной А.А., Гридневой Е.Е. и других.

Выделение нерешенных ранее частей общей проблемы. Государственная поддержка банковского сектора в области повышения инновационных технологий все больше уступает место частной инициативе, так как банки второго уровня все частные. При этом, для совершенствования финансового сектора Казахстана важно строить партнерские отношения между банками, предоставляя широкий спектр услуг. Здесь большую роль могла бы сыграть законодательно-нормативная база государства.

Банковская политика нацелена на конкурентоспособность, которая призвана все

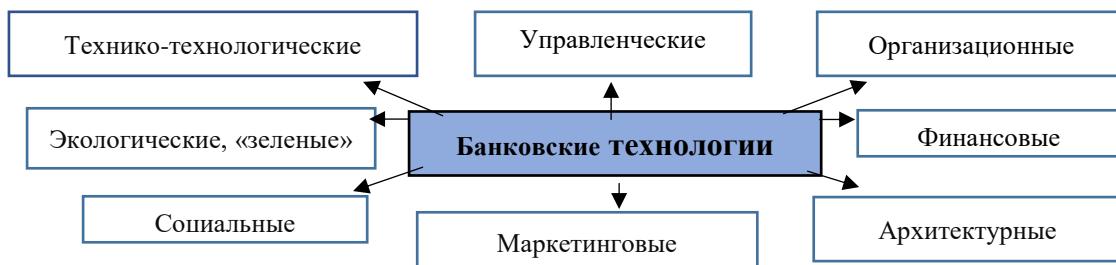
больше завоевывать клиентов, что невозможно без создания и развития инновационных продуктов и технологий.

Формулирование целей статьи. Основная цель статьи попытаться раскрыть специфическое содержание инноваций в банковской сфере, показать опыт развития инновационных технологий и проблемы, с которыми сталкиваются банки и их клиенты от внедрения новых инновационных технологий.

Изложение основного материала. Инновационные технологии все больше входят в нашу жизнь, они присутствуют везде. Сегодня мы

хотели бы рассмотреть процесс внедрения инновационных технологий в банковскую сферу. Так, если инновации, внедряемые в виде банковских продуктов, определяют отношения между банком и клиентом, то, с помощью технологических инноваций можно определить качество таких отношений. Здесь важны скорость образования банковских продуктов и их доставки, возможная экономия, возникающая у потребителя банковских услуг или банковских продуктов.

Авторы статьи предлагают разбить содержание инноваций в банковскую сферу следующим образом (рисунок 1).

Примечание: составлено авторами на основе собственных исследований.

Рисунок 1- Классификация банковских технологий

Технико-технологические. Новые технологии в большинстве своем появляются за счет запросов корпоративных клиентов банков. Примером такой инновации стало дистанционное банковское обслуживание: Банк-Клиент, on-line banking, Интернет-Банкинг, Электронный банк, SMS-banking и другие виды банковских услуг и продуктов.

В поиске новых клиентов или с целью удержания старых клиентов банк старается разработать новые продукты, внедрить новые идеи. Банк проводит обучение сотрудников клиента, старается оказать техническую поддержку при внедрении новых программ, постоянно вносит обновления в новый программный продукт, осуществляет дальнейшее сопровождение.

Так, к примеру, при внедрении системы «Клиент-Банк» в целях безопасности применяются системы криптографической защиты информации (СКЗИ), это шифрует, контролирует и сохраняет данные клиента отправляемые в Банк. С помощью данной системы бухгалтерией осуществляется, не выходя из офиса передача в банк и получение из него платежных документов, выпуск со счетов клиентов, справочной информации, возможность обмениваться с банком электронными текстовыми сообщениями и т.д.

Внедрение дистанционного обслуживания оценило практически все взрослое население планеты. Так посредством телефонов, интернета, можно не выходя из дома, не отлучаясь с работы производить различного рода платежи: коммунальные, оплатить за проезд, за учебу, ребенка в детский сад, произвести банковские

операции у себя на счетах, обменять валюту, пополнить депозит, оплатить кредит и т.д.

На современном этапе более безопасным и усовершенствованным продуктом является система на основе биометрических идентификационных карт, это дистанционное банковское обслуживание с использованием банкоматов (ATM-banking), платежных терминалов и информационных киосков.

В свою очередь, дистанционное банковское обслуживание позволяет самим банкам расширять клиентскую базу, сокращая расходы на обслуживание филиальной сети и прочие административные расходы.

Организационные инновации выступают в виде новых форм и методов организации процессов воспроизводства [1, с. 7]. Примером такой технологии может быть систем hub and spokes, когда вокруг одного отделения расположены 4-5 различных точек предоставления банковских услуг в виде банкоматов, мини отделений в торговых центрах, небольших магазинах, вдоль дорог. Получается, что в радиусе 5-10 километров в местах массового передвижения населения. Суть таких инноваций - обслуживание посредством многоканальных действующих филиалов, при этом банк увеличивает свою долю присутствия на рынке, таким образом увеличивая объемы продаж, снижая банковские риски, повышая эффективность от затрат, произведенных на совершенствование инновационных технологий.

Для банков важно совершенствовать свои технологии для укрепления контактов с клиентами.

Управленческие. Суть данных инноваций в проявлении изменений, связанных с организационными структурами, новыми технологиями и совершенствованием методов управления персоналом с целью ускорения и облегчения решения поставленных задач.

Ведущий специалист в области банковского дела К. Скиннер отмечает: «На сегодняшний день происходит зарождение банка нового типа - банка, который «всегда готов»: ...работает в режиме 24x7x365, хорошо понимает потребности своих клиентов, активно разрабатывает и внедряет технологии бесконтактного инициативного локально ориентированного сервиса и имеет безупречную организацию службы бэк-офиса, предлагая своим клиентам обслуживание через филиалы и через видеонтернет» [2].

К примеру, выгодно размещать банковские отделения в торговых центрах, где наблюдается высокая проходимость, что приводит к небольшим расходам на открытие офиса и высоким доходам из-за высокого количества посетителей. В основе такого обслуживания лежат: полнофункциональный офис; банковский офис по предоставлению банковских продуктов (потребительское кредитование, восстановление или оформление кредитных карточек, обмен валюты, проведение платежных операций и т.д.; мини-офис, где присутствует киоск самостоятельного обслуживания с доступом к Интернет-банкингу, а также банкомат и один-два менеджера для консультирования клиентов.

В перспективе предполагается, что развитие банковских отделений в торговых центрах будет тесно связано с применением инновационных технологий видеобанкинга, когда работа персонала call-центра банка будет вестись с помощью видеосвязи, это предполагает снижение операционных расходов банка. Такая работа банковских офисов должна привести к инновационной бизнес-модели: создаются совместные предприятия с финансовыми институтами или холдинговые компании по предоставлению сервиса в банковском бизнесе через розничные торговые организации [3, с. 43].

Экологические, «зеленые» инновационные технологии, которые предотвращают воздействие НТП на окружающую среду, улучшая ее. Таким примером являются банкоматы АО «Сбербанк России», работающие на солнечных батареях [4].

Социальные инновационные технологии направлены на внедрение новых продуктов, стимулирующих человеческий фактор посредством предоставления выгодного и удобного сервиса клиентам.

Постоянное расширение информационно-коммуникационных технологий в виде изменений функций банкоматов, Интернет-банкинга дает возможность не только продвигать классические банковские продукты и услуги, но и увеличивать их список новыми видами. Таким примером развития на социальном уровне инновационных технологий

стала электронная коммерция посредством электронных денег.

Применение услуг Интернет-банкинга экономит время клиентов, дает возможность круглосуточно контролировать собственные счета, так как любое движение денежных средств отражается в выписке по счету, имеется возможность обслуживаться в интернет-магазинах.

Все вышеперечисленные услуги удобны для людей с ограниченными возможностями.

Интернет услуги, предоставляемые в банковской сфере через социальные сети, расширяют возможности продвижения услуг и товаров на рынке.

Маркетинговые инновационные технологии направлены на расширение услуг потребителей и удовлетворение их нужд, увеличение объемов продаж за счет открытия новых рынков сбыта.

В маркетинговых целях для усиления контактов с потребителями разрабатываются новые технологии в виде биометрического сканирования через камеру 3D, используя фотографию. Разработана программа, когда используются голосовые команды для перемещения файлов внутри личного кабинета или с применением движения рук.

Финансовые технологии позволяют снизить издержки и риски экономических агентов посредством появления инновационных финансовых продуктов, технологий или организационных форм бизнеса главным образом в сфере платежей. Так, к примеру, разработаны интерактивные медиа стены. Это интерактивные проекции, позволяющие оживить стены пространства, отображая на них любую информацию, в том числе и финансовую. Таким же нововведением является применение Touch Screen. Применение тачскринов основано на реагировании при касании пальцев человека на экран. В банковской сфере это помогает защитить финансовую информацию на счетах клиента и (или) быстро войти в систему Банк-Клиент.

Посредством Интернет-банкинга возможно производить международные переводы, а также переводы с одной карточки на другую, а также производить переводы между своими счетами.

Архитектурные инновационные технологии. Таким примером применения архитектурных инновационных технологий стало отмена банковских стоек. Чисто на психологическом уровне отменяется барьер между клиентом и банковским работником. Цель такого внедрения – комфорт для клиента, который может достигаться за счет выбора светлых тонов помещения, выбора различных запахов, способствующих спокойствию и комфорту клиента.

Психологами отмечено, что различные ароматы способствуют снижению уровня напряжения клиента, создавая доброжелательную обстановку, помогая клиенту сконцентрироваться, чувствуя себя надежно и благополучно. Основная цель в том, что банковский офис является не только

центром для продвижения банковских продуктов, но и местом взаимоотношения с населением, являясь центром общественной жизни. Для этого применяются плазменный экран, отражающий список предлагаемых продуктов и услуг, посредством сенсорного показа потокового видео; интерактивный экран, который выполняющий роль публичного информационного центра; Интернет-кафе; Гид по оказанию консультаций по видам банковских услуг клиентам, оборудование для консультирования клиентов банковскими специалистами с помощью видео.

Сегодня продолжается работа в области совершенствования архитектурных, дизайнерских и коммуникационных проектов. Основная цель – обеспечение комфортных условий не только для работы банковских специалистов, но и с целью повышения качества сервиса. К примеру, с целью совершенствования сервиса в банковских офисах устанавливаются кофейни, интерактивные экраны, видеофильмы, потоковое видео.

Выводы. Основные задачи, стоящие перед банками - это увеличение доли на рынке, расширение объемов продаж, сокращение банковских рисков. При этом все операционные и инвестиционные затраты должны быть эффективны.

На наш взгляд, современным банкам необходимо взять за основу систему розничного обслуживания, внедрять и развивать все самое лучшее. К примеру, начало и окончание работы банка в удобное для клиентов время. Сейчас уже имеются банки, которые работают с 8 утра до 20 часов вечера, а не с 9 и до 18 часов. Когда клиент может зайти в банк либо до работы или после нее.

Важно соблюдение сотрудниками единого корпоративного стиля, а также повышение уровня доброжелательности и способности банковских сотрудников быть приветливыми с каждым клиентом.

Банки пришли к пониманию, что в условиях конкуренции, важен прежде всего клиент, важно находить с ним компромисс, налаживая оптимальный баланс между потребностями банка и его потребителями. Важно предложить так называемый channel mix, то есть совокупность разнообразных выгодных и удобных каналов обслуживания, не забывая, что благодаря развитию информационно-коммуникационных технологий набор этих возможностей постоянно расширяется и изменяется.

Успех внедрения и дальнейшего развития инноваций в банковском бизнесе напрямую зависит от клиента. Банковский клиент является мотиватором совершенствования предлагаемых услуг на банковском рынке.

Выбирая банк, клиент ориентируется на удобство и комфорт, предоставляемые банком при обслуживании клиентов. Здесь также важны оперативность, предоставляемые банковскими работниками и конфиденциальность. Важны для

клиента и развитие автоматизированных услуг, новые технологии, применяемые в банковской сфере. Расширение новых технологий приведет к сокращению числа банковских работников, обеспечивающих консультации клиентов и продажу продуктов и услуг.

Мировой опыт развития инновационных технологий в банковской сфере показывает, что все инновации создаются на действующей технологической платформе, при внедрении инновационных продуктов или услуг необходимо вносить изменения и в связанные с работой данных инновации производства, разработка совершенно новых инновационных технологий считается ресурсоемким процессом, который доступен крупным технологическим организациям.

Ставшие привычным банкоматы, телефоны, домашний Интернет-банкинг постоянно обновляются и расширяются дополнительными функциями, видеоизменяются, добавляются и новые каналы реализации банковских услуг.

Недостатком системы Интернет-клиент является недостаточная защита интернета от несанкционированного доступа. Повышение уровня защиты влечет крупные расходы, которые доступны крупным банкам, имеющие стратегию получения значительной прибыли от предоставления такого обслуживания.

Исследовательские центры и лаборатории, созданные по всему миру с целью разработки и внедрения инновационных продуктов и услуг, становятся все более востребованными.

Одной из важнейших тенденций развития современных банковских отделений за рубежом является их тотальное технологическое обновление и архитектурная перестройка с использованием новейших дизайнерских решений. В результате формируется абсолютно новая концепция банковского офиса, в соответствии с которой, опираясь на традиционные ценности и новые технологии, он будет способен обеспечить установление личного контакта с клиентом и предоставить ему персонализированные электронные и другие высокотехнологические банковские услуги.

Список литературы

Гриднева Е.Е. Инновации и инновационная деятельность: Учеб. Пособие. – Алматы: ТОО «Издательство LEM», 2009. - 72 с.

Скиннер К. Будущее банкинга. Мировые тенденции и технологии в отрасли. - Минск: Гревцов Паблишер, 2009. – 400 с.

Егорычева С. Инновационные стратегии развития каналов реализации банковских услуг // Банкаўскі веснік. - 2010. - №13. - с. 40-46.

Югринова Н. 5 самых умных банкоматов мира // Бизнес журнал. [Электронный ресурс]. URL: <http://bankir.ru/publikacii/20130710/5samuykh-umnykh-bankomatov-mira-10003654/> (дата обращения 28.11.2019).

Lir Victor Erikhovich

Candidate of Sciences in Economics, Leading researcher

Department of sectoral forecasts and market conditions

Institute of Economics and Forecasting of NAS of Ukraine

CYBER SECURITY AS A CHALLENGE OF ENERGY DIGITALIZATION

Лір Віктор Еріхович

кандидат економічних наук, провідний науковий співробітник

відділу секторальних прогнозів і кон'юнктури ринків

ДУ «Інститут економіки та прогнозування НАН України»

КІБЕРБЕЗПЕКА ЯК ВИКЛИК ЦИФРОВІЗАЦІЇ ЕНЕРГЕТИКИ

Summary. This paper studies the global problem of cyberterrorism and its relevance for the energy supply system of Ukraine. The most notable hacker attacks and the incurred financial and more general economic costs are examined. The institutional framework for computer security in objects of critical infrastructure is analyzed. Information security risks for Ukraine's energy supply system have been evaluated. The defining features of most contemporary cybercrimes are studied in depth, particularly the evolving motivation and organization of hacker groups. The paper suggests some vectors for improving cybersecurity at the macro- and microeconomic levels to achieve greater energy security in Ukraine.

Анотація. Розглянуто сутність поняття кібертероризму. Наведені факти найбільш масштабних кібератак та оцінки економічних втрат у світовому масштабі. Проаналізовано сучасний стан інституційного забезпечення у сфері інформаційного захисту критичної інфраструктури. Здійснено оцінку існуючого рівня кіберзагроз для системи енергозабезпечення України. Виявлені особливості сучасної кіберзлочинності, зокрема щодо зміни мотивації та способів організації хакерських груп. Запропоновані напрями підвищення кібербезпеки на макро- та мікроекономічному рівнях з точки досягнення національної енергетичної безпеки.

Key words: *cyber security, digitalization, critical infrastructure, smart grid, ICT, energy security.*

Ключові слова: *кібербезпека, цифровізація, критична інфраструктура, інтелектуальна енергетична система, інформаційно-комунікаційні технології, енергетична безпека.*

Постановка проблеми. Конвергенція інформаційно-комунікаційних та енергетичних технологій поставила на порядок денній нову проблему захисту інтелектуальних енергетичних систем від цілком реальних кібератак, у більш широкому аспекті – від кібертероризму на об’єктах критичної інфраструктури. Нині кібербезпека все частіше розглядається, як стратегічна проблема державного значення, що зачіпає усі верстви суспільства і тому має стати предметом всебічного наукового дослідження. Державна стратегія кібербезпеки (National Cyber Security Strategy – NCSS) має стати ефективним засобом посилення безпеки та надійності інформаційних систем держави.

Аналіз останніх досліджень і публікацій. В останні роки дослідженням явища кібертероризму приділяється значна увага через проведені кібератаки [1]. Експерти та дослідники звертають увагу перш за все на те, що проблема кібербезпеки зростає з кожним роком і вже найближчим часом може бути співставною за масштабами з проблемою зміни клімату. Світові збитки від кібератак нині перевищують 500 млрд. дол. США. Виходячи з темпів розвитку інформаційно-комунікаційних технологій та динамікою розгортання кіберзлочинності щорічні втрати компаній у глобальному вимірі за експертними оцінками становитимуть до 2021 року вже 6 трлн. дол. США [2]. Згідно доповіді Carbo Disclosure

Project (CDP) фінансові збитки у 200 найбільших компаній світу найближчими роками складуть майже 1 трлн. дол. США [3]. Для порівняння за даними World Bank номінальний світовий ВВП у 2018 році становив майже 86 трлн. дол. США.

Дослідники звертають увагу на посилення залежності суспільства від стабільної роботи інформаційних систем. Особливо вразливими для кібератак автори називають ті країни, які не достатньо оснащені програмними та/або технічними засобами власного виробництва. Резонансного характеру вони набувають в тих країнах, які так чи інакше намагаються проводити незалежну політику. Випробування економічної стійкості інфраструктурних систем цих країн провідні фахівці IT галузі пов’язують з випробуваннями нової інформаційної зброя в якості прихованого засобу ведення гібридних війн.

Виділення невирішених частин проблеми. Проблема національної енергетичної безпеки на сучасному етапі розвитку ринків енергоресурсів набуває нового ракурсу у контексті розвитку цифрової енергетики. Зростаючі загрози кібератак на об’єкти енергетики стають особливо небезпечними, якщо мова йде про атомні та гідроелектростанції, трансформаторні підстанції та інше сітєве обладнання, які забезпечують стабільну роботу всієї енергетичної системи країни, а відтак і системи життєзабезпечення країни в цілому.

Мета статті. Метою статті є оцінка існуючого рівня кіберзагроз, оцінка можливих збитків від порушення надійності енергопостачання, оцінка стану інституційного забезпечення у сфері інформаційної безпеки, визначення напрямів підвищення рівня кібербезпеки енергетичної системи країни з точки досягнення прийнятного рівня національної енергетичної безпеки.

Виклад основного змісту

Термін «кібертероризм» був запропонований в 1980-х роках науковим співробітником Інституту безпеки і розвідки (англ. Institute for Security and Intelligence) Баррі Колліном, який використовував його в контексті тенденції переходу тероризму з фізичного у віртуальний світ, зростаючого перетину і зрошення цих світів [4]. Центр стратегічних і міжнародних досліджень (США) визначає кібертероризм як «використання комп'ютерних мережевих інструментів для припинення функціонування критичних об'єктів національної інфраструктури (зокрема, енергетичних, транспортних, урядових), або для залякування уряду чи цивільного населення» [5].

Проведений аналіз явища кібертероризму показує, що до його особливостей відносяться: 1) кібертероризм є інформаційною зброєю, так як використовує комп'ютерні системи та мережі, спеціальне програмне забезпечення та інформаційні технології; 2) кібертероризм носить міжнародний характер, оскільки злочинці знаходяться в одній державі, а їх жертви за кордоном; 3) кібертероризм має різноманітні цілі; 4) кібертероризм характеризується високим рівнем латентності й низьким рівнем розкриття; 5) кібертероризм потребує порівняно невеликих фінансових витрат але завдає величезних матеріальних збитків [6].

У 2006 році провідними країнами світу було ініційовано розробку оновлених міжнародно-правових документів щодо боротьби з кібертероризмом. Це дало важливий сигнал усій світовій спільноті і призвело до створення національних і міждержавних підрозділів, діяльність яких спрямована на боротьбу з кібертероризмом. Так, 18 січня 2013 року в Гаазі офіційно відкритий Європейський центр по боротьбі з кіберзлочинністю. Він здійснює збір і обробку даних про кіберзлочини, надає експертну оцінку інтернет-загрозам, а також розробляє та впроваджує передові методи профілактики і розслідування кіберзлочинів.

Відповідно до стандарту X.1205 (04/2008) Міжнародного союзу електрозв'язку [7] кібербезпека визначається як набір засобів, стратегій, принципів досягнення безпеки; гарантії безпеки; керівні принципи та підходи до управління ризиками; дії, професійна підготовка, практичний досвід, страхування і технології, які можуть бути використані для захисту кіберсередовища, ресурсів організації і користувача. *Ресурси організації і користувача* включають під'єднані комп'ютерні пристрої,

персонал, інфраструктуру, додатки, послуги, системи електрозв'язку і всю сукупність переданої і/або збереженої інформації в кіберсередовищі. Кібербезпека полягає в спробі досягнення і збереження властивостей безпеки ресурсів організації або користувача, спрямованих проти відповідних загроз безпеки в кіберсередовищі. У свою чергу *кіберсередовище* включає: користувачів, мережі, пристрої, все програмне забезпечення, процеси, збережену або транзитну інформацію, програми, служби та системи, які можуть бути прямо або опосередковано пов'язані з мережами.

За даними звіту Міжнародного союзу електрозв'язку щодо Глобального індексу кібербезпеки (Global Cybersecurity Index (GCI)) за 2018 рік Україна посідає 54 місце у загальному (серед 175 країн світу) та 33 місце у регіональному (європейському, серед 43 країн) рейтингу з кібербезпеки [8]. У 2018 році кількість країн, що мають інституційне забезпечення кібербезпеки та відповідальність за кіберзлочини збільшилася з 71% до 91%. Також збільшилася кількість країн, що мають Національну стратегію з кібербезпеки. Серед головних факторів, які враховуються при визначення індексу GCI названі з рівними ваговими коефіцієнтами (0,2) наступні: інституційне забезпечення, технічне забезпечення, організаційні заходи, кваліфікація (цифрові компетенції) персоналу, рівень співробітництва, а також рівень комунікації та кооперації. В цілому Україна відноситься до групи країн із середнім рівнем кібербезпеки, хоча і посідає третю сходинку у цій групі після Узбекистану та Молдови. Натомість, такі країни як Грузія, Казахстан, В'єтнам та Уругвай входять до групи з високим ступенем кібербезпеки.

Робочою групою CIGRE (Міжнародна Рада з великих електрических систем великої напруги) були сформульовані вимоги до кібербезпеки (The Impact of Implementing Cyber Security Requirements using IEC 61850), основними з яких є: управління доступом (AC – Access Control) – для захисту від несанкціонованого доступу до пристрою або інформації; управління використанням (UC – Use Control) – для захисту від несанкціонованого оперування або використання інформації; цілісність даних (DI – Data Integrity) – для захисту від несанкціонованої зміни; конфіденційність даних (DC – Data Confidentiality) – для захисту від несанкціонованого доступу; обмеження потоку даних (RDF – Restrict Data Flow) – для захисту від публікації інформації на несанкціонованих джерелах; своєчасна відповідь на подію (TRE – Timely Response Event), моніторинг і протоколування даних пов'язаних з безпекою [9].

Останніми роками Україна також здійснила певні кроки у формування інституційного середовища у сфері інформаційної безпеки. Указом Президента України від 16 березня 2016 р. затверджена Стратегія кібербезпеки України [10], яка попередньо була схвалена рішенням РНБО України. Метою документа є створення умов для

безпечного функціонування кіберпростору, його використання в інтересах особистості, суспільства і держави. Основу національної системи кібербезпеки складає Міністерство оборони України, Державна служба спеціального зв'язку та захисту інформації України, Служба безпеки України, Національна поліція України, Національний банк України, розвідувальні органи. Стратегія передбачає створення і оперативну адаптацію державної політики, спрямованої на розвиток кіберпростору і досягнення сумісності з відповідними стандартами ЄС і НАТО, а також надання послуг із захисту інформації та кіберзахисту. При цьому до підготовки проектів концептуальних документів у цій сфері залучається експертний потенціал наукових установ, професійних і громадських об'єднань. Також Стратегією передбачено підвищення цифрової грамотності громадян і культури безпеки поведінки в кіберпросторі, а також розвиток міжнародного співробітництва та підтримку міжнародних ініціатив у сфері кібербезпеки, в тому числі поглиблення співробітництва України з ЄС та НАТО. Також створено Національний координаційний центр кібербезпеки як робочий орган РНБО.

За даними компанії Positive Technologies серед усіх кібератак на промислові об'єкти у світі в 2018 році 77% припадало на об'єкти інфраструктури (49% від загальної кількості атак) [11]. Необхідність посилення рівня кібербезпеки в реальному секторі економіки зумовила розробку та прийняття Закону України «Про основні засади забезпечення кібербезпеки України» №2163-VIII від 5 жовтня 2017 року. В цьому Законі термін «критично важливі об'єкти інфраструктури» (далі – об'єкти критичної інфраструктури) визначається як «підприємства, установи та організації незалежно від форми власності, діяльність яких безпосередньо пов'язана з технологічними процесами та/або наданням послуг, що мають велике значення для економіки та промисловості, функціонування суспільства та безпеки населення, виведення з ладу або порушення функціонування яких може спровоцирувати негативний вплив на стан національної безпеки і оборони України, навколошнього природного середовища, заподіяти майнову шкоду та/або становити загрозу для життя і здоров'я людей». Цей Закон також надає взаємопов'язане визначення «об'єкта критичної інформаційної інфраструктури», як «комунікаційної або технологічної системи об'єкта критичної інфраструктури, кібератака на яку безпосередньо вплине на стало функціонування такого об'єкта критичної інфраструктури» [12].

Реалізація концепції інтелектуальних енергетичних мереж призводить до нових ризиків та загроз з точки зору інформаційної безпеки, зокрема: підвищення складності електричної мережі у свою чергу підвищує рівень вразливості для потенційних атак та непередбачуваних помилок в управлінні; інтеграція через

інформаційні канали енергетичних мереж різного рівня ієрархії підвищує ризики розгортання каскадних аварій; велика кількість взаємопов'язаних сітевих програмних компонентів підвищує вразливість програмного коду до проникнення та розповсюдження шкідливих кодів; збільшення вузлових точок інтелектуальної мережі збільшує точки входу для вірусних програмних продуктів [13].

Необхідність розробки національного інституційного середовища та комплексу взаємоуваждених заходів з кібербезпеки стала зrozумілою після перших кібератак на енергетичну систему країни. Перша зареєстрована успішна кібератака на енергетичну систему України з виведенням її із ладу стала 23 грудня 2015 р., коли зловмисникам вдалося успішно атакувати комп'ютерні системи управління трьох енергопостачальних компаній. Внаслідок атак відбулося відключення напруги на семи підстанціях 110 кВ і двадцяти підстанціях 35 кВ, що призвело до відключення енергопостачання в 5 регіонах країни на 6 годин. Біля 230 тисяч мешканців залишились без світла протягом однієї-шести годин.

В ході атак були вчинено: зміни конфігурації RTU (програмно-апаратні пристрої середнього рівня автоматичних систем управління технологічними процесами - АСУ ТП); знищена інформація на АРМ (автоматизованих робочих місцях) диспетчерського персоналу; DDoS-атаки (атаки, спрямовані на відмову в обслуговуванні), які зазнали call-центри енергопостачальних компаній [14]. Кібератака на енергетичну інфраструктуру України в 2015 році була останньою операцією з використанням набору інструментів Black Energy.

Найбільша кібератака сталася в Україні 27 червня 2017 року через розповсюдження вірусу Petya.A, який втрутився у діяльність сотень компаній і заблокував роботу тисяч персональних комп'ютерів (за деякими даними, одну десяту всіх комп'ютерів в державному та корпоративному секторі). За експертними оцінками, сумарні збитки від цього руйнівного віrusу склали майже 0,5% ВВП всієї країни, або 14 мільярдів гривень [15].

Згідно з висновками експертів ESET, які займалися розслідуванням попередніх кібератак на Україну, хакери вже змогли успішно встановити на комп'ютери по всьому світу шкідливий програмний код, який в певний момент зможе дозволити зловмисникам взяти контроль над усіма інфікованими пристроями та/або використовувати їх для потужної атаки. Кінцева мета всіх цих приготувань поки невідома, як і немає точної відповіді на те, хто замовник інформаційної війни. Ale можна констатувати, що нова зброя вже розроблена і продовжує стрімко удосконалюватися.

Фахівці з ESET знайшли докази зв'язку цього шкідливого програмного забезпечення, названого Grey Energy, з хакерською групою TeleBots і

вірусами групи Black Energy, які раніше вже атакували Україну. Згідно з висновками британської розвідки і Служби безпеки України (яка проводила розслідування попередніх атак за підтримки американських спецслужб), джерелом згаданих нападів була Росія. І хоча фахівці ESET, також брали участь в розслідуванні цифрової агресії проти українців, не підтверджують але і не спростовують «російський слід», можна припустити, що Україна стикається з черговим проявом гібридної війни в інформаційному просторі.

Останні два роки фахівці IT індустрії звертають увагу та попереджають про зростаючий рівень загроз кібератак для України, які перш за все можуть бути спрямовані на енергетичну систему країни як об'єкт критичної інфраструктури. Співробітники антивірусної компанії ESET зафіксували нову АРТ-підгрупу (від англ. Advanced Persistent Threat –«розвинена стійка загроза»; також цільова кібератака) – TeleBots. Вона стала відомою

завдяки глобальному поширенню NotPetya – шкідливого програмного забезпечення, яке порушило глобальні бізнес-операції в 2017 р. і привело до збитків на мільярди доларів. Як підтвердили дослідники, TeleBots також пов'язана з Industroyer, потужною сучасною шкідливою програмою, націленою на промислові системи управління, яка викликала друге припинення електропостачання в Україні в 2016 р. [16]. Ця аварія була менш масштабною за наслідками, оскільки відбулась вночі з 16 на 17 грудня 2016 року [17]. Протягом однієї години була виведена з ладу підстанція «Північна» енергокомпанії «Укренерго», без струму залишились споживачі північної частини правого берега м. Києва та прилеглих районів області.

У лютому 2019 року аналітична компанія Counterpoint Technology Market Research представила десять прогнозів у сфері інформаційної безпеки на 2019 рік, зокрема щодо загроз та контрзаходів (табл.1).

Таблиця 1.

Актуальні тенденції кібербезпеки

Загрози	Контрзаходи
Зміщення співробітництва між згуртованими у злочинні групи хакерами(АРТ-групи) та хакерами-фрілансерами	Співробітництво та розширення партнерських зв'язків між розробниками антивірусних рішень
Поширення ринку послуг на хакерські атаки під замовлення третіх клієнтів	Багатофакторна аутентифікація та інтелектуальна ідентифікація пристройв
Використання технологій штучного мислення для подолання бар'єрів, створених попередніми версіями штучного інтелекту	Випереджаючий розвиток захисних технологій машинного навчання (штучного інтелекту)
Зростання обсягів крадіжок даних з хмарних сховищ	Вбудоване в апаратну частину оригінальне захисне програмне забезпечення
Дестабілізація роботи «розумних міст» та з метою створення панічних настроїв	Зростання попиту на фахівців ITсектору

Джерело: складено за даними Counterpoint
<http://www.tadviser.ru/index.php>

Technology MarketResearch Режим доступу:
зalученням потужних інтелектуально-фінансових ресурсів в рамках державно-приватного партнерства з міжнародними IT-компаніями.

Висновки та перспективи досліджень

Конвергенція інформаційних та енергетичних технологій поставила на порядок денний проблему захисту інтелектуальних енергетичних систем від кібератак. У розвинутих країнах світу кібербезпека енергетичних систем розглядається, як стратегічна проблема національної безпеки. Сучасна кіберзлочинність дуже швидко адаптується до зростання геополітичних та економічних конфліктів і наразі вже не фокусується на фінансових крадіжках у системах інтернет-банкінгу, комерційному шпіонажі або прямому нанесенні збитків конкурентам. Потужні хакерські групи переходят на мезо- та макрорівень, здебільшого спрямовують атаки на системи захисту

3Режим доступу: <https://www.unian.net/science/10309830-ekspert-po-kiberbezopasnosti-robert-lipovski-osnovnaya-gipoteza-ukraina-ispolzuetsya-kak->

<http://testovaya-ploshchadka-gruppami-hakerov-na-vashey-strane-oni-testiruyut-svoi-arsenal-kiber-oruzhiya.html>

інформації та економічний потенціал країни, перш за все на об'єкти критичної інфраструктури. Боротьба з такими злочинними групами можлива лише із залученням потужних інтелектуально-фінансових ресурсів, державної підтримки та формування міжнародних консорціумів антивірусних компаній.

На рівні корпорацій потрібно радикально переглянути організаційну структуру компаній та запровадити окремий відділ з кібербезпеки та запровадити посаду заступника директора з інформаційної безпеки. В уставі компанії необхідно чітко визначити види даних та їх носіїв, які мають першочергове значення для фізичної, інформаційної та економічної безпеки компанії (конкурентоспроможності). На рівні компанії має бути розроблено та затверджено правлінням бізнес-план з кібербезпеки. На світовому ринку все більш поширилося практикою при створенні (замовленні) програмного забезпечення стає інсурсінг. Персонал компанії має бути чітко обізнаний з правилами інформаційної безпеки, зокрема щодо дублювання важливих даних на альтернативних носіях та пристроях, ігнорування запитів соціальної інженерії, оновлення антивірусного комплекту та періодичний огляд файлової системи (так звана елементарна інформаційна профілактика).

Перспективними напрямами підвищення рівня кібербезпеки у сфері енергетики є активізація міжнародного науково-технічного співробітництва у сфері інформаційної безпеки між країнами, які знаходяться у стадії інтеграції національних енергетичних систем, зокрема між Україною та країнами Східної Європи. Актуальними завданнями такого співробітництва постають: розробка єдиних стандартів кібербезпеки, співробітництво між службами кіберполіції, організація спільних навчальних програм персоналу компаній з підвищення рівня цифрових компетенцій тощо.

Список літератури

1. Згoba A.I., Markelov D.V., Smirnov P.I. Кибербезпека: угрозы, вызовы, решения // Вопросы кибербезопасности, №5(8) – 2014. – С. 30-38. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kiberbezopasnost-ugrozy-vyzovy-resheniya/viewer>
2. Ежегодно компании теряют от кибератак до 6 трилионов долларов США. URL: <http://channel4it.com/publications/Ezhegodno-kompanii-teryayut-ot-kiberatak-do-6-trillionov-dollarov-SSHA-35900.html>
3. Ущерб от изменения климата составит более \$1 трлн. URL: <https://www.meteovesti.ru/news/63695318064-uscherb-izmeneniya-klimata-sostavit-bolee-1-trln>
4. Collin B. The Future of Cyberterrorism // Crime & Justice International Journal. – 1997. – Vol.13.
5. Lewis J. Assessing the Risks of Cyber Terrorism, Cyber War and Other Cyber Threats //
- Center for Strategic and International Studies. URL: https://csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/media/csis/pubs/021101_risks_of_cyberterror.pdf
6. Кибертероризм: угроза національній і міжнародній безпеки. URL: <https://www.arms-expo.ru/news/archive/kiberterrorizm-ugroza-nacionalnoy-imezhdunarodnoy-bezopasnosti14-03-2013-18-35-00/>
7. ITU-T Rec. E.164 / I.331 / Q.11 (02/2005) The international public telecommunication numbering plan
8. Global Cyber security Index (GCI) 2018 / ITU Publications. URL: https://www.itu.int/en/ITU-D/Cybersecurity/Documents/draft-18-00706_Global-Cybersecurity-Index-EV5_print_2.pdf
9. Массель Л.В. Использование современных информационных технологий в Smart Grid как угроза кибербезопасности энергетических систем России // Information Technology and Security № 1(3) – 2013. - С.56-65.
10. Указ Президента України № 96/2016 Про рішення Ради національної безпеки і оборони України від 27 січня 2016 року «Про Стратегію кібербезпеки України». URL:<https://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/96/2016>
11. Актуальные киберугрозы — 2018. Тренды и прогнозы / Positive Technologies. URL: <https://www.ptsecurity.com/upload/corporate/ru-ru/analytics/Cybersecurity-threatscape-2018-rus.pdf>
12. Закон України «Про основні засади забезпечення кібербезпеки України» від 5 жовтня 2017 року № 2163-VIII. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2163-19>
13. Массель Л.В., Воропай Н.И., Сендеров С.М., Массель А.Г. Кибербезопасность как одна из стратегических угроз энергетической безопасности России // Вопросы кибербезопасности №4(17). – 2016. – С.2-9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/kiberopasnost-kak-odna-iz-strategicheskikh-ugroz-energeticheskoy-bezopasnosti-rossii>
14. SANS-ICS, E-ISAC. TLP: White. Analysis of the Cyber Attack on the Ukrainian Power Grid. Defense Use Case. URL: https://ics.sans.org/media/E-ISAC_SANS_Ukraine_DUC_5.pdf
15. Эксперты оценили потери от вируса Petya.A в 0,5% ВВП Украины. URL: <https://tsn.ua/ru/ukrayina/eksperty-ocenili-poteri-ot-virusa-petya-a-v-0-5-vvp-ukrainy-890153.html> URL: <https://tsn.ua/ru/ukrayina/eksperty-ocenili-poteri-ot-virusa-petya-a-v-0-5-vvp-ukrainy-890153.html>
16. Герман Б. Украина стала плацдармом для кибератак / Дзеркало тижня 3 листопада, 2018. URL: https://zn.ua/business/ukraina-stala-placdarmom-dlya-kiberatak-299046_.html
17. Kim Zetter (January 10, 2017). The Ukrainian Power Grid Was Hacked Again. URL: https://www.vice.com/en_us/article/bmvkn4/ukrainian-power-station-hacking-december-2016-report

FACTORS OF INFLUENCE AND DEVELOPMENT PERSPECTIVES OF SMALL ENTREPRENEURSHIP IN UKRAINE

Назаркевич Оксана Богданівна

кандидат економічних наук, науковий співробітник

ДУ « Інститут регіональних досліджень імені М.І. Долішнього НАН України»

ФАКТОРИ ВПЛИВУ ТА ПЕРСПЕКТИВИ РОЗВИТКУ МАЛОГО ПІДПРИЄМНИЦТВА В УКРАЇНІ

Summary. The article presents the dynamics of profitability of all activities of small enterprises of Ukraine and small agricultural enterprises from 2010 to 2018. The importance of small enterprises for the development of united territorial communities is emphasized. The tendencies of development of small agricultural enterprises in Ukraine are investigated. Multiple regression equation for profitability level of small agricultural enterprises and impact factors are calculated. There is a low correlation between the level of profitability of small agricultural enterprises and the number of enterprises, labor expenses and the product sales volume. It became clear that it is necessary to study how the institutional factor influences the efficiency of the usage of small enterprises potential in the territorial communities of Ukraine.

Анотація. У статті представлена динаміка рентабельності усієї діяльності малих підприємств України та малих аграрних підприємств за 2010-2018 рр. Підкреслено важливість малих підприємств для розвитку об'єднаних територіальних громад. Досліджено тенденції розвитку малих аграрних підприємств в Україні. Обчислено рівняння множинної регресії для рівня рентабельності малих аграрних підприємств та факторів впливу. Визначено низьку залежність між рівнем рентабельності малих аграрних підприємств і кількістю підприємств, витратами на заробітну плату, об'ємом реалізованої продукції. З'ясовано необхідність дослідження впливу інституційного чинника на ефективність використання потенціалу малих підприємств в територіальних громадах України.

Keywords: small enterprises, decentralization, united territorial communities, agricultural entrepreneurship, youth entrepreneurship, service cooperatives.

Ключові слова: малі підприємства, децентралізація, об'єднані територіальні громади, аграрне підприємництво, молодіжне підприємництво, обслуговуюча кооперація.

Постановка проблеми. З 2014 року в Україні активно впроваджується реформа децентралізації, яку вважають однією з найуспішніших реформ. Об'єднані територіальні громади отримали більше повноважень, ресурсів та можливостей реалізовувати власні ініціативи самоврядного розвитку.

Весною 2020 р. має завершитися процес об'єднання громад, які отримують не лише нові можливості для розвитку, а й певні викиди. Формування спроможних громад вимагає значного розвитку підприємницької діяльності, яка сприятиме збільшенню бюджетів громад, розвитку виробничої та соціальної інфраструктури, зменшенню трудової міграції населення. Відповідно підтримка розвитку малого підприємництва в об'єднаних територіальних громадах є одним із пріоритетних напрямів діяльності місцевих органів влади.

Аналіз останніх досліджень і публікацій. Дослідженням проблем розвитку малого підприємництва присвячено низка наукових праць вітчизняних та зарубіжних учених. Значний внесок у вивчення теоретичних і практичних проблем розвитку малого аграрного підприємництва в Україні зробили: В. Липчук [2], М. Малік [3], Г.

Черевко [9], Шульський [10], О. Шпikuляк [4] та інші.

Проте реформування місцевого самоврядування в Україні зумовило необхідність розроблення ефективної політики розвитку малого підприємництва на всіх місцевому рівні із врахуванням територіальної специфіки, виду діяльності та нової системи управління.

Виділення невирішених раніше частин загальної проблеми. З огляду на це важливо зазначити, що в Україні існує значна нормативна база спрямована на розвиток малого підприємництва, зокрема закони України «Про Національну програму сприяння розвитку малого підприємництва в Україні» [5], й «Про розвиток та державну підтримку малого і середнього підприємництва в Україні» [6], постанова Кабінету Міністрів України «Про Державну стратегію регіонального розвитку на період до 2020 року» [7] та його розпорядження «Про схвалення Стратегії розвитку малого і середнього підприємництва в Україні на період до 2020 року» [8]. Реформа системи управління на місцевому рівні створила нові можливості для розвитку малого підприємництва. В таких умовах важливим завданням є дослідження механізмів стимулування

розвитку підприємницької діяльності в об'єднаних територіальних громадах України.

Метою дослідження є визначення факторів розвитку та ефективних напрямів стимулювання малого підприємництва в умовах децентралізації.

Виклад основного матеріалу. У 2018 році кількість малих підприємств в Україні становила 339374 одиниць або 95,36% від загальної кількості підприємств. Найбільшу частку серед малих підприємств займають малі аграрні підприємства (секція А), яких налічувалося 48183 од. або 95,40%

від усіх аграрних підприємств і 15% від усіх малих підприємств в Україні.

У 2018 р. чистий прибуток малих підприємств України становив 127658914,9 тис. грн. За видами економічної діяльності найбільш прибутковими були теж малі аграрні підприємства, яких у загальній кількості підприємств - 86,1%, малих промислових підприємств - 72,1 %, оптової та роздрібної торгівлі – 76,1 %, транспорту, складського господарства, поштової та кур'єрської діяльність – 74,1%, тимчасового розміщування й організації харчування – 71,1% (рис. 1).

Рис. 1. Обсяг чистого прибутку (збитку), який одержали мали підприємства в Україні у 2018 році за видами економічної діяльності, тис. грн [1]

Без урахування результатів діяльності банків, тимчасово окупованої території Автономної Республіки Крим, м. Севастополя та частини тимчасово окупованих територій у Донецькій та Луганській областях.

Також серед усіх малих підприємств за видами економічної діяльності рентабельність операційної та всієї діяльності була найвищою у малих аграрних підприємств. У 2015 р. рентабельність підприємницької діяльності більшості галузей економіки України була збитковою, а в малих

агарних підприємств становила 32,4 %. Для визначення чинників, які впливають на високий рівень рентабельності у малих аграрних підприємств обчислимо рівняння множинної регресії. Алгоритм використання регресійної

моделі для вирішення поставлених завдань включає декілька етапів:

- Оцінка рівняння регресії;
- Представлення матриці парних коефіцієнтів кореляції;
- Обчислення часткових коефіцієнтів кореляції;
- Визначення мультиколінеарності між факторами;

- Перевірка значущості регресійного рівняння і його коефіцієнтів.

Для побудови моделі і встановлення залежності між рівнем рентабельності підприємств (Y) та усіма іншими факторами (X_1, X_2, X_3, X_4, X_5) використаємо дані Державної служби статистики України (табл. 1).

Таблиця 1.

Тенденції розвитку малих аграрних підприємств в Україні [1]

Роки	Кількість малих аграрних підприємств, од	Кількість зайнятих працівників, осіб	Витрати на оплату праці працівників, тис. грн	Обсяг реалізованої продукції, тис. грн	Чистий прибуток (збиток), тис. грн	Рівень рентабельності усієї діяльності, %
2010	47213	219908	1579872,3	22673431,8	2240368,1	16,3
2011	38387	197592	2958094,0	35343768,1	7488745,7	18,0
2012	44487	220370	3810782,6	49158520,3	7810129,6	15,6
2013	46906	238696	4169905,8	48838434,9	4220585,9	8,0
2014	43389	218190	4023792,8	65303940,5	6887190,5	8,9
2015	44182	203363	4621006,6	117881371,3	34095924,2	29,5
2016	42477	217151	5771105,1	144018281,1	35710466,5	24,7
2017	47714	229724	8759980,2	177512934,8	25369872,9	16,0
2018	48183	224492	11226869,7	198128816,3	21302870,6	13,7

Дані наведено без урахування результатів діяльності банків та бюджетних установ, за 2014-2018 роки без урахування тимчасово окупованої території Автономної Республіки Крим, м. Севастополя та частини окупованих територій у Донецькій та Луганській областях

Рівняння множинної регресії може бути представлено у вигляді:

$$Y = f(\beta, X) + \varepsilon \quad (1)$$

де $X = X(X_1, X_2, \dots, X_m)$ - вектор незалежних (пояснюють) змінних;

β - вектор параметрів (що підлягають визначенню);

ε - випадкова помилка (відхилення); Y - залежна змінна.

У нашому випадку рівняння регресії матиме вигляд:

$$Y = 250.2498 - 0.02331X_1 - 0.02445X_2 - 1.7E-5X_3 - 0.02445X_4 + 6.2E-5X_5$$

Матриця парних коефіцієнтів кореляції R .

Число спостережень $n = 9$. Число незалежних змінних в моделі дорівнює 5, а число регресорів з урахуванням одиничного вектора дорівнює числу невідомих коефіцієнтів. З урахуванням ознак Y , розмірність матриці дорівнює 7. Матриця,

незалежних змінних X має розмірність (9 x 7). Для більш грунтовного наукового аналізу ступеня впливу різних факторів на рентабельність малих аграрних підприємств побудуємо матрицю парних коефіцієнтів кореляції R (табл. 2).

Таблиця 2.

Матриця парних коефіцієнтів кореляції R [1]

-	y	x ₁	x ₂	x ₃	x ₄	x ₅
y	1	-0.3181	-0.6336	-0.03167		
x ₁	-0.3181	1	0.7825	0.4678		
x ₂	-0.6336	0.7825	1	0.3432		
x ₃	-0.03167	0.4678	0.3432	1		
x ₄					1	
x ₅						1

Часткові коефіцієнти кореляції.

Коефіцієнт часткової кореляції відрізняється від простого коефіцієнта лінійної парної кореляції тим, що він вимірює парну кореляцію відповідних ознак (y і x_i) за умови, що вплив на них інших факторів (x_j) усунуто.

На основі часткових коефіцієнтів можна зробити висновок про обґрунтованість включення

змінних в регресійну модель. Якщо значення коефіцієнта незначне, то це означає, що зв'язок між даним фактором і результативною змінною або дуже слабкий, або зовсім відсутній, тому фактор можна виключити з моделі. Розрахунок часткових коефіцієнтів кореляції із сильною тіснотою зв'язку:

$$r_{x_1 x_2/y} = \frac{0.782 - (-0.318) \cdot (-0.634)}{\sqrt{(1-0.318^2) \cdot (1-0.634^2)}} = 0.792$$

тіснота зв'язку сильна

$$r_{x_1 x_2/x_3} = \frac{0.782 - 0.468 \cdot 0.343}{\sqrt{(1-0.468^2) \cdot (1-0.343^2)}} = 0.749 - \text{тіснота зв'язку сильна}$$

$$r_{x_1 x_2/x_4} = \frac{0.782 - \dots}{\sqrt{(1-0^2) \cdot (1-0^2)}} = 0.782 - \text{тіснота зв'язку сильна}$$

сильна

$$r_{x_1 x_2/x_5} = \frac{0.782 - \dots}{\sqrt{(1-0^2) \cdot (1-0^2)}} = 0.782 - \text{тіснота зв'язку сильна}$$

сильна

Якщо в матриці є міжфакторний коефіцієнт кореляції $r_{x_j x_i} > 0.7$, то в даній моделі множинної регресії існує мультиколінеарність. В нашому випадку $r(x_1 x_2)$ мають $|r| > 0.7$, що говорить про мультиколінеарність факторів і про необхідність одного з них виключити з подальшого аналізу.

Також побудуємо модель регресії в стандартному масштабі, яка передбачає, що всі значення досліджуваних ознак переводяться в стандартизовані значення за формулами:

$$t_j = \frac{x_{ji} - \bar{x}_j}{S(x_j)} \quad (2)$$

де x_{ji} - значення змінної x_{ji} в i -му спостереженні.

$$R^2 = 1 - \frac{s_e^2}{\sum(y_i - \bar{y})^2} = 1 - \frac{342713962.006}{376.9} = -909290.4338 \quad (4)$$

Перевіримо гіпотезу про загальну значущості - гіпотезу про одночасне рівність нулю всіх коефіцієнтів регресії при пояснюють змінних:

$$H_0: R^2 = 0; \beta_1 = \beta_2 = \dots = \beta_m = 0. \quad (5)$$

$$H_1: R^2 \neq 0.$$

$$F = \frac{R^2 \cdot (n - m - 1)}{1 - R^2 \cdot \frac{m}{m}} = \frac{-909290.4338}{1 - -909290.4338} \cdot \frac{9 - 5 - 1}{5} = -0.6 \quad (6)$$

Табличне значення при ступенях свободи $k_1 = 5$ і $k_2 = n-m-1 = 9 - 5 - 1 = 3$, $F_{kp}(5;3) = 9.01$

Оскільки фактичне значення $F < F_{kp}$, то коефіцієнт детермінації статистично значимий і рівняння регресії статистично ненадійне.

$$Y = 250.2498 - 0.02331X_1 - 0.02445X_2 - 1.7E-5X_3 - 0.0045X_4 + 6.2E-5X_5.$$

Можлива економічна інтерпретація параметрів моделі: збільшення X_1 на 1 од. вимір. призводить до зменшення Y в середньому на 0.0233 од. вимір.; збільшення X_2 на 1 од. вимір. призводить до зменшення Y в середньому на 0.02445 од. вимір.; збільшення X_3 на 1 од. вимір. призводить до зменшення Y в середньому на 1.7E-5 од. вимір.

Статистична значимість рівняння перевірена за допомогою коефіцієнта детермінації і критерію Фішера. Встановлено, що в досліджуваній ситуації

Перевірка цієї гіпотези здійснюється за допомогою F-статистики розподілу Фішера. Якщо $F < F_{kp} = F_{\alpha ; n-m-1}$, то немає підстав для відхилення гіпотези H_0 .

В результаті розрахунків отримано рівняння множинної регресії:

-90929043.38% загальної варіабельності Y пояснюється зміною факторів X_j , а також, що параметри моделі статистично значущі.

Відсутність високої тісноти зв'язку між рівнем рентабельності та показниками розвитку малих аграрних підприємств в Україні показує необхідність продовження дослідження даної проблематики із врахуванням інших показників. Актуальним напрямом дослідження залишається вплив інституційного чинника на розвиток малого

підприємництва в об'єднаних територіальних громадах. Майже у третини сільських населених пунктів немає суб'єктів аграрного бізнесу, які формують робочі місця, що в основному забезпечують доходи сільських жителів і надходження до місцевих бюджетів [2; 10]. Місцеве самоврядування в умовах децентралізації повноважень має забезпечити активізацію економічно активного сільського населення до підприємницької діяльності за місцем проживання. Okрім розвитку аграрного підприємництва необхідно стимулювати розвиток несільськогосподарського підприємництва, зокрема соціального. Пріоритетним напрямом формування малих підприємств є трансформація господарств населення у товарні фермерські господарства.

Перспективним напрямком підвищення підприємницької активності в територіальних громадах України є розвиток молодіжного підприємництва та кооперативних форм господарювання. Формування та розвиток кооперації має відбуватися, найперше, через проведення органами місцевого самоврядування просвітницької роботи. Okрім інформаційної підтримки, важливим завданням є пошук фінансових ресурсів. Вітчизняний досвід демонструє успішні приклади розвитку обслуговуючої кооперації на основі державно-приватного партнерства.

Молодіжне підприємництва, яке є важливим фактором забезпечення сталого розвитку сільських територій й формування спроможних громад, потребує також інформаційної та ресурсної підтримки. Необхідно створювати при органах місцевого самоврядування дорадчі та регіональні центри для підтримки, консультування, інвестування та навчання підприємців. Також мають розроблятися та реалізовуватися в межах кожної громади локальні програми розвитку малого підприємництва.

Отже, розвиток малого підприємництва є однією з головних передумов формування спроможних об'єднаних територіальних громад та раціонального використання ресурсного потенціалу. Водночас активізація підприємницької діяльності у громадах України потребує ефективної системи управління. Передання місцевому самоврядуванню значних владних та фінансових повноважень створює можливості для розвитку різних форм господарювання, а відтак соціальної інфраструктури у громадах.

Список літератури:

Державна служба статистики України. URL: <http://www.ukrstat.gov.ua/>.

Липчук В.В., Липчук Н.В., Солтис О. Г. Підприємництво в розвитку інтегрованого сільського господарства і сільських територій: монографія. Львів, Сполом, 2013, 302 с.

Малік М.Й., Забуранна Л.В. Розвиток сільських територій в умовах децентралізації влади. Економіка АПК. 2017. № 7. С. 5-14.

Малік М.Й., Шпikuляк О.Г. Розвиток аграрного підприємництва в умовах інституціональних трансформацій. Економіка АПК. 2017. №5. С. 5—16.

Про Національну програму сприяння розвитку малого підприємництва в Україні: Закон України від 10.06.2012 р. № 2157-III. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/main/2157-14> (дата звернення: 26.11.2019).

Про розвиток та державну підтримку малого і середнього підприємництва в Україні Закон України від 22.03.2012 р. № 4618-VI. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/main/4618-17> (дата звернення: 26.11.2019).

Державна стратегія регіонального розвитку на період до 2020 року : Постанова Кабінету Міністрів України від 06.08.2014 р. № 385. URL: <https://www.kmu.gov.ua/pras/247566248> (дата звернення: 26.11.2019).

Про схвалення Стратегії розвитку малого і середнього підприємництва в Україні на період до 2020 року : Розпорядження Кабінету Міністрів України від 24.05.2017 р. № 504-р. URL: <https://www.kmu.gov.ua/pras/250167535> (дата звернення: 26.11.2019).

Черевко Г., Черевко І., Черевко Д. Функціонування малих підприємств в аграрному секторі економіки: Українські реалії та досвід Японії. Вісник Львівського національного аграрного університету. Серія "Економіка АПК". 2015. № 22 (1). С. 13—19.

Шульський М. Г. Розвиток малого підприємництва Львівщини. Вісник Кам'янець-Подільського національного університету імені Івана Огієнка. Економічні науки. 2014. Вип. 9. С. 278-283. URL: http://nbuv.gov.ua/UJRN/vkpriuen_2014_9_65 9.

Публікація містить результати дослідження, проведених за грантом Президента України за конкурсним проектом Ф82/48585.

Shaporenko O.O.

postgraduate student,

State educational and scientific institution
«Academy of Financial Management» (Kiev)**EVALUATING THE EFFICIENCY OF BUDGET EXPENDITURE MANAGEMENT****Шапоренко Елена Александровна**

аспирантка,

Государственное учебно-научное учреждение
«Академия финансового управления» (г. Киев)**ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ РАСХОДАМИ БЮДЖЕТА**

Summary. The shortcomings of the budget spending management system of Ukraine are investigated. The necessity of changing the concept of budget spending management is justified, namely, the implementation of a reorientation from the consumption budget to the development budget. The need for evaluating the effectiveness of the budget expenditure management policy with the aim of adjusting, revising or reversing the policy course in case of low efficiency is determined. An algorithm for evaluating the efficiency of budget spending management is proposed.

Annotation. Исследованы недостатки системы управления расходами бюджета Украины. Обоснована необходимость изменения концепции управления расходами бюджета, а именно – осуществление переориентации с бюджета потребления на бюджет развития. Определена потребность в проведении оценки эффективности политики управления расходами бюджета с целью корректировки, пересмотра или отмены курса политики в случае низкой эффективности. Предложен алгоритм проведения оценки эффективности управления расходами бюджета.

Key words: budget spending management, concept, consumption expenditure, development expenditure, evaluating the efficiency.

Ключевые слова: управление расходами бюджета, концепция, расходы потребления, расходы развития, оценка эффективности.

Постановка проблемы. Важным и постоянно актуальным направлением государственной политики любого государства является рациональное управление расходами бюджета, ведь взвешенная и спланированная бюджетная политика должна способствовать устойчивому и эффективному социально-экономическому развитию государства. Система управления расходами бюджета в Украине несовершенна и сопровождается увеличением расходов на обслуживание государственного долга, невыполнением стратегических целей и задач, задекларированных в основных программных документах государства, обнищанием населения. Проблема заключается в двух аспектах: нерациональное управление расходами бюджета и отсутствие оценки эффективности управления расходами бюджета как государственной политики. Ведь реализация любой государственной политики должна сопровождаться не только мониторингом, но и оценкой и пересмотром (в случае низкой эффективности).

Анализ последних исследований и публикаций. Решением проблемы оптимизации использования бюджетных средств занимается много ученых. Среди весомых научных исследований зарубежных ученых в сфере государственных расходов можно назвать труды Дж. Бьюкенена, А. Вагнера, Р. Дорнбуша, Дж.М. Кейнса, Р. Масгрейва, М. Фридмана, С. Фишера, Х. Циммерманна. Большой вклад в развитие данного

направления внесли такие украинские ученые: О.Д. Василик, Л.А. Васютинская, Н.А. Дехтярь, Т.И. Ефименко, В.П. Кудряшов, Т.Ф. Куценко, И.Г. Лукьяненко, О.В. Лютая, В.М. Опарин, К.В. Павлюк, И.В. Розпутенко, В.М. Федосов, И.А. Школьник, С.И. Юрий и другие.

Однако современные разработки финансовых механизмов государственного управления имеют преимущественно отраслевое направление, а научные исследования по использованию бюджетных ресурсов не выходят за пределы мер по обеспечению их наполнения и использования.

Выделение нерешенных ранее частей общей проблемы. Требуют уточнения пути совершенствования управления расходами бюджета на данном этапе развития общества. Необходимо внедрение общего алгоритма оценки эффективности политики управления расходами бюджета на уровне учреждения, общины, региона, государства.

Целью статьи является разработка модели эффективной политики управления расходами бюджета. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1) определить новую концепцию управления расходами бюджета с обоснованием ее целесообразности и эффективности;

2) разработать общую модель оценки эффективности управления расходной частью бюджета, которая позволит проводить анализ результативности политики и сигнализировать о

необходимости корректировки, пересмотра или отказа от выбранного курса политики управления расходами.

Изложение основного материала. Известный итальянский экономист В. Парето утверждал, что расходование бюджетных средств эффективно только тогда, когда имеющиеся финансовые ресурсы распределены и используются таким образом, что обеспечивается максимальный или близкий к нему уровень благосостояния всех членов общества [1]. М. Фридман предлагал сокращение бюджетных расходов, в том числе за счет сокращения социальных программ и социальных выплат [2, с. 83-92]. В украинской научной среде хотелось бы выделить экономиста Т.И. Ефименко, что подчеркивает необходимость сочетания расходов бюджета со стратегическими ориентирами развития страны, сохранением человеческого и социального капитала, инновационного развития [3, с. 365].

Актуальной проблемой в Украине является низкая эффективность и результативность управления расходами бюджета, которая проявляется в следующих тенденциях последних лет:

- дефиниция «расходы бюджета» в украинском законодательстве не содержит в себе такую важную часть как выражение их назначения через призму стратегического видения развития государства, поэтому их распределение часто оторвано от стратегического курса;
- высокий уровень централизации бюджетных ресурсов: в структуре доходов (без учета межбюджетных трансфертов) доля государственного бюджета около 80%, в структуре расходов (без учета межбюджетных трансфертов) – до 60%;
- постоянный рост абсолютных и относительных размеров дефицита бюджета и государственного долга (в 2017 году совокупный государственный долг составил 71,8% ВВП [4]); рост расходов на обслуживание долга;
- отсутствие взаимосвязи и согласованности стратегического и бюджетного планирования; достаточно часто индикаторы стратегий не

являются результативными показателями бюджетных программ, а цели, определенные в стратегических документах, не соотносятся с целями бюджетных программ;

- формальный подход главных распорядителей бюджетных средств к осуществлению мониторинга и оценки эффективности бюджетных программ;
- ориентация расходов бюджета на потребление (расходы развития составляют: до 10% для государственного бюджета и до 20% для местных бюджетов); низкий уровень государственных инвестиций;
- низкое качество и слишком большое количество результативных показателей бюджетных программ, которые в основном отражают ход использования бюджетных средств, а не эффект для общества от реализации бюджетных программ;
- социальная направленность бюджета (большое количество субсидий, льгот, социальных расходов) и отсутствие стимулов предпринимательской деятельности; рост расходов на оборону в связи с политической ситуацией в стране;
- трансфертная зависимость местных бюджетов (темпы прироста доходов не соответствуют темпам прироста трансфертов); региональные диспропорции социально-экономического развития;
- несовершенство бюджетного процесса, нарушение фискальных правил, бюджетной дисциплины и отсутствие ответственности за такие нарушения;
- пробелы в системе общественного контроля за выполнением государственного и местных бюджетов.

В таблице 1 изображены расходы Государственного бюджета Украины на экономическую, научную деятельность, обслуживание государственного долга и выплату субсидий населению на оплату коммунальных услуг и энергоносителей в динамике за последние пять лет.

**Доля расходов Государственного бюджета Украины на некоторые виды деятельности
в 2015-2019 годах**

Название функции	2015 г	2016 г	2017 г	2018 г	2019 г (план на 01.07.19)
Расходы на экономическую деятельность					
расходы, млрд. грн.	37,1	31,4	47,0	63,6	83,2
удельный вес (доля) в общем объеме расходов ГБУ, %	6,4	4,6	5,6	6,5	7,4
удельный вес (доля) в ВВП, %	1,9	1,3	1,6	1,8	2,3
Расходы на научную деятельность					
расходы, млрд. грн.	5,3	5,3	6,9	8,7	9,4
удельный вес (доля) в общем объеме расходов ГБУ, %	0,9	0,8	0,8	0,9	0,8
удельный вес (доля) в ВВП, %	0,3	0,2	0,2	0,2	0,3
Расходы на обслуживание долга					
расходы, млрд. грн.	84,5	95,8	110,5	115,4	144,5
доля в КФК 0100, %	82,0	81,2	77,5	70,8	73,4
удельный вес (доля) в общем объеме расходов ГБУ, %	14,6	14,0	13,2	11,7	12,8
удельный вес (доля) в ВВП, %	4,2	4,0	3,7	3,2	4,0
Расходы на субсидии населению					
расходы, млрд. грн.	19,1	46,4	72,4	72,7	50,0
доля в КФК 0180, %	11,0	23,7	26,6	24,3	8,9
удельный вес (доля) в общем объеме расходов ГБУ, %	3,3	6,8	8,6	7,4	4,4
удельный вес (доля) в ВВП, %	1,0	2,0	2,4	2,0	1,4

Источники: [5-10].

Недопустима ситуация, когда в общем объеме расходов государственного бюджета расходы на экономическую деятельность составляют 6,5% (1,8% от ВВП), на научную деятельность – 0,9% общего объема расходов (0,2% ВВП), а на обслуживание долга – 11,7% общего объема расходов государственного бюджета (3,2% ВВП), на выплату субсидий населению – 7,4% общего объема расходов (2,0% ВВП). Если такая тенденция будет сохраняться, то это может привести к дефолту страны.

Считаю, что в управлении расходами бюджета в Украине полностью необходимо изменить концепцию указанного процесса. Ориентация на инвестиционное и инновационное развитие – основа успешного развития страны. Бюджет потребления в Украине должен превратиться в бюджет развития. Переориентация расходов и изменение приоритетов потребует времени. Соответственно это должны быть не временные меры, а стратегическое видение в управлении расходами бюджета. Ведь развитие науки и экономики – залог будущего страны. Соответственно за счет постепенного создания

рабочих мест, увеличение доходов населения, изменения подходов к выплатам субсидий – уменьшаются расходы на субсидии, сократится государственный долг. Обязательными долгосрочными мерами одновременно с переориентацией расходов необходимы меры по созданию государством условий для увеличения экономической активности в обществе и жесткие меры по преодолению коррупции.

Изменение концепции управления расходами бюджета должно осуществляться путем внесения изменений в законодательство (изменение фискальных правил) и проведения мероприятий, среди которых: запрет направлять внешние заимствования на финансирование текущих расходов государственного бюджета, государственные заимствования направлять исключительно на инвестиции; введение нормы о переносе неиспользованных капитальных расходов на следующий бюджетный период с одновременным условием их целевого использования в следующем бюджетном периоде; введение нормы об обязательной доли расходов развития в государственном и местных бюджетах

не менее 25%; внесения нормы об обязательном переносе всех индикаторов из стратегических документов в паспорта бюджетных программ на соответствующий период; осуществление пересмотра результативных показателей бюджетных программ, которые должны отражать не только затраты ресурсов, а главное – полученные результаты (эффекты) для общества, влияние на качество предоставляемых услуг; внедрение гендерно ориентированного подхода к бюджетному планированию с целью более рационального распределения бюджетных средств; стимулирование экономической деятельности и развития науки.

Осуществление всех вышеупомянутых мероприятий в комплексе позволит изменить концепцию и усовершенствовать процесс управления расходами бюджета, обеспечивая эффективное, результативное и целевое использование бюджетных средств.

Вместе с тем, любая государственная политика должна оцениваться, однако детализированное

измерение эффективности управления расходами бюджета не производится и отчет об оценке такой эффективности не публикуется. Казначейство отражает в отчетах только выполнение плановых показателей по всем видам классификации расходов бюджета, но никоим образом не отражает результат от расходования средств. А об оценке эффективности управления вообще не идет речь.

Одновременно с внедрением политики следует ввести критерии и индикаторы, позволяющие оценить эффективность изменения политики управления расходами бюджета как на государственном, так и на местном уровне. Термин «критерий» означает мерило, требования, испытания для определения или оценки предмета, явления.

Основные критерии для оценки эффективности политики управления расходами бюджета изображены на рис. 1. Их позитивное действие на результативность процесса оценивания возможно в случае их комплексного соблюдения и применения.

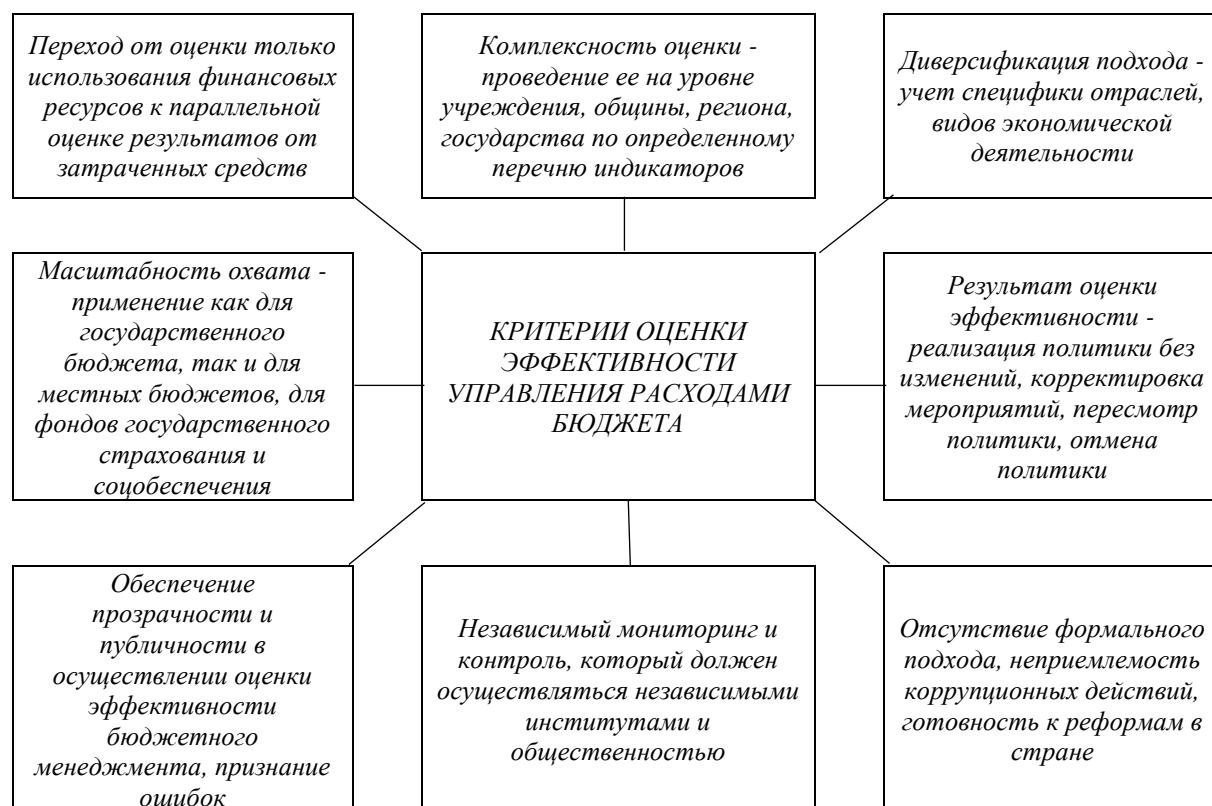

Рис. 1 – Критерии оценки эффективности управления расходами бюджета

Источник: составлено автором

В таблице 2 определены индикаторы (количественные мерила) результативности управления расходами бюджета. Предложенный перечень не является исчерпывающим и может быть дополнен. Он может быть унифицированным,

однако уточняться по мере развития общества и внедрения новаций в законодательстве, варьироваться в зависимости от отрасли экономики.

Ориентировочный перечень индикаторов для оценки эффективности управления расходами бюджета

На уровне бюджетного учреждения	На уровне общины	На уровне региона	На уровне государства
Исполнение бюджета по каждой бюджетной программе (% от плана)	Исполнение бюджета общины (% от плана)	Исполнение бюджета региона (области) (% от плана)	Исполнение государственного бюджета (% от плана)
Уровень достижения показателей основного результата (эффекта) по каждой бюджетной программе	Доля трансфертов в бюджете общины	Индекс физического объема валового регионального продукта (в ценах предыдущего года, процентов)	Одобрено Бюджетную декларацию на среднесрочный период
На уровне бюджетного учреждения	На уровне общины	На уровне региона	На уровне государства
Уровень достижения экономии расходов по каждой бюджетной программе	Прогноз местного бюджета на среднесрочный период принят	Валовой региональный продукт в расчете на одного человека	Государственный бюджет Украины утвержден вовремя
Уровень достижения среднесрочных и стратегических целей учреждения	Местный бюджет утвержден вовремя	Количество созданных рабочих мест в регионе	Количество внесенных изменений в Государственный бюджет Украины
Удельный вес недостигнутых показателей результата (менее 60% выполнения) и обоснование причин	Доход на душу населения общины	Количество внедренных региональных инвестиционных проектов	Дефицит государственного бюджета
Количество выявленных нарушений бюджетного законодательства	Удельный вес расходов развития в бюджете общины	Индекс регионального человеческого развития	Расходы государственного бюджета в процентах к ВВП
Количество примененных санкций за нарушение бюджетного законодательства в общем количестве выявленных нарушений	Количество проведенных общественных встреч по использованию бюджета общины	Уровень достижения стратегических целей (с региональных стратегических документов)	Место Украины в международных рейтингах (индекс экономической свободы, индекс процветания, индекс конкурентоспособности, прозрачность бюджета)
Утвержден стратегический план деятельности учреждения	Количество инвестиционных проектов, что внедряются на территории общей		ВВП на душу населения
Удельный вес расходов развития в бюджете учреждения	Количество вновь созданных объектов инфраструктуры		Доля трансфертов местным бюджетам в структуре расходов
	Количество внесенных изменений в местный бюджет		Удельный вес расходов развития
	Количество учтенных предложений общей в бюджете общей		Удельный вес расходов на науку
	Уровень удовлетворения		Уровень достижения стратегических целей (с

	общины качеством административных услуг		отраслевых, общегосударственных стратегических документов)
	Количество примененных санкций за нарушение бюджетного законодательства		Совокупный государственный долг в процентах к ВВП

Источник: составлено автором

С целью проведения оценки эффективности процесса управления расходами бюджета необходимо запланировать на соответствующий период значения индикаторов, а по результатам бюджетного периода сравнить фактические показатели с плановыми. Одновременно предлагаю рассчитывать интегрированный показатель эффективности управления расходами бюджета за соответствующий период на уровне учреждения, общины, региона, государства. Для этого каждому индикатору необходимо присвоить удельный вес (по методу экспертных оценок) и вычислить такой показатель по формуле:

$$I = \sum_{i=1}^N k_i \times \frac{i_\phi}{i_{\text{пл}}} \quad (1)$$

где I – интегрированный показатель эффективности управления расходами бюджета;

k_i – весовой коэффициент i -го индикатора (критерия), $\sum k_i=1$;

N – число индикаторов (критериев);

i_ϕ , $i_{\text{пл}}$ – фактическое и целевое (плановое) значение индикатора.

В случае, если показатель имеет такой смысл, что превышение его фактического значения над плановым является негативным явлением (например, совокупный государственный долг в процентах к ВВП), то в общей формуле такой показатель отображается со значением «–».

Общую оценку эффективности процесса управления расходами бюджета тогда можно осуществить согласно таблице 3. Каждому числовому значению интегрированного показателя эффективности управления расходами бюджета соответствует качественная оценка и применяются меры по определенному результату оценки: отмена курса политики, пересмотр политики, корректировка некоторых задач, продолжение реализации политики без изменений. Такая модель оценки эффективности управления расходами бюджета позволит вовремя сигнализировать о низкой результативности политики и применять меры по ее немедленному пересмотру.

Таблица 3

Числовое и качественное значение интегрированного показателя оценки эффективности управления расходами бюджета

Числовое значение	Качественные оценки	Оценка результативности (эффективно ли управление расходами)	Результат оценки
меньше 0,5	«неудовлетворительное исполнение»	«нет»	отмена курса политики
больше 0,5, но меньше 0,75	«удовлетворительное исполнение»	«в незначительной степени эффективное»	пересмотрение политики
больше 0,75, но меньше 1	«хорошее исполнение»	«в значительной степени эффективное»	корректировка некоторых задач
1 и больше	«полное исполнение»	«да»	реализация политики без изменений

Источник: составлено автором

В данной методике оценки важным является определение перечня индикаторов и удельного веса каждого из них. Конечно, на уровне учреждения такое проведения оценки эффективности управления расходами бюджета будет более показательным, поскольку позволит охватить все аспекты деятельности бюджетного учреждения и определить индикаторы, где влияние других факторов незначительно. Тем не менее, на уровне общины, региона и страны такой показатель будет также значимым для принятия решений о продолжении или прекращении определенных мер политики управления расходами бюджета.

Выводы и предложения. Выше указанные меры позволяют изменить подход к видению понятия «управление расходами бюджета» и рассматривать дефиницию не просто как процесс, набор методов и инструментов. Предлагаю рассматривать управления расходами бюджета как государственную политику в сфере организации эффективного, рационального и результативного распределения и использования бюджетных ресурсов с целью достижения стратегических целей социально-экономического развития государства. А формирование и реализация государственной политики имеет цикл

функционирования: определение курса политики, регламентация нормативно-правовыми актами, план реализации политики, мониторинг хода реализации, оценка и пересмотр.

Перспективой дальнейших исследований должны стать детализированная разработка индикаторов для оценки эффективности и определения их удельного веса в целях расчета интегрированного показателя эффективности управления расходами бюджета. Определение такого показателя на уровне учреждения, общины, региона и страны позволит вовремя прекращать, пересматривать, изменять, совершенствовать неэффективные и нерезультивтивные меры политики управления расходами бюджета.

Список литературы:

1. Pareto V. Manuel d'Economie politique (1909) / Vilfredo Pareto. – Paris: V.Giard & E. Briere, Libraires-Editburs, – 1909. (traduit de l'italien Alfred Bonnet). – [Электронный ресурс]. – Режим доступу: <http://www.ecn.ulaval.ca/~pgon/hpe/documents/neoclassiques/Pareto.pdf>
2. Фрідман М. Капіталізм і свобода / Мілтон Фрідман, Роуз Фрідман; пер. з англ. Н. Рогачевська. – К.: Наш формат, 2017. – 216 с
3. Єфименко Т.І. Фіscalна та монетарна безпека національної економіки / Т.І. Єфименко; ДННУ «Акад. фін. управління». – К., 2016. – 447 с
4. Динамика совокупного государственного долга и ВВП Украины с 2009 по 2019 гг. Финансовый портал Минфина Украины. – [Электронный ресурс] – режим доступа: <https://index.minfin.com.ua/finance/debtgov/>
5. Річний звіт про виконання бюджету станом на 01.01.2019 року – [Електронний ресурс] – режим доступу: <https://www.treasury.gov.ua/ua/file-storage/richniy-zvit-pro-vikonannya-derzhavnogo-byudzhetu-ukrayini-za-2018-rik>
6. Річний звіт про виконання бюджету станом на 01.01.2018 року – [Електронний ресурс] – режим доступу: <https://www.treasury.gov.ua/ua/file-storage/richniy-zvit-pro-vikonannya-derzhavnogo-byudzhetu-ukraini-za-2017-rik>
7. Річний звіт про виконання бюджету станом на 01.01.2017 року – [Електронний ресурс] – режим доступу: <https://www.treasury.gov.ua/ua/file-storage/richniy-zvit-pro-vikonannya-derzhavnogo-byudzhetu-ukraini-za-2016-rik>
8. Річний звіт про виконання бюджету станом на 01.01.2016 року – [Електронний ресурс] – режим доступу: <https://www.treasury.gov.ua/ua/file-storage/richniy-zvit-pro-vikonannya-derzhavnogo-byudzhetu-ukraini-za-2015-rik>
9. Річний звіт про виконання бюджету станом на 01.01.2015 року – [Електронний ресурс] – режим доступу: <https://www.treasury.gov.ua/ua/file-storage/richniy-zvit-pro-vikonannya-derzhavnogo-byudzhetu-na-01012015-toku>
10. Державна служба статистики України. – [Електронний ресурс] – Режим доступу: <http://www.ukrstat.gov.ua/>

Natalya Yurievna Gusevskaia

Transbaikal State University,

Phd, Associate professor,

Department of International Law and International Relations

THE NEW TECHNOLOGY REVOLUTION AND GREAT POWER COMPETITION

Abstract. The fourth wave science and technology revolution is quickly ushering worldwide military revolution. The major powers are accelerating their own research on new military technology. This presents significant changes to the international security system: the existing disarmament and arms control system is on the brink of collapse, strategic competition among the big powers has intensified, and the risk of global turbulence is on the rise. That's why the great powers should look at one another's strategic intents objectively and rationally. Contradictions and disputes should be settled through dialogue instead of force.

Keywords: *technology revolution, international security, international strategy, arms race, disarmament and arms control*

In recent years, with the rapid pace of the technology revolution, the major powers have made great efforts to renew their military technology and equipment, which appears to have led to a new arms race. This casts a great impact on the international security system. As a result, the competition between the big powers is intensifying and the world turbulence is growing.

The current new military revolution was brought by the fourth science and technology revolution, which presents itself principally in the fields of artificial intelligence, clean energy, quantum information, virtual reality, bio-technology and so on. The future of U.S. military competitiveness will depend upon the ability to remain a leader in innovation in these critical technologies through a national surge in science, while also building upon perhaps more enduring advantages in talent and training to advance innovation in concepts of operations.

Competition among great powers has many impacts on global security. The future of the international security system is likely to be shaped by the technology development. The new military revolution is another quantum leap after the birth of nuclear weapons, and brings with it many unprecedented possibilities. First, the country that makes decisive technological breakthroughs will secure its position as superior in the future world security system. Other countries would find it very hard to narrow the gap with traditional weapons, no matter how large their number, through strategic or tactical action. Secondly, the big powers may have more say in military decision-making, or possess military forces of their own. This is because the development of new technologies requires huge and consistent inputs. For example, the network of big artificial intelligence companies has monopolized the right of speech in AI, as many of the research achievements have been made by them. Finally, the spread of technology makes it possible for more people to possess destructive powers. The lowering of the nuclear threshold allures many countries to attempt to generate nuclear weapons of their own, and the risk of non-state terrorist groups developing nuclear weapons increases accordingly.

Current arms control systems are in very bad shape, and many security vacuums exist in the new frontiers such as network and space. Many people worry about the increasingly serious competition between the great powers in the arena of new technology. Stephen Hawking, the UK theoretical physicist, once said, "AI will be either the best or worst thing for humanity." Elon Musk, the famed technology entrepreneur, investor and engineer, worries that AI could lead to a Third World War. Peter Singer, professor of bioethics at Princeton University, warns that the competition in AI may trigger a dangerous arms race if it is not kept within limits through effective rules and regulations.

Recognizing the disruptive, even revolutionary implications of AI for national defense, the United States, China and Russia are actively seeking to advance their capabilities to employ AI for a range of military applications. In spring 2017, the Department of Defense (DoD) revealed it had established an Algorithmic Warfare Cross-Functional Team "to accelerate DoD's integration of big data and machine learning." This summer, China released the New Generation AI Development Plan, which articulated the ambition to "lead the world" in AI by 2030. This plan calls for military-civil fusion in AI to leverage dual-use advances for applications in national defense, including in support of command decision-making, military deduction, and defense equipment. Meanwhile, the Russian military has been advancing its efforts in intelligent robotics, and Russian President Vladimir Putin declared, "Whoever becomes the leader in AI will become the ruler of the world."

The building of an international security system is a shared responsibility. The major powers should join their efforts to block nuclear proliferation. Nuclear materials should be tightly controlled so that they do not fall into the hands of terrorists, and no new nuclear country should be allowed to emerge. There should be some restrictions on the updating of existing nuclear weapons by the major powers, not only quantitatively, but also qualitatively. However, the great powers appear to have not been very enthusiastic about it. Some analysts believe that it will be hard to achieve any

substantial breakthrough in the near future, and that setting some unbinding international norms would be more practical.

The major challenge to the global security system is the strategic competition between the great powers. On the one hand, great powers still constitute the top count in the international system through virtue of their size, despite the fact that the world is becoming more multivariate. On the other, competition among the great powers is likely to ignite conflicts at the edges of their sphere of influence, as shown by the Syrian war and the conflict in eastern Ukraine. As such, the future of the international security order will depend to a large degree on how the big powers see one another. In the realm of traditional security, the world needs big powers to quench regional conflicts and to set up and manage arms control system. Similarly, in the realm of new security, the big powers are also needed to establish new rules and norms. Given that arms control agreements could be reached even during the most severe time of the Cold War, this is in fact achievable. The great powers should look at one another's strategic intents objectively and rationally. They should respect each other's interests and concerns. Contradictions and disputes should be settled through dialogue instead of force. Eventually, we should build up a new great power relationship characterized by non-confrontation, mutual respect, cooperation and mutual benefit.

References:

1. Department of Defense, "Summary of the National Defense Strategy of the United States of America: Sharpening the American Military's Competitive Advantage," <https://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf>
2. Elsa B. Kania, "Battlefield Singularity: Artificial Intelligence, Military Revolution, and China's Future Military Power," Center for a New American Security, November 2017, <https://www.cnas.org/publications/reports/battlefield-singularity-artificial-intelligence-military-revolution-and-chinas-future-military-power>
3. Jonathan Ray, Katie Atha, Edward Francis, Caleb Dependahl, Dr. James Mulvenon, Daniel Alderman, and Leigh Ann Ragland-Luce, "China's Industrial and Military Robotics Development," Defense Group Inc., Research Report Prepared on Behalf of the U.S.-China Economic and Security Review Commission, October 2016, https://www.uscc.gov/sites/default/files/Research/DGI_China%27s%20Industrial%20and%20Military%20Robotics%20Development.pdf.
4. Elsa B. Kania, "Battlefield Singularity: Artificial Intelligence, Military Revolution, and China's Future Military Power," Center for a New American Security, November 2017, <https://www.cnas.org/publications/reports/battlefield-singularity-artificial-intelligence-military-revolution-and-chinas-future-military-power>.

Soliyeva Nargiza Ergashevna
researcher of the department "Civil society and law",
National University of Uzbekistan

THE CONCEPT OF "IDEOSPHERE" AND ITS EVOLUTION OF THE STUDIES

Abstract. The article analyzed the notion of "ideosphere", its improvement over the next half century, and the descriptions of scholars who have interpreted and developed it. The article also critically compared the functions of the ideology of society and the ideologies of national and political parties that have emerged in Uzbekistan over the last quarter of a century, and draws conclusions on the development of this sphere.

Keywords: *idea, ideology, ideosphere, noosphere, socio-natural, technosphere, sociosphere, national idea, political ideologies, ideologies of political parties.*

At present there are various interpretations of the concept of "ideosphere" and its manifestation in society. Some scientists view it as part of the "noosphere". "The noosphere" is a combination of the Latin words "noos" - intelligence and "sfera" – sphere. The noosphere is a sociocultural context in which both natural and social phenomena are explored.

The concept of the noosphere, developed by the French scientist Edward Le Rua, and later developed by Teyar de Sharden, showed that "the global shift of human interactions with living and inanimate creatures around the world that has led to the emergence of the concept of the noosphere". Certainly, this concept

emerged under the influence of biosphere teachings put forward by V.I.Vernadskiy's lectures in Paris in 1926. The concept of the noosphere formed as a continuation of the science of the natural environment surrounding human beings⁴.

According to this concept, the noosphere has three parts:

1. Technosphere is an area that combines the tools for processing energy, substances, transport and communications created by the human mind.
2. Sociosphere is a sphere of interpersonal relations, starting with people and social structures.

⁴Гордина Л.С. О современном понятии "Ноосфера".// <http://noospherecity.com/osovremennom-ponyatii-noosfera>.

3. Ideosphere is an ideal product of human activity, such as art, science, religion, mythological forms of consciousness.

The ideosphere - the soul of the noosphere - is the main and prime of the noosphere. Every thought program a particular activity of a person⁵.

According to the well-known scientist A.A.Zinov'yev, the ideological field of society (in short - the ideosphere) gathers and unites many people around ideas, to re-create the mind of the people, with their skill and control skillfully adjusted to the needs of their profession. The status of this process is legalized. They operate in a particular society under state laws. If a mentality event (not the sphere, but the aspect!) goes beyond the law of society, or is prohibited by law, it can at least live anonymously, but it is not a part of the social organization of the society. Examples include banned religious sects, revolutionary organizations trying to undermine the existing political system.

Nowadays the ideosphere is divided into religious and non-religious (secular, civil) spheres. The latter is now dominant. We will try to describe the latter as the ideosphere below.

We call the ideologists who formed the ideosphere. The object of the ideological activity consists of people. It refers only to the mind, not to all people, but to certain members of society. The task of the ideologists is to create a new consciousness, based on the demands of the people, society's self-preservation, not on the basis of the consciousness, but on the mind. The ideologists then began to fall into the category of people who were concerned about what their minds should be⁶.

Ideas are also born, grow, gain strength, collide with other ideas and ultimately collapse. Ideas evolve as an animal world. Some scholars believe that the natural selection of ideas in the ideological world will destroy the weak, and increase the strong. In 1970, the biochemist of France Jack Mono proposed in his work "Coincidences and needs" that ideas are as autonomous as organisms and are capable of reproduction by themselves.

In 1976, the English biologist Richard Dawkins proposed the concept of ideosphere in his work "The Egoistic Gene". As much as the biosphere plays an important role in living things, so is the world of ideas for the ideosphere. Dawkins wrote: "When you put some useful ideas into my brain, you can use them in one word, as if it were a machine". He illustrated the idea of the concept of God, and it has since evolved and since then has been expanding, its verbal and written spread, and even its music and art, its regular repetition and interpretation by believers, analyzes the process, such as adjusting it to appropriate widths and times.

However, ideas are often blurry, unlike living things. For example, the idea of communism, which

arose in the brain of Karl Marx, quickly spread throughout the world and penetrated almost half the planet. It evolved, faded, then lost its power, and it remained in the minds of very few, as some species disappeared. He also undermined the idea of "old-fashioned capitalism".

In the ideosphere, civilizations arise as a result of the struggle for ideas. Nowadays, changing or blurring ideas is being accelerated by computers. Thanks to the Internet, it became possible to quickly spread ideas around the world, to quickly meet your opponents and killers. Many ideas do not adhere to the same ethical principles as in biology⁷.

To date, the ideosphere does not place cells that are embedded in the minds of people in order to create and maintain bad intentions. This is because the ability of humanity to perceive only good values - the "process of awakening" - has developed rapidly. Nevertheless, many members of society were sentenced to live under the influence of ideological cells. Very few people can be affected by them. But they are immediately seen as people who have deviated from the norms.

As a result of the ideological activity, most people in the society live in a moderate and standardized consciousness. Many of them think in the same way, evaluate events in the community in the same way, and react to the same situations. They represent the average state of the mentality of society. The power of the ideosphere is not only a means of influencing people's minds, but a factor of support from the state or society, but as a means to unite the masses of society⁸.

The Western ideology acts as the ideology of a western-type society. Western ideology has been around for centuries in the spiritual and cultural development of Western nations. Many philosophers, economists, sociologists, political scientists, writers and political figures participated in the process. Among them, such thinkers as Francis Bacon, John Lock, Thomas Gobbs, Adam Smith, John Stewart Mill, Charles Monteske, Jean-Jack Rousso, Deni Didro, Francois Marie Volter, Georg Hegel, Immanuel Kant contributed to the creation of Western ideology. There is no single, officially recognized state ideology in the West.

The reason why Western ideologies are pluralistic is that they are shaped by different doctrines, ideas and concepts. It is impossible to combine them mechanically. They often live and thrive in controversial situations. Of course, this can be compared to the fact that pluralism is a unit-based division of labor and divides it into several dimensions. The Western political system maintains its stability on the basis of interactions between political parties and factions. Ideological pluralism reflects the state of

⁵Адаптация человека в условиях инфосферы. Ноосфера и ее концепция// <https://stydopedia.ru/2xbaa0.html>.

⁶Зиновьев А.А. Идеологическая сфера общества. <http://cupuysca.narod.ru/zino/ideosfera.html>.

⁷Бернард Вербер. Страна Ангелов// <https://www.liveinternet.ru/users/jurwas/post408008632/>.

⁸Копылов Г.Г. Менталитетная сфера общества// http://sbiblio.com/biblio/archive/sinivev_na/05.aspx.

ideological freedom and freedom from ideology in general⁹.

As a result of the break-up of the Soviet Union under the single ideology in 1991, a new and young Commonwealth of Independent States (CIS) emerged, which united the communist ideology. Each of these countries has declared its own national ideology. However, the political parties formed in them have proclaimed such political ideologies as socialist, social-democratic, people's-democratic, liberal-democratic, and liberal. However, these ideologies were not accepted by the majority of society. Nationalist and religious ideas began to flow in these countries due to poor development of national ideologies. In Soviet times, Orthodox Christianity, Islam and other religions were under the pressure of ideological oppression, and in these countries the religion grew rapidly, since mushrooms grew after the rain. In the sociological surveys conducted by foreign sociological services, including WIN/Gallip International in 2008, 2009, and 2015, the religious level of the population was 70 percent in Russia, 64 percent in Kazakhstan, 72 percent in Kyrgyzstan, 85 percent in Tajikistan, 80 percent in Turkmenistan, and 51 percent in Uzbekistan¹⁰.

A number of problems have arisen in this regard as national ideologies developed by the governments of Central Asia have not been able to adequately address the historical, national, mental aspects of the people and do not rely on the intellectual resources available to develop them. In particular, the national ideology formed in the Republic of Uzbekistan was not perfect, and its mechanisms of inculcation in the minds of young people and citizens were ineffective. A number of problems have arisen in this area because of the theoretical uncertainty of the national idea, lack of consistency, nationality and attractiveness. The President of the country, Sh.M. Mirziyoyev, called this national idea "an effective way and means to counter the ideological threats directed against the peace of the country, the stability of society, the universal, national and religious values aimed at destroying the centuries-

old way of life. On April 8, 2019 the Decree of the President of the Republic of Uzbekistan "On Measures for Development of the Concept of Development of National Idea at a New Stage of Development of Uzbekistan" was adopted. This project is based on "new ideas and ideas found in society, based on national and universal values and international experience, and the widespread dissemination of national ideas through the family, community, art and literature, science and education institutions and the media, strengthening the principles of interethnic harmony, humanism and solidarity in society"¹¹.

The analysis shows that for countries experiencing transitional transformation, the ideological environment is an indispensable factor. This is because the task of uniting the society on the basis of national ideas, as well as strengthening the system of multiparty based on different political ideas, as well as the development of pluralism in the society, is an urgent task.

REFERENCES:

1. Адаптация человека в условиях инфосферы. Ноосфера и ее концепция.// <https://studypedia.ru/2xbaa0.html>.
2. Бернард Вербер. Страна Ангелов// <https://www.liveinternet.ru/users/jurwas/post408008632/>
3. Идеосфера западнизма. 23.04.2015 // <https://times.com.ua/Home/BlogsDetailed/24859?SeoUrl=ideosfera-zapadnizma>.
4. Гордина Л.С. О современном понятии "Ноосфера".// <http://noospherocity.com/osovremennom-ponyatii-noosfera>.
5. Зиновьев А.А. Идеологическая сфера общества. <http://cuprusa.narod.ru/zino/ideosfera.html>.
6. Копылов Г.Г. Менталитетная сфера общества// http://sbiblio.com/biblio/archive/sinivev_na/05.aspx.

C. Чуян (S. Chuyan)

CONCEPTS "SUBJECTIVITY" AND "IDENTITY" IN THE DUBLINERS BY J.JOYCE

Abstract. Due to the component analysis we identified several notional variants of the "subjectivity" and "identity" concepts. This type of analysis is used to determine word meaning. In component analysis the meaning of the word is decomposed to its parts.

Key words: concept, subjectivity, identity, cognitive-discursive approach, cultural connotations.

Linguistics of the second half of the twentieth century is oriented on pragmatics that has long been

mentioned only in the works of scientists, but not subjected to scientific study. The interest in pragmatics

⁹Идеосфера западнизма. 23.04.2015 // <https://times.com.ua/Home/BlogsDetailed/24859?SeoUrl=ideosfera-zapadnizma>.

¹⁰The Telegraph: Узбекистан наименее религиозная страна Центральной Азии /<https://podrobno.uz/cat/obchestvo/the-telegraph-uzbekistan-naimenee-religioznaya-strana-tsentralnoy-azii/> (дата обращения 20.10.2018).

¹¹Ўзбекистон Республикаси Президентининг "Ўзбекистон тарақкиётининг янги босқичида миллий ғояни ривожлантириш концепцияси пишлаб чиқишига доир чора-тадбирлар тўғрисида"ги фармойиши. 2019 йил 8 апрель.//Халқ сўзи, 2019, 9 апрель.

is the result of the great process that occurred in science and is setting anthropocentric paradigm. In linguistics this means that now language is not understood as abstraction but as language specific media, with all its features, manuals, etc [3, 69; 2,197; 1,97-99].

In pragmatics in modern science we understand the information about: 1) the attitude of the speaker, the subject message, 2) the relation of the speaker to the addressee, 3) the relation to the used words, 4) the language actions that can be done using the word, 5) semantic associations connected with this word. Items 3 and 5 just reflect the notion "concept".

The **actuality** of the research is caused both by the anthropological nature of the object, the concepts "subjectivity" and 'identity', its importance in the English system of language culture and relevance of the applied cognitive-discursive approach to general anthropocentric orientation of modern linguistics to identify the presence of the subject of knowledge in language area that expresses itself in the view of the role of the subject in an English literary text in the formation of conceptual, figurative and symbolic signs of "subjectivity" and "identity" concepts.

The **aim** of our study is to analyze the concepts of "subjectivity" and "identity" based on the collection of stories by James Joyce. This aim determines the following **tasks**:

- to study the typical features of the "subjectivity" and "identity" concepts;
- to study the features of the style of James Joyce, and in particular in the collection of stories *Dubliners*;
- to draw levels of functioning of the "subjectivity" and "identity" concepts in the text of stories;
- to describe the features of the conceptual significance of the given levels.

The **object** of the research is the "subjectivity" and "identity" in the English language.

The **subject** of the research is language expression means of the "subjectivity" and "identity" in the texts of stories *Dubliners* by James Joyce.

The research is done on the given collection of stories.

The analysis involves consideration of typological characteristics of the internal structural and systematic organization of lexical material, enabling the use of structural and systemic approach to cover the formation and functioning of the connotative (pragmatic) values. According to the definition of logics, the concept in the language should be put into separate words. In such manner the concept was viewed as an imaginary formation that replaces an unknown set of objects of the same kind in the process of thinking.

We should emphasize that the "imaginary formation", according to the scientist, does not mean the image of a single object but reflects in the consciousness "the whole set of undefined" entities - object, "some sides of the object or real actions, relations between entities (up to the imaginary functions, such as mathematical operations).

This "imaginary formation" in the individual consciousness may not coincide with many "imaginary entities" that have arisen in the minds of others. A natural question arises: Is there a necessarily a link between a concept and its implementation in the language? The views of scientists differ. R.I. Pavlenis indicates a primary independence of a concept as an imaginary creation of the language (and therefore the necessity of it being reflected by the units of the language). The researcher speaks about the existence of conceptual systems as systems of thought and knowledge that reflect the experience of cognition by the native speakers on different levels and in different steps and aspects, which are the basis for understanding any object, including the linguistic expression.

In our study we understand the concept as a set of knowledge related to this concept and associations (both individually and culturally enshrined), linking it with other phenomena. The presence of multilevel conceptual domain in the same language is confirmed by the fact that in small groups of native speakers of one language some speech units can acquire specific meaning unknown to the whole community who speak that language. At first glance it can be qualified as usage taking into consideration all the speakers. However, usage is known as a single use of a language unit in more or less unusual combination or sense. It seems important to us once again focus on the lingual and extra - correlation related to the notion of "concept". The concept can be expressed by a linguistic unit, but is not necessarily expressed by it, beginning its existence before being used in a verbal form. We believe this idea can be developed in the following aspects: our consciousness is in need of some steady information marker that leads to the expression of the concept using a language item that relates primarily to nuclear part of a marked element.

As we can see the term "concept" can be filled with different content if applied to different parts of the lexical system of a language. For example, with regard to terminology, perhaps we can put an equal sign between concept and notion, and it is not the same with common words because in the meaning of the word not all the features of the concept are implemented, but it includes a number of other characteristics, which is caused by the emergence of "relationship to other words" and presence of "social coloring", connected with the historical fate of the sound complex. Thus, the concept as a notion or idea in terms of its linguistic position cannot be limited exclusively by lexical or lexical-phraseological level. Its implementation is multifaceted. Subtleties of conceptual understanding are manifested in terms of language units and language area. Therefore, we understand the concept as a set of knowledge related to this concept, and associations (both individually and culturally enshrined), linking it with other phenomena. However, along with the core concept there is a peripheral part with rather uncertain limits and a vast number of related associative links. They can be implemented (and understood) firstly as a result of transactions with other language signs or

combination and secondly through the use of specific grammar devices, etc.

The material for our research is the texts of stories, united in a collection of Dubliners. They are literary texts which means they are distinguished by forethought, a special organization and creative thinking. These characteristics determine the particular realization of the conceptual meaning of "subjectivity" and "identity". The levels of the text coincide with the linguistic levels: phonological, lexical, grammar (proper grammar and syntax). The important fact is that the concept functions at the levels of text formation.

We define the notion of connotation and cultural connotations. We define connotation as semantic meaning which is usually or occasionally included in the semantics of linguistic units, and expresses the emotive-evaluative and stylistically marked relation of the subject of the language to reality, with its reference to utterances, which get this information based on expressive effect.

V.N. Telia offers to understand the cultural connotations as the interpretation of denotative or metaphorically-motivated, quasi denotative, aspects of meaning in the categories of culture [4, c.64-74]. To determine the nature of cultural connotations we should indicate that culturally marked connotations are determined firstly by their use, secondly, by the correlation with culturally marked instructions, stereotypes, background knowledge, thirdly, by the cultural specificity of internal form, which verbalizes national stereotypes. Thus connotations have both conceptual and verbal nature that determines their diversity in terms of context.

Thus, due to the component analysis we identified several notional variants of the "subjectivity" concept. This type of analysis is used to determine word meaning. In component analysis the meaning of the word is decomposed to its parts. They are called semantic components, differential semantic features, semantic parameters, etc. We use the term "seme". This term is most appropriate as a central term of the component analysis because it meets short and transparent motivation. We will call seme an elementary component of the word or other linguistic unit meaning which shows marked signs that are different in language.

By the nature of transmitted information and pragmatic status semes are distinguished as related to denotative, that is subject-logical, meaning of words and connotative that reflects the pragmatics of the act of communication related to the assessment that the speaker gives to the subject of speech, with its emotional condition, desire to affect the interlocutor, the terms of the act of communication that determine its functional and stylistic coloring. In the analysis of literary texts the connotative part of the seme is particularly important. Thus, it is necessary to distinguish between usual and occasional, that is generated by the context, connotation.

We define the meanings of subjective. They are:

1: a: of relating to, or consisting a subject: as an absolute: of, relating to, or characteristic of one that is

a subject especially in lack of freedom of action or in submissiveness

b: being or relating to a grammatical subject; nominative

2: of or relating to the essential being of that which has substance, qualities, attributes, or relations

3 a: characteristic of or belonging to reality as perceived rather than as independent of mind: phenomenal – compare objective 1b

b: relating to or being experience or knowledge as conditional by personal mental characteristics or states

4 a : (1) : peculiar to a particular individual: personal < subjective judgments> (2) modified or affected by personal views, experience, or background <a subjective account of the incident>

b: arising from conditions within the brain or sense organs and not directly caused by external stimuli <subjective sensations >

b: arising out or identified by means of ones perception of ones own states and processes < as subjective symptom of disease>

5: lacking in reality or substance: illusory

The first plane is subjectivity as belonging to a particular subject and is particularly evident in the absence of freedom that is subjectivity comes close to submissiveness.

The second plane is a perception of reality through the senses rather than brain. It means the subjectivity involves actions done by the organs of feelings of a certain subject and also their knowledge and experience. The third plane includes features specific to a particular individual, traits that have developed under the influence of personal opinions, experiences and backgrounds. The fourth plane also represents a potential component of associative sets and modal characteristics.

Subjectivity is the concept associated with the lack of communication with reality. We must mention the emotional component of the concept: "subjectivity" has a certain mood, the notion which is characterized by belonging to a person with their individual views, life experiences and origin, but also may be unrealistic and illusory (nonobjective, mental, internal, subconscious, intellectual, individual, personal, prejudiced, idiosyncratic, egocentric, self-centered, selfish, self-interested, egoistic, self-serving, wrapped up in oneself, narcissistic, introverted, self-conscious, bigoted, illiberal, self-confident, self-assured, self-satisfied).

It is important to note that all mentioned components include potential connotative meanings that create modal frame, ideological orientation and the emotional component. For example, the "subjectivity" can be viewed both positive (modal frame of approval, promotion, arrogant attitude, enthusiasm, desire, etc.) and negative (disapproval modal frame, fear, etc.): subjectivity means separation from others, shallowness, bias, lack of freedom of actions, perception of reality through the senses, which may be due to the lack of finding meaning in life, even escape from it.

In its emotional component the concept "identity" is close to the concept of "subjectivity" because it also contains the notion, which is characterized by belonging to an individual person, but differs by its singularity and uniqueness. At the same time "identity" is characterized by accuracy, homogeneity and unity.

Now we define the nucleus of the concept identity:

Identity

a: sameness of essential or generic character in different instances

b: sameness in all that constitutes the objective reality of a thing: oneness

2. a: the distinguishing character or personality of an individual: individuality

b: elation established by psychological identification

3: the condition of being the same with something described or asserted, established the identity of stolen goods

4: an equation that is satisfied for all values of the symbols.

In the meaning of the concept of "identity" we can distinguish several planes. The first plane is formed by uniformity, which is reflected in the generic character. The second plane is on the contrary the difference of the individual from others, and the third one is also a sameness or similarity, but such sameness or similarity which is reflected in equal features with existing objects or persons (oneness, sameness, unity, self-sameness, exactness, exactitude, identicalness, undistinguishability, oneself, selfhood, individuality, person, personality, name, singularity, uniqueness, differentness, resemblance, likeness, alikeness, similarity, similitude, semblance, closeness, approximation, nearness; synonymy, analogy , accordance).

That means the "subjectivity" and "identity" concepts are sophisticated multiplane formations, their study can be localized, limited by the measures of the genre, era, author, work of art. In our study the research material is a collection of stories by J. Joyce *Dubliners*.

In the history of world literature J. Joyce is known as one of the founders of the so-called "stream of consciousness" - the style that applies to the direct reproduction of mental life by linking consciousness associations which are not linear and of incomplete syntax. Consciousness is similar to a stream or creek in which thoughts, feelings, experiences, associations constantly interrupt each other and are oddly intertwined as it happens in a dream.

Joyce's prose reveals a considerable similarity to musical works, and especially the symphony, which, thanks to carefully thought out system of leitmotifs, always held the main theme. Joyce studied leitmotif technique from Richard Wagner. Already in his early prose, he developed this method to such perfection that with its help he tied together externally disconnected facts, random events and linked the idea of household

with the symbolic plan. And just as in the symphony, when it seems that the main theme is over, the main theme of Dubliners is the theme of death — spiritual and physical — suddenly appears and sounds with a new force recalling itself.

Stream of consciousness is a form that imitates the oral speech, inner monologue. That is why we see the developments of actions in stories through their perception by characters, their feelings, memories and dreams. We believe that because of that style the "subjectivity" and "identity" are key concepts.

In our study, we identified two main levels of detecting concepts - lexical and syntactic.

At the lexical level to the nominees of the concept "subjectivity" we can include the following nouns: adventures, imagination, memories, hopes, compliment, vision, theory, opinion. To the words actualizing the concept belong the verbs: think, mean, be sure, suppose, be tired of, hope, know, seem. Also this concept is actualized by a great number of epithets, evaluative adjectives and adverbs and metaphors.

Speaking about the lexical plane of expression of the concept "identity", we can say that nominees of the concept include personal pronouns, proper names and common nouns. To the words actualizing the concept belong the verbs that show the different views and perceptions of heroes themselves, adjectives and adverbs.

Among the syntactic means of expressing the concepts of "subjectivity" and "identity" we can name parallelism, that is parallel syntactic structures, repetitions, elliptical structures.

Thus, we can draw the following conclusion: both concepts are abstract nouns, but they are actualized by different parts of speech. The concept of "subjectivity" is characterised by the use of verbs, nouns, evaluative adjectives and adverbs. To the words actualizing the "identity" concept belong the common and proper names, personal and possessive pronouns. Stylistic devices are scarce and among them the actualizers of the concepts include epithets, metaphors and personification.

References

1. Recanati F. Literal meaning / Francois Recanati — Cambridge: Cambridge University Press, 2004. -179 p.
2. Jackendoff R. Semantics and Cognition. / Ray Jackendoff / Current Studies in Linguistics Series — Cambridge, MA: The MIT Press, 1983. — 283 p.
3. Croft W., Cruse D.A. Cognitive Linguistics. / Willian Croft — Cambridge: CUP, 2004. — 365 p.
4. Телия В.Н. О специфике отображения мира психики и знания в языке / В.Н. Телия // Сущность, развитие и функции языка. — М.: Наука, 1987. — С.65-74.

#11 (51), 2019 część 6

Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe
(Warszawa, Polska)

Czasopismo jest zarejestrowane i publikowane w Polsce. W czasopiśmie publikowane są artykuły ze wszystkich dziedzin naukowych. Czasopismo publikowane jest w języku polskim, angielskim, niemieckim i rosyjskim.

Artykuły przyjmowane są do dnia 30 każdego miesiąca.

Częstotliwość: 12 wydań rocznie.

Format - A4, kolorowy druk

Wszystkie artykuły są recenzowane

Każdy autor otrzymuje jeden bezpłatny egzemplarz czasopisma.

Bezpłatny dostęp do wersji elektronicznej czasopisma.

Zespół redakcyjny

Redaktor naczelny - Adam Barczuk

Mikołaj Wiśniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Paweł Lewandowski

Rada naukowa

Adam Nowicki (Uniwersytet Warszawski)

Michał Adamczyk (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jabłoński (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Piotr Michalak (Uniwersytet Warszawski)

Jerzy Czarnecki (Uniwersytet Jagielloński)

Kolub Frennen (University of Tübingen)

Bartosz Wysocki (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (Uniwersytet Warszawski)

Dawid Kowalik (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Peter Clarkwood(University College London)

#11 (51), 2019 part 6

East European Scientific Journal

(Warsaw, Poland)

The journal is registered and published in Poland. The journal is registered and published in Poland. Articles in all spheres of sciences are published in the journal. Journal is published in English, German, Polish and Russian.

Articles are accepted till the 30th day of each month.

Periodicity: 12 issues per year.

Format - A4, color printing

All articles are reviewed

Each author receives one free printed copy of the journal

Free access to the electronic version of journal

Editorial

Editor in chief - Adam Barczuk

Mikołaj Wiśniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Paweł Lewandowski

The scientific council

Adam Nowicki (Uniwersytet Warszawski)

Michał Adamczyk (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jabłoński (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Piotr Michalak (Uniwersytet Warszawski)

Jerzy Czarnecki (Uniwersytet Jagielloński)

Kolub Frennen (University of Tübingen)

Bartosz Wysocki (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (Uniwersytet Warszawski)

Dawid Kowalik (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Peter Clarkwood(University College London)

Igor Dziedzic (Polska Akademia Nauk)
Alexander Klimek (Polska Akademia Nauk)
Alexander Rogowski (Uniwersytet Jagielloński)
Kehan Schreiner(Hebrew University)
Bartosz Mazurkiewicz (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)
Anthony Maverick(Bar-Ilan University)
Mikołaj Żukowski (Uniwersytet Warszawski)
Mateusz Marszałek (Uniwersytet Jagielloński)
Szymon Matysiak (Polska Akademia Nauk)
Michał Niewiadomski (Instytut Stosunków Międzynarodowych)
Redaktor naczelny - Adam Barczuk

1000 kopii.

Wydrukowano w «Aleje Jerozolimskie 85/21, 02-001 Warszawa, Polska»

Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe

Aleje Jerozolimskie 85/21, 02-001 Warszawa, Polska

E-mail: info@eesa-journal.com ,
http://eesa-journal.com/

Igor Dziedzic (Polska Akademia Nauk)
Alexander Klimek (Polska Akademia Nauk)
Alexander Rogowski (Uniwersytet Jagielloński)
Kehan Schreiner(Hebrew University)
Bartosz Mazurkiewicz (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)
Anthony Maverick(Bar-Ilan University)
Mikołaj Żukowski (Uniwersytet Warszawski)
Mateusz Marszałek (Uniwersytet Jagielloński)
Szymon Matysiak (Polska Akademia Nauk)
Michał Niewiadomski (Instytut Stosunków Międzynarodowych)
Editor in chief - Adam Barczuk

1000 copies.

Printed in the "Jerozolimskie 85/21, 02-001 Warsaw, Poland»

East European Scientific Journal

Jerozolimskie 85/21, 02-001 Warsaw,
Poland

E-mail: info@eesa-journal.com ,
http://eesa-journal.com